

**Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИМЕНИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ»
(РУДН)**

На правах рукописи

КАВЧЕНКОВ КИРИЛЛ ВАДИМОВИЧ

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
ЗА НАРУШЕНИЕ ПОРЯДКА СБЕРЕЖЕНИЯ ВОЕННОГО
ИМУЩЕСТВА**

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Клебанов Лев Романович

Москва — 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Правовое регулирование порядка сбережения военного имущества.....	21
1.1. Правовое регулирование порядка сбережения военного имущества в Вооруженных Силах Российской Федерации.....	21
1.2. Становление и развитие отечественного законодательства об ответственности за преступления против порядка сбережения военного имущества.....	43
Глава II. Уголовно-правовая характеристика преступлений против порядка сбережения военного имущества.....	72
2.1. Особенности отнесения военного имущества к предмету преступлений против порядка его сбережения.....	72
2.2. Особенности элементов составов преступлений против порядка сбережения военного имущества.....	100
Глава III. Квалификация преступлений против порядка сбережения военного имущества, совершаемых военнослужащими.....	127
3.1. Квалификация преступлений против порядка сбережения военного имущества и их ограничение от смежных общеуголовных составов преступлений.....	127
3.2. Отграничение преступлений против порядка сбережения военного имущества от иных преступлений против военной службы.....	151
Заключение.....	166
Список литературы.....	171
Приложения.....	192

Введение

Актуальность темы исследования. На современном этапе исторического развития все большее значение в российском государстве придается Вооруженным Силам Российской Федерации как гаранту суверенитета и территориальной целостности. Техническое оснащение и материально-бытовая обеспеченность при этом играют важную роль в обеспечении возможности выполнения Вооруженными Силами Российской Федерации возложенных на нее задач.

В современной военной доктрине и практике оружие, боеприпасы и предметы военной техники выступают в качестве фундаментальной материально-технической базы, определяющей уровень боеготовности и боеспособности воинских формирований и организаций, чья деятельность сопряжена с применением военных методов. Данное положение является аксиоматичным, поскольку непосредственное исполнение задач по обороне государства и обеспечению его безопасности немыслимо без адекватного материального обеспечения.

Дефицит или ненадлежащее состояние оружия, боеприпасов и военной техники неизбежно делает невозможным поддержание требуемой степени готовности к оперативному реагированию на угрозы, а также к эффективному выполнению боевых задач по предназначению. В условиях стремительного развития средств и способов вооруженной борьбы, когда информационное и технологическое превосходство становятся решающими факторами успеха, любой дефект в материальной составляющей вооруженных сил мгновенно транслируется в снижение их стратегического потенциала. Следовательно, актуальность неукоснительного соблюдения порядка сбережения данных видов имущества приобретает первостепенное значение, непосредственно влияя на национальную безопасность и обороноспособность государства в целом.

В условиях военного положения, военного времени, вооруженного конфликта или ведения боевых действий уничтожение, повреждение или

утрата военного имущества становятся особенно опасными для общества. Разрушение или порча таких объектов требуют значительных ресурсов для восстановления. Опыт вооруженных конфликтов, в том числе специальной военной операции, показывает, что нарушение правил хранения и использования военного имущества может привести к тому, что оно попадет в руки третьих лиц и будет использовано против государственных интересов в сфере обороны, военной и общественной безопасности.

Однако, несмотря на очевидную значимость и историческую обусловленность, следует констатировать, что в современном отечественном военном праве уголовно-правовой запрет на уничтожение, повреждение или утрату военного имущества до сих пор не получил завершенного концептуального оформления в качестве полноценной и системно проработанной юридической конструкции. Данное обстоятельство обуславливает актуальность дальнейших научных изысканий в этой области. Отсутствие исчерпывающей доктринальной разработанности, а также некоторых пробелов и коллизий в законодательном регулировании, порождает сложности в правоприменительной практике, затрудняя единообразную квалификацию деяний и назначение справедливых мер ответственности. Это, в свою очередь, может негативно сказываться на эффективности защиты материальной основы обороноспособности государства и поддержании надлежащего воинского правопорядка, что, безусловно, требует безотлагательного внимания со стороны как законодателя, так и научного сообщества.

Предварительный анализ статистических данных о состоянии и динамике преступности против установленного порядка сбережения вооружения, боеприпасов и военной техники, предшествовавший началу специальной военной операции, демонстрировал относительно стабильный и низкий уровень распространенности указанных противоправных деяний в

сравнении с другими категориями преступлений против военной службы¹. С началом специальной военной операции количество преступлений изучаемой категории возросло в разы², что обусловлено совокупностью объективных и субъективных факторов. Наиболее приоритетное значение среди них имеют факторы, связанные с ослаблением механизмов контроля за сохранностью материальных средств, а также снижением дисциплины среди личного состава в условиях повышенной опасности. Изложенные обстоятельства требуют от военных следователей принятия законных решений при достаточно высоком уровне оперативности.

Результаты проведенного социологического исследования³ свидетельствуют о том, что большинство респондентов из числа офицеров военных следственных органов Московского и Южного военных округов (72 %) считают необходим уточнить составы преступлений против порядка сбережения военного имущества для более точной квалификации допускаемых военнослужащими нарушений.

Таким образом, в свете современных вызовов национальной безопасности и геополитической нестабильности, актуальность настоящего исследования детерминируется объективно возрастающими потребностями государства в адекватном уголовно-правовом обеспечении сохранности его материально-технической базы, поскольку от ее состояния и наличия напрямую зависит уровень боеготовности и боеспособности воинских формирований и организаций.

¹ Статистические данные за 2012-2021 годы по составам преступлений, предусмотренных статьями 167, 168 225, 346, 347, 348, части 1 и 1.1 статьи 293.1 УК РФ / Письмо заместителя Главного военного прокурора А.Ю. Девятко от 23.08.2023 (приложения А-Г к диссертации).

² Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022-2024 годы (указывается общее количество совершенных воинских преступлений; в период специальной военной операции сведения о количестве осужденных военнослужащих по статьям 346-348 в открытых источниках не раскрываются) / Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 15.03.2025).

³ Экспертный опрос 47 следователей Следственного комитета Российской Федерации, из них 35 – участники специальной военной операции, приведен в приложении Д к диссертации.

Степень научной разработанности темы исследования.

Проблема уголовно-правовой охраны военного имущества имеет глубокие исторические корни, прослеживаясь от Русской Правды до современных нормативных актов. Особое значение приобрело законодательное закрепление соответствующих норм в Артикуле Воинском 1716 года, где впервые были систематизированы запреты на повреждение и утрату военных припасов.

Теоретической основой исследования послужили труды дореволюционных юристов (П.О. Бобровский, С.В. Познышев)⁴; советских и современных ученых-специалистов по военному праву (Х.М. Ахметшин, Д.В. Бондаренко, О.К. Зателепин, П.Ф. Ильяшенко, В.Д. Меньшагин, В.Г. Стрекозов, А.А. Тер-Акопова, В.М. Чхиквадзе, В.П. Шупленкова)⁵.

Значительный вклад в анализ правовых коллизий, связанных с ответственностью за нарушение порядка хранения военного имущества, внесли О.А. Демин, Р.Р. Камаев, М.О. Ионов и С.В. Шепилов⁶.

⁴ Бобровский П.О. Военное право в России при Петре Великом. Часть вторая. Артикул воинский. Выпуск 2-ой. – С.-Петербург, 1986. – С. 255; Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. 2-е изд., испр. и доп. М., 1909.

⁵ Ахметшин Х.М. Основные вопросы теории советского военно-уголовного законодательства и практики его применения : дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ВПА, 1974; Бондаренко Д.В. Юридическая ответственность в условиях военного положения (на опыте Великой Отечественной войны 1941 – 1954 гг.) : дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01. М., 2004; Зателепин О.К. Объект преступления против военной службы : дис. ... канд. юрид. наук. 20.02.03. М.: ВУ, 1998; Ильяшенко П.Ф. Развитие военного законодательства в период восстановления народного хозяйства и дальнейшего развития советского общества (1946 – 1976 гг.) : дис. ... канд. юрид. наук. 20.02.03. М.: ВКИ, 1987; Меньшагин В.Д. Преступления против обороны СССР : дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ВЮА, 1951; Стрекозов В.Г. Защита Отечества – конституционная обязанность граждан СССР : дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВПА, 1973; Тер-Акопов А.А. Правовые основания ответственности за воинские преступления : дис. ... д-ра юрид. наук. 20.02.03. М.: ВКИ, 1982; Чхиквадзе В.М. Военно-уголовное право : дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ВЮА, 1946; Шупленков В.П. Проблемы уголовно-правовой борьбы с преступлениями против обороны СССР : дис. ... д-ра юрид. наук. 20.02.03. М.: ВКИ, 1986.

⁶ Демин О.А. Об ответственности военнослужащих за нарушение правил сбережения военного имущества // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2008. № 3 (129). С. 32-34; Камаев Р.Р. Развитие отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступные посягательства на военное имущество после 1917 года // Проблемы в российском законодательстве. 2013. № 2. С. 110-112; Камаев Р.Р. Военно-уголовное законодательство зарубежных стран о преступлениях, посягающих на порядок сбережения военного имущества // Право и образование. 2013. № 5. С. 164-170; Камаев Р.Р.

Анализ работ, посвященных различным видам юридической ответственности за преступления, связанные с оружием, боеприпасами или взрывчатыми веществами, позволил выработать авторский подход к определению предмета уголовно-правового запрета на уничтожение, повреждение или утрату военного имущества. По этому направлению исследований следует отметить диссертации В.В. Антоненко, О.Л. Багровой, А.А. Ежова, А.А. Задояна, В.Н. Калтыгина, С.М. Малькова, А.С. Самойлова, А.А. Туркина, С.Н. Шарапова⁷.

К вопросу о необходимости криминализации хищения военного имущества // Военно-юридический журнал. 2013. № 10. С. 7-9; Камаев Р.Р. Преступления против порядка сбережения военного имущества как преступления против военной службы // Черные дыры в Российском законодательстве. 2013. № 2. С. 65-70; Камаев Р.Р. Некоторые вопросы квалификации преступлений против порядка сбережения военного имущества // Военно-юридический журнал. 2014. № 1. С. 4-12; Камаев Р.Р. Субъект преступлений против порядка сбережения военного имущества // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2015. № 2. С. 161-170; Камаев Р.Р. Порядок сбережения военного имущества как составная часть воинского правопорядка // Военно-юридический журнал. 2016. № 3. С. 9-13; Ионов М.О. Утрата военного имущества: вопросы квалификации и совершенствования уголовного закона // Бизнес. Образование. Право. 2012. № 4 (21). С. 251-253; Ионов М.О. Ответственность за преступления против порядка сбережения военного имущества по законодательству зарубежных стран // Бизнес. Образование. Право. 2012. № 4 (21). С. 254-258; Шепилов С.В. Уголовно-правовая охрана порядка сбережения военного имущества // Юристъ-Правоведъ. 2015. № 6 (73). С. 52-57.

⁷ Антоненко В.В. Хищение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств в войсках Дальневосточного военного округа: криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Владивосток, 2010; Багрова О.Л. Уголовная ответственность за хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. М., 2004; Ежов А.А. Уголовная ответственность за нарушение правил хранения оружия // автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Московский государственный лингвистический университет. Москва, 2007; Задоян А.А. Уголовная ответственность военнослужащих за хищение и вымогательство оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : дис. ... канд. юрид. наук. 20.02.03. М.: МВИ ФПС, 2002; Калтыгин В.Н. Расследование хищений огнестрельного оружия и боеприпасов из хранилищ воинских частей (криминалистическое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. 20.02.03. М.: ВКИ, 1991; Мальков С.М. Уголовная ответственность за хищение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Омск, 2000; Самойлов А.С. Уголовная ответственность военнослужащих за нарушение правил обращения с оружием, веществами и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих : дис. ... канд. юрид. наук. 20.02.03. М.: ВКИ, 1989; Самойлов А.С. Квалификация преступлений против порядка оборота оружия в Вооруженных Силах Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. 20.02.03. М.: ВУ, 1997; Туркин А.А. Уголовная ответственность за нарушение правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих : дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Ростов-на-Дону., 2004; Шарапов С.Н. Оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества,

Обращение к трудам Ф.С. Бражника, Д.В. Калякина, А.С. Рабаданова, А.С. Шумкова оказалось плодотворным при исследовании специфики учета обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяний, формально попадающих под признаки составов преступлений, предусмотренных статьями 346-348 УК РФ⁸.

В последние годы активизировались исследования по вопросам классификации военного имущества (А.В. Гусев, С.Л. Никонович)⁹; разграничения смежных понятий (И.С. Жудро, Е.В. Соколова)¹⁰; гражданско-правовых аспектов (Т.В. Дубынина, Я.В. Кулешов)¹¹.

Отдельные диссертационные работы (З.О. Ашитов, Е.В. Никитина)¹² непосредственно посвящены анализу уголовной ответственности за

взрывные устройства и иные предметы как предметы и средства совершения преступлений против военной службы : дис. ... канд. юрид. наук. 20.02.03. М.: ВУ, 2004.

⁸ Бражник Ф.С. Актуальные проблемы совершенствования и применения к военнослужащим норм общей части уголовного законодательства Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. 20.02.03. М.: ВУ, 1996; Калякин Д.В. Субъект воинского преступления : дис. ... канд. юрид. наук. 20.02.03. М.: ВАЭФиП, 1994; Рабаданов А.С. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 8. С. 152-158; Шумков А.С. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния : автореферат дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Гос. ун-т - высш. шк. экономики. Москва, 20. 24 с.

⁹ Гусев А.В. Понятие и виды военного имущества // В сборнике: Военно-правовые инструменты обеспечения национальной безопасности. Сборник статей научно-практической конференции. Москва, 2022. С. 84-87; Никонович С.Л. Проблемные аспекты квалификации преступлений, предусмотренных ст. ст. 346 - 348 УК РФ // Военное право. 2018. № 5 (51). С. 161-168.

¹⁰ Жудро И.С. Правовые проблемы распоряжения военным имуществом // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2004. № 12 (90). С. 50-52; Соколова Е.В. Понятие «военный объект» в российском праве: вопросы терминологической определенности // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2017. № 10 (243). С. 93-103.

¹¹ Дубынина Т.В. Применение гражданско-правовых средств в деятельности военных организаций : дис. ... канд. юрид. наук. 20.02.03. М.: ВУ, 2012; Кулешов Я.В. Особенности правового режима имущества в зависимости от вида военной организации // В сборнике: Правовые проблемы организации интеллектуальной деятельности в Вооруженных Силах Российской Федерации. Сборник статей научно-практической конференции. Военный университет Министерства обороны РФ. Москва, 2021. С. 183-186.

¹² Ашитов З.О. Уголовная ответственность военнослужащих за нарушение порядка пользования и сбережения военного имущества : дис. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1960; Никитина Е.В. Уголовная ответственность за умышленное уничтожение и повреждение имущества : автореферат дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Рост. юрид. ин-т МВД РФ. - Ростов-на-Дону, 2000. - 23 с.

нарушения сохранности военного имущества. Однако комплексное исследование эволюции соответствующего уголовно-правового запрета в современных условиях остается недостаточно разработанным.

В настоящее время особую актуальность приобретает изучение институциональных характеристик запрета; его места в системе военного права; особенностей применения в условиях специальных правовых режимов.

Настоящее исследование направлено на восполнение указанных пробелов с учетом новых вызовов в сфере обороны и безопасности государства.

Объект исследования – общественные отношения, возникающие в сфере обеспечения защиты военного имущества от преступных посягательств, выражаящихся в его уничтожении, повреждении или утрате.

Предмет исследования включает Конституцию Российской Федерации, уголовное законодательство об ответственности за уничтожение, повреждение и утрату военного имущества, аналитические данные о состоянии и динамике соответствующих преступлений, материалы судебной и следственной статистики, научные работы по вопросам уголовной ответственности военнослужащих, а также результаты опроса, проведённого автором.

Целью исследования является выработка научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию уголовно-правового регулирования ответственности военнослужащих за нарушение правил сохранности военного имущества, включая формулирование предложений по уточнению нормативных положений, а также разработку подходов к квалификации соответствующих деяний в целях повышения эффективности уголовной политики в данной сфере.

Для достижения сформулированной цели диссертационного исследования представляется необходимым последовательное решение следующих задач:

- 1) на основании всестороннего анализа действующей нормативно-

правовой базы, регламентирующей порядок хранения и сбережения военного имущества в Вооруженных Силах Российской Федерации, осуществить характеристику и сформулировать авторское определение понятия «военное имущество»;

2) на основе ретроспективного анализа отечественного законодательства об уголовной ответственности за преступления против порядка сбережения военного имущества выявить и подвергнуть теоретическому обоснованию комплекс причин, обуславливающих криминализацию деяний, нарушающих установленный порядок сбережения военного имущества;

3) проанализировать сущностное содержание и специфические характеристики предмета преступлений, нарушающих установленный порядок сбережения военного имущества;

4) охарактеризовать особенности структуры составов преступлений, посягающих на порядок сбережения военного имущества, с учётом как объективных, так и субъективных признаков;

5) на основе анализа особенностей квалификации преступлений, связанных с уничтожением, повреждением или утратой военного имущества, а также их ограничения от смежных составов преступлений обосновать предложения по совершенствованию юридической конструкции соответствующего уголовно-правового запрета, с учётом специфики его применения в условиях особых правовых режимов;

6) исследовать особенности разграничения составов преступлений против порядка сбережения военного имущества и иных преступлений против военной службы.

Методология и методы исследования. В основе исследовательской работы лежит диалектический метод познания, базирующийся на принципах материалистической диалектики. В исследовании применяются общенаучные и специально-научные методы. К общенаучным относятся анализ, синтез, индукция, дедукция, а также системный и структурно-функциональный

подходы. Диалектический метод обеспечивает комплексное изучение явлений с гносеологической, онтологической и аксиологической точек зрения. Использование данного метода позволило проанализировать задачи исследования в их историческом развитии, учитывая как формальные, так и содержательные аспекты. В результате было выявлено несоответствие уголовно-правового запрета на уничтожение, повреждение или утрату военного имущества национальным интересам в сфере обороны и государственной безопасности. Кроме того, оценена возможность использования русской правовой традиции для совершенствования правового регулирования отношений, возникающих при нарушении этого запрета.

Общенаучные методы анализа и синтеза были использованы при раскрытии правовой сущности уголовно-правовых отношений, возникающих из уничтожения, повреждения или утраты военного имущества, а также для определения действительной степени общественной опасности перечисленных действий.

В работе были использованы такие частно-научные методы как историко-правовой, логико-правовой, сравнительно-правовой, статистический и социологический.

С помощью историко-правового метода осуществлено ретроспективное исследование причин возникновения анализируемого запрета, интерпретация его основных правовых характеристик и оценка результатов генезиса.

Логико-правовой метод позволил при изучении нормативных правовых актов, материалов судебной и следственной практики уточнить место преступлений, предусмотренных статьями 346-348 УК РФ, в системе военного права и структуре уголовного законодательства и разработать предложения по трансформации судоустройственного и процессуального законодательства в условиях экстраординарных правовых режимов. Статистический метод использовался при изучении основных статистических данных, характеризующих состояние преступности в Вооруженных Силах Российской Федерации в части посягательств на порядок сбережения военного имущества.

Социологический метод заключался в изучении сущности явлений и процессов, связанных с уничтожением, повреждением и утратой военного имущества, путем проведения экспертного опроса респондентов.

Применение перечисленных методов позволило тщательно и объективно исследовать выбранный объект в контексте правового обеспечения защиты национальных интересов Российской Федерации в области обороны страны и военной безопасности государства при использовании уголовного права для регламентации отношений, возникающих в связи с нарушением запрета на уничтожение, повреждение или утрату военного имущества.

Нормативно-правовую основу диссертационного исследования составляют положения Конституции Российской Федерации, уголовного (УК РФ, УПК РФ) и гражданского (ГК РФ) законодательства, федеральные законы («О воинской обязанности и военной службе», «О материальной ответственности военнослужащих»), указы Президента Российской Федерации, нормативные акты Министерства обороны Российской Федерации, регулирующие вопросы сохранности военного имущества и ответственности за его утрату или повреждение.

Эмпирическая база исследования сформирована на основе комплексного анализа широкого круга источников, включающего: материалы 86 уголовных дел о преступлениях против порядка сбережения военного имущества, рассмотренных военными судами в 2018-2023 гг.; 137 надзорных производств военных прокуратур за указанный период; обобщение судебной практики по 42 приговорам гарнизонных и окружных военных судов; официальные статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации и информационно-аналитические отчёты военных прокуратур за 2015-2023 годы; результаты экспертного опроса 47 следователей военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации, что в совокупности обеспечивает репрезентативность полученных выводов и достоверность проведённого анализа.

Научная новизна настоящего исследования заключается в комплексном переосмыслении уголовной ответственности военнослужащих за умышленное уничтожение, повреждение или утрату военного имущества с учётом трансформации нормативно-правовой базы, изменившихся условий военной службы в период проведения специальной военной операции.

В данной работе:

- определены основные научные понятия института уголовной ответственности за посягательства на порядок сбережения военного имущества, совершенные военнослужащими;
- впервые в отечественной уголовно-правовой науке проведён всесторонний анализ правоприменительной практики по статьям 346–348 Уголовного кодекса Российской Федерации, основывающийся на обширном и репрезентативном массиве эмпирических данных, что, в свою очередь, позволило выработать рекомендации правоприменителю для правильной квалификации соответствующих преступлений;
- применен уникальный исследовательский подход, заключающийся в интеграции и комплексном рассмотрении информации, полученной из значительного числа уголовных дел, материалов надзорных производств, а также обобщённых экспертных оценок военных следователей, что дало возможность отразить фактическую картину криминальных реалий данной категории преступлений;
- разработаны квалификационные правила ограничения преступлений против порядка сбережения военного имущества от смежных составов преступлений;
- использованы современные методы правового моделирования и криминологического анализа, что позволило выявить пробелы в законодательстве и обозначить противоречия в квалификации смежных составов;
- предложены конкретные меры законотворческого характера по совершенствованию военно-уголовных норм.

Полученные результаты представляют собой новое научное знание, ориентированное на повышение эффективности функционирования институтов военной юстиции, и могут быть использованы как в теоретических разработках, так и в прикладной деятельности органов дознания, следствия, прокуратуры и судов.

Научную новизну диссертационного исследования подтверждают **основные положения, выносимые на защиту:**

1. Понятие «военное имущество» необходимо рассматривать в широком и в узком смысле слова. Военное имущество в узком смысле является предметом преступлений, предусмотренных статьями 346-348 УК РФ, и включает в себя только оружие, боеприпасы и предметы военной техники. «Военное имущество» в широком смысле слова следует рассматривать как находящиеся в государственной собственности материальные объекты из числа перечня продукции военного назначения, перечисленные в статье 1 Федерального закона от 19 июля 1998 года № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами». Особую категорию в рамках широкого понимания военного имущества составляют информационные ресурсы и интеллектуальная собственность военного назначения, включающие программное обеспечение специального назначения, базы данных, содержащие информацию военного характера, результаты научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в области военных технологий, техническая документация на образцы вооружения и военной техники, картографические материалы военного назначения.

2. Сущность уголовно-правовых отношений, возникающих в связи с уничтожением, повреждением или утратой военного имущества, состоит в применении перечисленных норм уголовного права в ходе противодействия угрозам безопасности объекту национальных интересов в области обороны страны и безопасности государства.

В качестве системообразующего критерия классификации преступных

деяний, объектом которых выступает установленный порядок сбережения военного имущества, выделяется предмет преступного посягательства. Законодателем в УК РФ обособлена специальная группа составов преступлений (статьи 346-348), устанавливающих дифференцированную ответственность за нарушения регламентов сбережения и использования вооружения, боеприпасов и военной техники. Данный подход контрастирует с применением общих норм уголовного законодательства (статьи 167-168 УК РФ), регулирующих ответственность за противоправные деяния в отношении иных категорий военного имущества, что подчеркивает особое правовое значение специфических видов военного имущества. Такое разграничение обусловлено стратегической значимостью указанных предметов для системы обороны страны, что существенно повышает степень их общественной опасности при хищении или повреждении. Однако, существующая система санкций не соответствует данной дифференциации, предусматривая практически одинаковые меры ответственности как для специальных, так и для общеуголовных составов. Подобная ситуация нивелирует саму идею выделения отдельных норм для защиты наиболее важных объектов военной инфраструктуры, поскольку специальные составы должны предполагать и более строгую ответственность, адекватно отражающую повышенную опасность таких деяний для национальной безопасности. В этой связи требуется законодательная корректировка санкций статей 346-348 УК РФ в сторону их существенного ужесточения, что позволит восстановить логическую взаимосвязь между особой значимостью охраняемых объектов и предусмотренной за их нарушение ответственностью.

3. Предметный состав преступлений, регламентированных статьями 346–348 Уголовного кодекса Российской Федерации, направленных против порядка сбережения военного имущества, не ограничивается исключительно традиционным вооружением, боеприпасами и военной техникой, официально состоящими на вооружении Вооруженных Сил Российской Федерации, а включает в себя более широкий круг объектов. Это обусловлено

необходимостью адаптации уголовно-правовой защиты к изменяющимся реалиям военно-технического прогресса и характеру современных вооруженных конфликтов.

Таким образом, в предмет данных преступлений надлежит включать трофейное оружие, что детерминировано его потенциальной возможностью повторного применения в боевых условиях и обусловленной этим необходимостью специального государственного учета, а равно программное обеспечение военного назначения, представляющее собой критически значимый нематериальный актив, уничтожение, повреждение или утрата которого сопоставима по последствиям с физическим выводом из строя боевой единицы в условиях тотальной цифровизации военной сферы.

4. Уголовно наказуемые деяния, квалифицируемые статьями 346–348 УК РФ, представляют собой обособленную группу военно-уголовных правонарушений, отличающихся комплексной юридической структурой. Данная структура включает в себя общий объект в виде общественных отношений, гарантирующих боеготовность и обороноспособность государства, а также непосредственный объект, которым выступает регламентированный порядок обращения, учета и обеспечения сохранности военного имущества.

Отмечается, что объективную сторону преступлений, описанных в статьях 346–348 УК РФ, могут составлять не только специальные субъекты (военнослужащие по призыву или контракту, граждане в запасе во время сборов, а также участники добровольческих формирований, созданных в соответствии с ФЗ № 61-ФЗ «Об обороне»), но и любое дееспособное физическое лицо соответствующего возраста, в том числе гражданские лица, назначенные на воинские должности (ст. 19 УК РФ).

В таких случаях квалификация деяния по нормам глав 21 и 30 УК РФ с точки зрения строгости наказания не соответствует целям уголовного закона и степени общественной опасности данного уголовно-правового нарушения.

5. Ключевое отличие между преступлениями, посягающими на порядок

сохранения военного имущества, закрепленными в статьях 346-348 УК РФ, и аналогичными общеуголовными преступлениями заключается в характере основного объекта преступного посягательства, ограниченном перечне предметов в специальных составах, а также в специфике объективной стороны противоправных действий. Проведенный анализ показывает, что умышленное выведение из строя военного имущества и диверсионная деятельность (статья 281 УК РФ) не только обладают близкой степенью общественной опасности (в особые периоды их показатели в этой сфере могут быть практически идентичны), но и вызывают сходные уголовно-правовые последствия при нарушении уголовно-правовой нормы, запрещающей уничтожение, повреждение или утрату данного вида имущества.

В целях усиления уголовно-правовой охраны оборонного потенциала государства и устранения пробелов в действующем законодательстве, предлагается дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации статьей 281.4, изложив её в следующей редакции:

«Статья 281.4. Уничтожение, повреждение или утрата продукции военного назначения, повлекшие утрату боевой готовности.

1. Уничтожение, повреждение либо утрата продукции военного назначения, повлекшие потерю воинским формированием установленной степени боевой готовности к выполнению задач по предназначению, наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет.

2. Те же деяния, совершенные:

а) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

б) в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, наказываются лишением свободы на срок от восьми до двенадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей

статьи, повлекшие тяжкие последствия для обороноспособности Российской Федерации, наказываются лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет».

6. С учетом запросов правоприменительной практики предлагаются следующие правила квалификации умышленного уничтожения или повреждения оружия, боеприпасов, взрывных устройств, предметов военной техники, а также их разграничения со смежными составами общеуголовных преступлений и преступлений против военной службы:

1) повреждение военного имущества в результате его неправомерного завладения с учетом уникальности поврежденного военно-технического средства, его значимости для обеспечения боевой способности подразделения следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 166 и ст. 347 УК РФ;

2) нарушение правил вождения или эксплуатации боевой, специальной или транспортной машины, повлекшее наряду с последствиями, указанными в статье 350 УК РФ, последствия, указанные в статье 347 УК РФ – необходимо квалифицировать по совокупности статей 350 и 347 УК РФ. При отсутствии последствий, указанных в статье 350 УК РФ, но повлекшие тяжкие последствия, или совершение вышеназванных нарушений умышленно – квалифицировать по статье 347 УК РФ или статье 346 УК РФ, соответственно. Обязательным условием является отнесение специальной либо транспортной машины к предметам военной техники;

3) различие в квалификации по статьям 348 и 349 УК РФ заключается в обязательности признака официального вверения имущества, а также в вопросе реализации потенциальной опасности, заложенной в свойствах предмета.

С точки зрения **теоретической значимости**, настоящее исследование вносит вклад в развитие и углубление фундаментальных положений уголовно-правовой доктрины, касающихся преступлений против установленного порядка сбережения военного имущества. Представленные выводы и

концептуальные положения способны послужить основой для дальнейших научных изысканий, направленных на совершенствование законодательной техники в сфере регламентации воинских преступлений. Более того, разработанные подходы имеют потенциал для унификации правоприменительных стандартов в судебной практике, а также для создания специализированных методических рекомендаций, призванных оптимизировать деятельность органов военной юстиции.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть, во-первых, потенциально применимы в законотворческой деятельности для совершенствования уголовного законодательства, регулирующего ответственность за преступления против порядка сбережения военного имущества. Во-вторых, они способны оказать существенное содействие в правоохранительной практике, способствуя унификации подходов к квалификации, доказыванию и расследованию соответствующих деяний органами военной юстиции. В-третьих, материалы исследования могут быть эффективно использованы в учебном процессе высших учебных заведений при преподавании дисциплин уголовного и военно-уголовного права, обогащая теоретическую подготовку будущих специалистов и формируя у них актуальные компетенции в данной области. Кроме того, результаты диссертационного исследования могут иметь положительное влияние для укрепления законности и правопорядка в сфере обеспечения сохранности военного имущества в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Достоверность и обоснованность результатов диссертационного исследования обеспечены применением надежных и апробированных методов, использованием научно обоснованной аргументации при разработке теоретических вопросов и обобщенных эмпирических материалов, основанных на статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации материалах судебной практики. Объективность и репрезентативность собранных эмпирических материалов

подтверждают корректность полученных результатов и служат обоснованием сделанных автором выводов.

Апробация и внедрение результатов исследования. Диссертация выполнена на кафедре уголовного права, уголовного процесса и криминастики Юридического института Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», где проводилось ее обсуждение. Выводы и результаты, полученные в процессе исследования, отражены в пяти научных статьях, в том числе в четырех статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Основные результаты проводимых автором исследований и их апробация также осуществлялись:

1) в научных докладах и выступлениях на научно-практических конференциях: «Военное право: теория и практика с учетом опыта боевых действий» (Москва, Военный университет, 2023)¹³, «Актуальные проблемы совершенствования военного права исходя из опыта специальной военной операции» (Москва, Военный университет, 2024)¹⁴, семинарах, «круглых столах»;

2) в форме обсуждения с практическим работниками органов военной юстиции (судьи военных судов, офицеры военных прокуратур и военных следственных органов) при рассмотрении ими соответствующей категории дел;

3) путем внедрения в практическую деятельность Архангельского и Балтийского гарнизонных военных судов, военных следственных отделов СК

¹³ Выступление с докладом на тему «Особенности элементов составов преступлений против порядка сбережения военного имущества».

¹⁴ Выступление с докладом на тему «О некоторых вопросах ограничения преступлений против порядка сбережения военного имущества от иных смежных составов преступлений».

России по Волгоградскому и Люберецкому гарнизонам, в научную и образовательную деятельность Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, а также Военного университета.

Структура и объем диссертации обусловлена целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, объединяющих шесть параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

Глава I. Правовое регулирование порядка сбережения военного имущества

1.1. Правовое регулирование порядка сбережения военного имущества в Вооруженных Силах Российской Федерации

Военная служба в Вооружённых Силах Российской Федерации представляет собой специфический и исключительный вид государственной службы, фундаментальное предназначение которой заключается в обеспечении обороны и защиты безопасности государства. Эта деятельность конституционно закреплена и обладает стратегическим значением для поддержания суверенитета и территориальной целостности страны. Реализация этого предназначения достигается за счёт постоянного и добросовестного выполнения военнослужащими своих обязанностей, что требует применения специализированных материальных ресурсов — военного имущества.

Нормативно-правовое закрепление понятия военного имущества осуществляется на различных уровнях правового регулирования, при этом следует отметить отсутствие единого законодательного определения данной категории. Действующее законодательство не содержит четкого определения военного имущества или имущества военной организации, что создает определенные трудности в правоприменительной практике и требует обращения к доктринальным источникам и судебной практике для уяснения содержания данного понятия. Вместе с тем, анализ нормативных актов позволяет выделить основные признаки военного имущества, к которым относятся: принадлежность к государственной собственности, нахождение в ведении органов военного управления, специальное целевое назначение для обеспечения обороноспособности государства, особый режим учета, хранения и использования.

Концептуальное осмысление категории «военное имущество» в современной российской правовой доктрине характеризуется методологическим дуализмом, предполагающим дифференцированный подход к пониманию данного феномена в узком и широком смыслах. Данная дилемма обусловлена сложностью и многоаспектностью военной организации государства, а также эволюцией представлений о материально-технической основе обеспечения обороноспособности страны в условиях трансформации военно-политической обстановки и технологического развития.

Военное имущество в узком смысле представляет собой совокупность материальных объектов, непосредственно предназначенных для ведения боевых действий и обладающих специфическими тактико-техническими характеристиками, позволяющими их использование в качестве средств вооруженной борьбы. Сущностной характеристикой военного имущества в узком понимании является его прямое предназначение для поражения противника, защиты собственных сил и средств, а также выполнения специальных задач в условиях вооруженного конфликта.

Критериальными признаками отнесения материальных объектов к военному имуществу в узком смысле выступают: во-первых, боевое предназначение, означающее возможность применения данных средств для непосредственного воздействия на противника или защиты от его воздействия; во-вторых, специальные тактико-технические характеристики, отличающие военные образцы от гражданских аналогов; в-третьих, повышенный уровень секретности и особый режим доступа, обусловленный стратегической важностью данных средств для обеспечения национальной безопасности; в-четвертых, исключительная принадлежность к военной сфере, исключающая возможность двойного применения в гражданских целях без специальной адаптации.

Содержательное наполнение категории военного имущества в узком смысле включает в себя системы стрелкового вооружения индивидуального и

группового применения, артиллерийские комплексы различного назначения и калибра, ракетные системы тактического, оперативно-тактического и стратегического назначения, средства противовоздушной и противоракетной обороны, авиационные комплексы военного назначения, включая истребители, бомбардировщики, штурмовики, разведывательные и транспортные самолеты, вертолеты различных типов, беспилотные летательные аппараты военного назначения, корабли и подводные лодки военно-морского флота, бронетанковую технику, включая основные боевые танки, боевые машины пехоты, бронетранспортеры, самоходные артиллерийские установки, а также специальные технические средства военного назначения.

Военное имущество в широком смысле охватывает всю совокупность материальных объектов и ресурсов, обеспечивающих функционирование военной организации государства и создающих материально-техническую основу для выполнения задач в области обороны и безопасности. Данный подход к пониманию военного имущества является более инклюзивным и учитывает современные тенденции развития военного дела, характеризующиеся возрастанием роли тылового обеспечения, информационных технологий, инженерно-технических средств и объектов военной инфраструктуры в общей системе обеспечения обороноспособности государства.

В рамках широкого понимания военное имущество включает в себя объекты военной инфраструктуры, представленные казарменно-жилищным фондом, административными зданиями военных организаций, складскими помещениями, учебными центрами, полигонами, аэродромами, портовыми сооружениями военного назначения, пунктами управления, связи и наблюдения, инженерными сооружениями и коммуникациями. Существенную часть военного имущества в широком смысле составляют средства материально-технического обеспечения, включающие транспортные средства общего назначения, инженерную технику, средства связи и

автоматизации, медицинское оборудование и имущество, продовольственные запасы, вещевое имущество, горюче-смазочные материалы, запасные части и комплектующие изделия.

Особую категорию в рамках широкого понимания военного имущества составляют информационные ресурсы и интеллектуальная собственность военного назначения, включающие программное обеспечение специального назначения, базы данных, содержащие информацию военного характера, результаты научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в области военных технологий, техническую документацию на образцы вооружения и военной техники, картографические материалы военного назначения. Включение данных объектов в состав военного имущества отражает современные тенденции информатизации военного дела и возрастание роли информационных технологий в обеспечении военной безопасности.

Функциональный аспект широкого понимания военного имущества предполагает включение в данную категорию всех материальных объектов, которые прямо или косвенно способствуют выполнению задач военной организации государства, независимо от их специфически военного характера. Данный подход обусловлен пониманием современных вооруженных сил как сложной социально-технической системы, эффективное функционирование которой требует интеграции разнообразных материальных и технических ресурсов, многие из которых имеют двойное назначение и могут использоваться как в военных, так и в гражданских целях.

Критериальной основой для отнесения материальных объектов к военному имуществу в широком смысле выступает их функциональная связь с военной организацией государства, выражаясь в использовании данных объектов для обеспечения деятельности военных структур, подготовки военных кадров, поддержания боевой готовности войск, выполнения мобилизационных мероприятий, обеспечения жизнедеятельности военнослужащих и членов их семей. При этом не имеет принципиального

значения специфически военный характер данных объектов, поскольку определяющим фактором является их принадлежность к военной сфере и использование в интересах обороны государства.

Системообразующим элементом широкого понимания военного имущества является концепция военно-экономического потенциала, предполагающая рассмотрение всех материальных ресурсов, находящихся в распоряжении военной организации государства, как единого комплекса, обеспечивающего реализацию военно-политических целей государства. Данный подход требует учета не только непосредственно боевых средств, но и всей системы материально-технического, инженерно-технического, медицинского, продовольственного, вещевого обеспечения военных структур, а также объектов социальной инфраструктуры, предназначенных для обеспечения жизнедеятельности военнослужащих и членов их семей.

В условиях «информационной войны» и возрастания роли информационных технологий, концепция военного имущества расширяется, охватывая информационные ресурсы и интеллектуальную собственность военного назначения. Эти активы приобретают первостепенное значение, поскольку информационное превосходство становится решающим фактором успеха в современных военных операциях. Соответственно, понятие «сбережение военного имущества» также трансформируется, включая в себя не только физическую сохранность материальных объектов, но и защиту, обеспечение целостности, конфиденциальности и доступности нематериальных активов.

Структура и классификация информационных ресурсов военного назначения охватывает несколько ключевых категорий, каждая из которых требует специфических мер сбережения:

1. Программное обеспечение специального назначения: включает комплексы программных продуктов, разработанных для задач обороны и военной безопасности, таких как системы управления войсками и оружием,

навигационное и картографическое ПО, системы моделирования и симуляции, а также криптографическое программное обеспечение.

2. Базы данных военного характера: представляют собой структурированные массивы стратегически важной информации, включая данные о противнике и собственных силах, разведывательные данные и сведения о критически важных объектах.

3. Результаты научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР): включают фундаментальные исследования, прикладные разработки и методические материалы.

4. Техническая документация на образцы вооружения и военной техники: содержит подробные сведения о конструкции, принципах работы и эксплуатации ВВТ (конструкторская, технологическая, эксплуатационная документация).

5. Картографические материалы военного назначения: специализированные карты и цифровые базы данных, имеющие критическое значение для планирования операций.

Дифференциация понятия военного имущества в узком и широком смыслах имеет существенное практическое значение для правового регулирования отношений, связанных с использованием, охраной и сбережением данной категории государственного имущества. Узкое понимание военного имущества предполагает применение наиболее строгих режимов правового регулирования, включающих особые требования к условиям хранения, транспортировки, учета и контроля, повышенные меры ответственности за нарушение установленных правил обращения, специальные процедуры допуска к работе с данными объектами. Широкое понимание военного имущества требует дифференциированного подхода к правовому регулированию, учитывающего специфику различных категорий военного имущества и степень их значимости для обеспечения обороноспособности государства.

Помимо непосредственно самого военного имущества важное значение в системе его оборота имеют различного рода отношения, возникающие в процессе хозяйственной деятельности. К таким отношениям, в том числе, относятся отношения, регулирующие порядок сбережения военного имущества.

Слово «сбережение» в русском языке по своему значению совпадает со словами «сберечь», «сберегать» смысл которых заключается в недопущении дать исчезнуть чему-либо, не дать потерпеть ущерб¹⁵.

А.С. Самойлов отмечает, что этимологический анализ термина «сбережение» позволяет трактовать его как целенаправленную деятельность по сохранению материальных ценностей, предотвращению их утраты или повреждения. Применительно к военной сфере это также подразумевает минимизацию косвенного ущерба боеготовности и боеспособности войск, поскольку небрежное отношение к военному имуществу способно негативно отразиться на эффективности выполнения боевых задач¹⁶.

Исходя из изложенного можно сделать вывод, что порядок сбережения представляет собой систему отношений, направленную на недопущение утраты какого-либо предмета, утраты этим предметом своих свойств, обеспечивающих его целевое предназначение, выхода предмета из-под контроля.

Однако, в современной военно-правовой доктрине концепция «сбережения военного имущества» претерпевает существенные изменения, выходя за рамки традиционного понимания статической сохранности материальных объектов. В условиях динамичной военно-политической обстановки, стремительного военно-технического прогресса и трансформации характера вооруженных конфликтов, методологические подходы к

¹⁵ См.: Толковый словарь Ожегова. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=27919> (дата обращения: 11.12.2023).

¹⁶ См.: Самойлов А.С. Квалификация преступлений против установленного в Вооруженных Силах РФ порядка оборота оружия. – М.: Военный университет, 1997. С.62.

определению «сбережения» требуют глубокого переосмысления и расширения, интегрируя новые аспекты, обусловленные комплексом взаимосвязанных факторов.

Традиционно, под «сбережением военного имущества» понималось прежде всего обеспечение его физической сохранности – недопущение утраты, хищения, уничтожения или повреждения. Это понимание, хотя и остается фундаментальным, становится недостаточным в контексте современных реалий. С позиций современной военной доктрины и правовой науки, «сбережение» должно рассматриваться как непрерывный, многостадийный процесс, органично вписанный в общую систему управления жизненным циклом военного имущества и являющийся неотъемлемым элементом комплексной системы управления рисками. Более того, в условиях гибридных и сетецентрических конфликтов, содержание «сбережения» существенно расширяется, включая в себя защиту нематериальных активов, имеющих критическое значение для обороноспособности государства.

1. «Сбережение» как непрерывный процесс: охват всего жизненного цикла военного имущества. Рассмотрение «сбережения» исключительно как моментального состояния или изолированного действия по сохранению объекта является упрощенным и не отражает всей сложности этого феномена. Напротив, целесообразно трактовать «сбережение» как динамический, перманентный процесс, охватывающий все этапы жизненного цикла военного имущества – от стадии зарождения идеи и разработки до окончательной утилизации. На каждом из этих этапов существуют специфические правовые нормы и регламенты, направленные на обеспечение сохранности и функциональности имущества:

- этап проектирования и производства: на данной стадии «сбережение» начинается с закладывания требований к надежности, долговечности, ремонтопригодности и живучести образцов вооружения и военной техники. Соответствующие нормативно-технические документы (ГОСТы, ОСТы, ТУ) определяют стандарты качества, которые должны гарантировать отсутствие

преждевременных поломок и деградации свойств. Правовые нормы на этом этапе регулируют контроль качества, соблюдение технологических процессов и ответственность разработчиков и производителей за выпускаемую продукцию. Несоблюдение этих норм на данном этапе может повлечь последующую утрату или повреждение имущества в процессе эксплуатации, несмотря на надлежащее «сбережение» на последующих стадиях;

- этап хранения: это наиболее очевидный аспект «сбережения». Правовое регулирование на этом этапе включает в себя широкий спектр ведомственных актов (например, Приказ Министра обороны РФ от 28 декабря 2013 г. № 969 «Об утверждении Руководства по содержанию вооружения и военной техники общевойскового назначения»), устанавливающих строгие требования к условиям хранения (температурный режим, влажность, вентиляция), к порядку размещения, консервации, охране, противопожарной безопасности, учету и инвентаризации. Нарушение этих норм является прямым посягательством на порядок сбережения и может повлечь уголовную ответственность;

- этап эксплуатации: в процессе эксплуатации военное имущество подвергается наибольшим нагрузкам и рискам. «Сбережение» здесь означает соблюдение правил эксплуатации, технического обслуживания, своевременного ремонта. Соответствующие инструкции и наставления (например, инструкции по эксплуатации конкретных образцов ВВТ) регламентируют порядок использования техники, периодичность проверок и регламентных работ. Нарушение этих правил, повлекшее повреждение или утрату имущества, является основанием для уголовной ответственности по статьям 347 или 348 УК РФ;

- этап транспортировки и перемещения: перевозка военного имущества, особенно вооружения и боеприпасов, сопряжена с повышенными рисками. Правовое регулирование данного этапа (например, приказы о порядке перевозки опасных грузов) направлено на обеспечение безопасности движения, соблюдение правил погрузки-разгрузки, крепления,

сопровождения и охраны. Ненадлежащее сбережение в этот период может привести к дорожно-транспортным происшествиям, авариям и, как следствие, к повреждению или утрате имущества;

- этап модернизации и ремонта: в процессе модернизации и капитального ремонта военного имущества, которое часто является сложным и дорогостоящим, также действуют специфические правила сбережения. Они направлены на предотвращение повреждений в ходе работ, хищений комплектующих, соблюдение технологических регламентов. Правовые акты регламентируют порядок проведения ремонтных работ, контроль качества и ответственность исполнителей;
- этап утилизации: даже на завершающей стадии жизненного цикла военного имущества, особенно если оно является опасным (боеприпасы, взрывчатые вещества), существуют строгие правила утилизации, направленные на предотвращение ущерба окружающей среде и безопасности людей. Несоблюдение этих правил также может быть расценено как нарушение порядка сбережения, если оно повлекло вредные последствия.

Таким образом, холистический взгляд на «сбережение» как на непрерывный процесс позволяет установить, что правовое регулирование должно быть комплексным, охватывая все стадии жизненного цикла военного имущества, и что нарушение норм на любом из этих этапов может иметь уголовно-правовые последствия.

2. «Сбережение» как элемент управления рисками в военной сфере. В условиях современных вызовов и угроз, обеспечение обороноспособности государства требует системного подхода к управлению всеми видами рисков. Концепция «сбережения военного имущества» органично интегрируется в эту более широкую систему управления рисками. Повреждение или утрата военного имущества, по сути, является реализацией рисков, связанных с его владением, использованием и хранением. Правовое регулирование порядка сбережения выступает как ключевой инструмент минимизации этих рисков. Прежде всего, правовые нормы способствуют идентификации потенциальных

рисков, связанных с каждым видом военного имущества (риски хищения, пожара, взрыва, неисправности, несанкционированного доступа и т.д.). Требования к учету, инвентаризации, контролю позволяют своевременно выявлять уязвимости. Правовое регулирование сбережения устанавливает четкие стандарты, процедуры и регламенты, которые являются не чем иным, как мерами по предотвращению наступления рисковых событий. Например, требование хранения оружия в запираемых сейфах, проведение планового технического обслуживания техники, разработка карт рисков для каждого склада – все это направлено на снижение вероятности утраты или повреждения. Система правовых норм четко распределяет персональную и коллективную ответственность за сбережение имущества. Это формирует мотивацию у военнослужащих и должностных лиц к соблюдению установленных правил, поскольку их несоблюдение влечет за собой меры юридической ответственности. Правовое регулирование также определяет порядок действий в случае реализации рисков – расследование причин утраты или повреждения, оценка ущерба, привлечение виновных к ответственности, возмещение ущерба, а также разработка корректирующих мер для предотвращения повторных инцидентов. Регулярные проверки, аудиты и инспекции, предусмотренные правовыми актами, служат механизмом постоянного контроля за эффективностью системы сбережения и своевременного выявления новых или усугубляющихся рисков. Примером такого подхода является использование в Вооруженных Силах систем менеджмента качества и безопасности, которые включают элементы управления рисками при обращении с вооружением и военной техникой. Нарушение установленных стандартов, процедур и регламентов является прямой реализацией рисков, что может повлечь уголовную ответственность за ненадлежащее сбережение. Таким образом, правовое регулирование сбережения – это не только набор запретов, но и системный подход к обеспечению живучести и эффективности военного потенциала через управление сопряженными рисками.

3. «Сбережение» в условиях гибридных войн и сетецентрических конфликтов. Современные вооруженные конфликты, часто именуемые гибридными или сетецентрическими, кардинально изменили характер ведения боевых действий и, как следствие, содержание объектов, имеющих стратегическую ценность для обороны. В этих условиях, «сбережение военного имущества» уже не может быть ограничено лишь физической сохранностью материальных объектов. Оно в значительной степени распространяется на информационное превосходство, включая защиту информационных ресурсов, программного обеспечения и интеллектуальной собственности военного назначения. В гибридных войнах информационное пространство становится самостоятельным полем боя. Утрата критически важной информации, нарушение ее целостности или конфиденциальности может быть более разрушительным, чем потеря танка или самолета. Например, компрометация разведывательных данных, дезинформация систем управления войсками, уничтожение уникального программного обеспечения для высокоточного оружия – все это ведет к прямому подрыву боеспособности и может иметь катастрофические последствия. Ущерб от посягательств на информационные ресурсы и интеллектуальную собственность перестает быть исключительно материальным в денежном выражении. Он приобретает функциональный, репутационный и стратегический характер. Утрата алгоритма ИИ может означать потерю преимущества в будущих военных технологиях, а повреждение системы связи – паралич управления войсками. В сферу «сбережения» активно включаются:

- программное обеспечение (ПО): как уже отмечалось, ПО является неотъемлемой частью современной военной техники. Его сбережение включает защиту от вирусов, несанкционированной модификации, удаления, а также обеспечение его актуальности и работоспособности. Нарушение правил работы с ПО может привести к его «повреждению» или «утрате», что функционально равносильно выведению из строя самой техники;

- базы данных военного характера: сбережение включает защиту от утечек (компрометация конфиденциальности), несанкционированного доступа (нарушение целостности и доступности), уничтожения. Это требует использования сложных криптографических средств, систем контроля доступа и постоянного мониторинга;
- результаты НИОКР: сбережение интеллектуальной собственности военного назначения (патенты, ноу-хай, методики) подразумевает защиту от промышленного шпионажа, несанкционированного копирования и использования.

В условиях гибридных войн угрозы становятся более разнообразными: кибератаки, информационно-психологические операции, целевое внедрение вредоносного ПО, инсайдерские угрозы. Соответственно, меры «сбережения» включают не только физическую охрану, но и комплексную систему кибербезопасности, защиту государственной тайны, обучение военнослужащих правилам кибергигиены и информационной безопасности.

Существующее уголовное законодательство, ориентированное на материальные объекты (статьи 346-348 УК РФ), сталкивается со значительными сложностями в квалификации посягательств на эти новые виды военного имущества. Отсутствие прямого упоминания информационных ресурсов или ПО как предмета данных преступлений создает правовые пробелы, которые могут приводить к недооценке общественной опасности деяний. Это требует либо расширительной интерпретации существующих норм через разъяснения Верховного Суда РФ, либо законодательного закрепления новых дефиниций и, возможно, специализированных составов преступлений, адекватно отражающих специфику ущерба в цифровой сфере. Таким образом, современные методологические подходы к определению «сбережения военного имущества» выходят за рамки классических представлений, акцентируя внимание на его динамическом характере, роли в управлении рисками и критической значимости защиты нематериальных активов в условиях гибридных войн. Это диктует необходимость постоянной

адаптации и совершенствования правового регулирования для обеспечения комплексной и эффективной защиты всего спектра военного потенциала государства.

В национальной правовой системе Российской Федерации ключевую роль как основного документа, задающего юридические основы всех отраслей правоотношений, выполняет Конституция РФ.

Несмотря на отсутствие в Конституции Российской Федерации прямых норм, регулирующих вопросы сохранности вооружения и военной техники, ее положения создают фундаментальные правовые основы для функционирования институтов военной организации государства, включая Вооруженные Силы и военную службу. Конституционные нормы (ч. 1 ст. 59, ст. 71, 83, 114) опосредованно определяют правовой режим военного имущества через: 1) закрепление статуса Вооруженных Сил как элемента системы безопасности; 2) разграничение полномочий государственных органов в оборонной сфере; 3) установление конституционных основ военной службы. Эти положения формируют системообразующий каркас для развития отраслевого законодательства и ведомственных актов Минобороны. Ключевым законом в сфере оборота оружия является Федеральный закон «Об оружии». В нем даются определения таким понятиям, как «оружие», «боеприпасы», «патрон», приводится классификация (например, огнестрельное, метательное, холодное оружие), а также закрепляются правовые нормы, регулирующие учет, ношение, перевозку и другие действия с оружием.

Согласно статье 214 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) на военное имущество распространяется режим государственной собственности.

Еще одним важным нормативным актом, формирующим правовую базу для обеспечения сохранности оружия, боеприпасов и военной техники в Вооруженных Силах РФ, является Федеральный закон «О статусе военнослужащих».

Так, согласно ч. 2 ст. 1 ФЗ «О статусе военнослужащих» на военнослужащих возложены обязанности по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, которые связаны с необходимостью беспрекословного выполнения поставленных задач в любых условиях, в том числе с риском для жизни.

Исполнение данных обязанностей обуславливает предоставление военнослужащим права на хранение, ношение, применение и использование оружия, которые, в свою очередь должны реализовываться в установленном законом порядке.

Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» также входит в перечень основных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы обеспечения сохранности вооружения, боеприпасов и военной техники. Данный закон формирует фундамент для детальной правовой регламентации различных аспектов прохождения военной службы, включая и вопросы, находящиеся в контексте нашего рассмотрения.

В системе правового регулирования вопросов оборота и сохранности вооружения, боеприпасов и военной техники особое значение имеют нормативные правовые акты Президента и Правительства РФ, среди которых ключевую роль играет Указ Президента РФ «О видах продукции (работ, услуг) и отходов производства, свободная реализация которых запрещена». Данный нормативный акт устанавливает специальный правовой режим для военной продукции, определяя перечень ограниченных в обороте объектов, порядок их учета и хранения, а также создавая правовые основания для разработки ведомственных нормативных актов, организации системы контроля и привлечения к ответственности за нарушения. Указ служит базовым документом в системе регулирования военного имущества, формируя основу для специальных правовых режимов и последующего подзаконного нормотворчества, что находит непосредственное применение в деятельности воинских частей, разработке инструкций по хранению и квалификации соответствующих правонарушений.

Еще одним нормативным актом, устанавливающим единый порядок учета, хранения и контроля за обращением указанных категорий вооружений, формируя правовую основу для организации их надлежащего сбережения и предотвращения несанкционированного доступа, является Постановление Правительства РФ «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации»¹⁷. Указанный нормативный правовой акт непосредственно закрепляет ряд правил осуществления такого учета и хранения.

Так, например, учет должен осуществляться с использованием специальных учетных документов, форма, перечень и порядок ведения которых устанавливаются ведомственными нормативными актами каждой конкретной военизированной организации. Такая система документального учета позволяет обеспечить полный контроль над движением оружия и патронов, гарантируя их надлежащую сохранность и исключая возможность несанкционированного доступа или использования.

В соответствии с п. 50 этих же правил, оружие и боеприпасы должны храниться в специально оборудованных изолированных помещениях, с учетом норм пожарной безопасности.

В системе и структуре нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы сбережения указанного военного имущества, важное место отведено положениям воинских уставов, которые подразделяются на общевоинские и боевые.

Общевоинские уставы, утвержденные указом Президента РФ от 10 ноября 2007 № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации», являются основополагающим документом по непосредственному регулированию жизнедеятельности личного состава.

¹⁷ Постановление Правительства РФ от 21 июля 1998 г. № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 32. – 1998. – Ст. 3878.

Устав внутренней службы содержит в себе положения, непосредственно регламентирующие порядок сбережения оружия, боеприпасов и военной техники в подразделениях, обязательные для исполнения во всех видах и родах Вооруженных Сил Российской Федерации.

Он устанавливает, в частности, что «правила хранения оружия, условия и порядок применения его военнослужащими определяются настоящим Уставом, Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации и Уставом военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации. При ношении и использовании оружия военнослужащие обязаны обеспечить его сохранность и исключить доступ к нему посторонних лиц»¹⁸.

Отдельные особенности порядка сбережения оружия, боеприпасов и военной техники в органах военной полиции закреплены в Уставе военной полиции.

На базе приведенных выше нормативных правовых актов вопросы сбережения указанного военного имущества конкретизируются и детализируются многочисленными специальными ведомственными правовыми документами, такими как приказы и директивы Министра обороны РФ и его заместителей, действующие приказы Министра обороны СССР, наставления, руководства, инструкции и различные другие акты органов военного управления.

Так, например, приказом Министра обороны Российской Федерации от 8 июля 2020 г. № 299 «Об утверждении Требований к хранению боевого ручного стрелкового и иного оружия, боеприпасов и патронов к нему, холодного оружия в зависимости от их предназначения, порядка ведения их учета, транспортирования и перевозки воздушным, железнодорожным, водным, автомобильным транспортом под вооруженной охраной в Вооруженных Силах Российской Федерации» введена инструкция по

¹⁸ См.: абз. 2 ст. 13 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации.

организации учета, хранения и выдачи стрелкового оружия и боеприпасов к нему, а также инженерных боеприпасов в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Данная инструкция вводит единый регламент ведения учёта, хранения и выдачи оружия и боеприпасов во всех структурных подразделениях Вооружённых Сил, включая воинские части, органы военного управления, учебные центры и огневые городки при проведении боевых учений, стрельб и несении боевого дежурства, а также регламентирует особые условия обращения с вооружением при его транспортировке, хранении на складах, в караульных помещениях и ремонтных мастерских. Помимо общих положений, для каждого конкретного вида вооружения и военной техники действуют специальные наставления и руководства, содержащие детализированные требования к их хранению и эксплуатации, причем данные нормативные документы, как правило, имеют гриф ограниченного доступа в целях обеспечения режима секретности и предотвращения несанкционированного распространения информации, составляющей государственную тайну.

К числу документов, содержащих разъяснения по вопросам соблюдения порядка сбережения военного имущества, следует также отнести постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (например, Постановление Пленума от 18 мая 2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы»), которые конкретизируют законодательные требования, унифицируют правоприменительную практику и способствуют единообразному пониманию норм.

Правовые основы защиты информационных ресурсов военного назначения базируются на многоуровневой нормативной системе. Конституция Российской Федерации устанавливает основы правового регулирования в сфере государственной тайны (статья 29). На федеральном уровне ключевую роль играют:

- Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-И «О государственной тайне»: является основополагающим актом, определяющим понятие государственной тайны, порядок отнесения сведений к ней и их защиты. Большая часть информационных ресурсов военного назначения подпадает под его действие.
- Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: устанавливает общие принципы правового регулирования информационной сферы, включая особенности защиты информации ограниченного доступа.
- Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»: определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, включая информационную безопасность.
- Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ: регулирует вопросы интеллектуальной собственности, что имеет значение для результатов НИОКР военного назначения.

Помимо федеральных законов, Министерство обороны РФ и другие силовые ведомства издают ведомственные нормативные акты, которые детализируют требования к созданию, использованию и защите информационных ресурсов военного назначения. Эти документы, как правило, имеют ограниченный доступ и содержат конкретные требования к обращению с различными категориями военной информации.

Особенности режима использования и защиты информационных ресурсов военного назначения напрямую отражают специфику их сбережения. Это включает: классификацию по степени секретности («Совершенно секретно», «Секретно», «Для служебного пользования»), которая определяет уровень необходимых мер защиты; систему допусков и разрешений, ограничивающую доступ к информации только для специально уполномоченных лиц, прошедших проверку и принявших на себя обязательства по защите; комплекс технических средств защиты: криптографические средства для шифрования данных, средства контроля доступа для авторизации пользователей, а также системы мониторинга и

аудита для контроля за обращением с информацией; организационные меры: включают разработку внутренних регламентов, постоянное обучение военнослужащих правилам кибергигиены и безопасного обращения с информацией, а также усиление персональной ответственности за соблюдение установленных требований.

Современные вызовы и угрозы требуют постоянной адаптации правового регулирования и практических мер сбережения. Киберугрозы, такие как несанкционированный доступ, деструктивные воздействия (атаки на работоспособность систем) и информационно-психологические воздействия (распространение дезинформации), представляют собой прямую угрозу сбережению цифрового военного имущества. Промышленный шпионаж, в том числе с использованием агентурной деятельности, технической разведки и кибершпионажа, направлен на похищение результатов НИОКР и технической документации, что равносильно утрате ценнейших активов. Внутренние угрозы, исходящие от лиц, имеющих законный доступ к информации (умышленное разглашение, небрежное отношение, использование служебного положения), остаются одним из наиболее сложных аспектов сбережения.

Перспективы развития правового регулирования порядка сбережения военного имущества неразрывно связаны с технологическими трендами. Развитие искусственного интеллекта, квантовых технологий и подходов к обработке больших данных создает как новые возможности, так и новые угрозы. Законодательство должно оперативно реагировать на эти изменения, адаптируя существующие нормы и создавая новые правовые институты для регулирования отношений в сфере новых информационных технологий и защиты интеллектуальной собственности военного назначения. Это включает разработку правовых норм, регулирующих использование и защиту алгоритмов ИИ, квантовых систем, а также правовой статус данных, полученных в ходе военных операций.

Включение информационных ресурсов и интеллектуальной собственности военного назначения в состав военного имущества отражает

объективные процессы информатизации военного дела и возрастания роли информационных технологий в обеспечении национальной безопасности. Эффективная защита и, следовательно, сбережение этой категории активов является необходимым условием обеспечения национальной безопасности в информационную эпоху и требует комплексного подхода, объединяющего правовые, технические и организационные меры защиты. Это подчеркивает, что правовое регулирование порядка сбережения военного имущества в Вооруженных Силах Российской Федерации постоянно развивается, адаптируясь к вызовам и возможностям, которые предоставляет современная технологическая среда.

В этой связи возможно говорить о появлении нового вида военного имущества – цифровом военном имуществе, под которым следует понимать совокупность нематериальных активов, представленных в электронной форме, которые создаются, обрабатываются, хранятся, передаются и используются в интересах обеспечения обороны и безопасности государства. По своей сути, это интегрированный комплекс информационных ресурсов, программного обеспечения и цифровых систем, функционально предназначенных для выполнения боевых, разведывательных, управлеченческих, логистических, обеспечивающих и иных задач Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов.

Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Концептуальная дилемма понимания военного имущества в узком и широком смыслах отражает сложность и многогранность современной военной организации государства, требующей для своего эффективного функционирования интеграции разнообразных материальных и технических ресурсов. Данная дифференциация служит методологической основой для формирования адекватной системы правового регулирования отношений в сфере военного имущества, обеспечивающей баланс между необходимостью строгого контроля за стратегически важными военными объектами и

требованиями эффективного управления всей совокупностью материальных ресурсов военной организации государства.

2. Порядок сбережения военного имущества представляет собой комплексную систему регулирования общественных отношений в сфере хозяйственной деятельности воинских формирований, государственных органов и организаций, связанных с военной службой, основное назначение которой заключается в обеспечении сохранности материальных ценностей оборонного назначения, предотвращении их утраты или хищения, поддержании постоянного контроля над их использованием и сохранении функциональных характеристик в соответствии с целевым назначением. При этом особое место в данной системе занимают специальные правила обращения с оружием, боеприпасами и военной техникой, направленные на их физическую сохранность и поддержание в состоянии боевой готовности.

3. Правила обеспечения сохранности вооружения, боеприпасов и военной техники обладают принципиальными особенностями по сравнению с нормами хранения иного военного имущества. При этом данные нормы неразрывно связаны с исполнением воинских обязанностей и носят выраженный военный характер, поскольку направлены не только на сохранность материальных ценностей, но прежде всего на поддержание постоянной боевой готовности войск, соблюдение строгих мер безопасности и эффективное выполнение задач оборонного значения, что в совокупности формирует особый правовой режим обращения с указанными материальными ценностями, интегрированный в систему военной службы и подчиненный логике обеспечения военной безопасности Российской Федерации.

Специфика этих правил требует особых мер ответственности за их нарушение, что привело к выделению соответствующих составов преступлений из общей системы наказаний за утрату или повреждение военного имущества (ст. 346–348 УК РФ), входящими в раздел о преступлениях против военной службы.

Необходимость уголовно-правового регулирования в этой сфере обусловлена потребностью общества в защите от военных угроз. Сохранение материальной базы вооруженных сил — ключевое условие поддержания обороноспособности государства, что напрямую влияет на безопасность личности, общества и страны в целом.

4. Для адекватного реагирования на вызовы информационного века и обеспечения комплексной защиты военного потенциала государства, уголовно-правовые механизмы и ведомственное регулирование порядка сбережения военного имущества должны эволюционировать, обеспечивая правовую защиту не только физических объектов, но и их цифровых и интеллектуальных составляющих. Это позволит создать целостную систему предотвращения, пресечения и ответственности за посягательства на весь спектр военного имущества, включая его новые, высокотехнологичные формы, которые в настоящее время зачастую не охватываются узким предметным составом преступлений, предусмотренных статьями 346-348 УК РФ, несмотря на их критическую значимость для обороноспособности страны.

1.2. Становление и развитие отечественного законодательства об ответственности за преступления против порядка сбережения военного имущества

С того времени как появились воины, держащие в руках оружие, встал вопрос сохранности этого оружия. Со временем многое менялось, войска вырабатывали новые стратегические решения, оружие становилось более технологичным, но вопрос его сохранности всегда оставался актуальным.

Исторически забота о сохранности воинского снаряжения возникла одновременно с появлением первых военизованных сообществ, где люди

координировали свои усилия для защиты территорий и ресурсов посредством вооруженной силы¹⁹.

В Англии XIV века законодательными актами Ричарда II Бордосского — короля Англии в 1377—1399 годах. В период его правления в качестве судебной санкции воин, у которого пропала лошадь или который не сберег оружие, мог быть подвергнутым членовредительству — варварскому телесному наказанию в виде отсечения ушей.

В армиях государственных образований на территории современных Швеции, Дании и Голландии сохранности оружия также уделялось большое внимание. За утрату или уничтожение оружия военнослужащий подвергался «посрамлению» с лишением статуса военнослужащего, что по узаконению короля Дании, Англии и Норвегии Кнуда Могучего (994 – 1035 гг.), было чрезвычайно серьезным наказанием²⁰.

Военная организация раннесредневековой Руси до нашествия монголов базировалась на системе княжеских боевых формирований. Данные воинские подразделения обладали способностью вести операции как в автономном режиме, так и координировать свои действия при создании более крупных соединений для решения специфических стратегических целей, обусловленных защитой подконтрольных правителям земель. Князья, возглавлявшие эти формирования, обычно снабжали своих воинов оружием и снаряжением за собственный счет. В связи с этим военачальники того периода русской истории уделяли особое внимание сохранности вооружения и средств индивидуальной защиты.

Вследствие неопределенности военно-правовой системы и ограниченного количества юридических документов той эпохи, природа и содержание военно-правовых установлений остаются предметом научных споров и требуют дальнейшего исследования.

¹⁹ Бобровский П.О. Военное право в России при Петре Великом. Часть вторая. Артикул воинский. Выпуск 2-ой. С.-Петербург. 1986. С. 254.

²⁰ Бобровский П.О. Военное право в России при Петре Великом. Часть вторая. Артикул воинский. Выпуск 2-ой. С.-Петербург, 1986. С. 255.

Вместе с тем, в правовой системе древнерусского государства присутствовали нормативные установления, которые в современном понимании могут быть отнесены к сфере военного законодательства, особенно в части регламентации ответственности за деяния против вооружения и иного боевого снаряжения²¹.

Период формирования централизованного Русского государства и допетровских военных реформ (XV – середина XVII века, до принятия Соборного уложения 1649 г.) ознаменовался активным формированием и укреплением централизованного Русского государства, а также постепенной трансформацией его воинской организации. Отличительной чертой раннесредневековой Руси была превалирующая роль княжеских дружин, где ответственность за сохранность вооружения и снаряжения лежала преимущественно на самих воинах или их князьях, снабжавших их за собственный счет. Однако по мере становления единого государства и, как следствие, формирования более организованных воинских формирований (таких как стрелецкие войска и дворянское ополчение), возникла настоятельная потребность в централизованном контроле над военным имуществом. Хотя, как справедливо отмечается, Судебники Ивана III (1497 г.) и Ивана IV Грозного (1550 г.), а также Литовскийstatut 1529 года, не содержали специализированных глав или статей, напрямую посвященных уголовной ответственности специального субъекта (ратных людей) за посягательства на военное имущество, это не означало полного отсутствия правового регулирования.

В данный период регулирование вопросов сохранности военного имущества преимущественно осуществлялось на основе обычного права, воинских наказов, а также указов и распоряжений великих князей и царей. Эти акты, зачастую не имевшие широкой кодификации и публичного распространения, тем не менее, фактически регулировали отношения внутри

²¹ Там же. С. 282.

войска, устанавливая правила обращения с оружием и снаряжением, а также определяя меры ответственности за их утрату или порчу. Такая ответственность могла варьироваться от материального возмещения ущерба (о чем свидетельствует положение «Русской Правды» о троекратном штрафе за утраченное имущество) до применения суровых дисциплинарных мер, вплоть до телесных наказаний или лишения воинского статуса, что подтверждается историческими данными о применении таких мер в европейских армиях того времени.

По мнению ряда исследователей, например, даже при отсутствии систематизированного военно-уголовного законодательства, царская власть и воеводы обладали достаточным уровнем дискреции для применения жестких мер воздействия в отношении военнослужащих, проявлявших нерадивость к военному имуществу²². Сформировавшаяся система «верстания» (пожалования земли за службу) также подразумевала, что дворянин был обязан являться на службу «конно, людно и оружно», что накладывало на него личную ответственность за сохранность своего вооружения и снаряжения. Таким образом, хотя формализованный институт уголовной ответственности еще не сложился, механизмы обеспечения сохранности военного имущества, основанные на жесткой дисциплине, материальной ответственности и административном принуждении, уже активно действовали, закладывая основы для будущего правового регулирования. Именно в этом периоде прослеживаются тенденции к переходу от чисто личной ответственности за собственное снаряжение к ответственности за государственное имущество, что стало особенно актуально с появлением централизованных поставок и хранения.

Изначально, в ранних правовых актах, концепция вины и её форм была примитивной или отсутствовала вовсе, а ответственность наступала преимущественно за сам факт утраты или порчи имущества. В допетровской

²² Коркунов Н.М. Русское государственное право. Том II. Часть Особенная. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. – 682 с.

Руси, как и в других древних правовых системах, главным было устранение негативного последствия (например, материальное возмещение ущерба), без глубокого анализа внутренней стороны деяния. Ответственность, как правило, была объективной или очень близкой к ней: если имущество утеряно, то виноват тот, кто его имел.

Переломным моментом в развитии концепции вины стало принятие Артикула Воинского 1716 года. Именно в нем, как отмечается, начинают прослеживаться зачатки дифференциации ответственности в зависимости от формы вины. Статья 57, предусматривающая одинаковое наказание за утрату оружия «весьма бросит, или в поле оставит», вне зависимости от обстоятельств, по-прежнему отражает элементы объективного вменения. Однако статья 58, наказывающая за умышленную порчу «ружья, заступа, пики, шпаги» или «чего иного из припасов» «с учетом времени и обстоятельств дела», демонстрирует появление судейского усмотрения, что является предпосылкой для учета субъективной стороны деяния. Хотя формально не были выделены умысел и неосторожность, сам факт рассмотрения «обстоятельств дела» позволял фактически учитывать намерение или его отсутствие²³.

С целью предупреждением преступлений здесь же – условно говоря в части 2 артикула 59 – была закреплена и ответственность лиц, осуществляющих складку оружия и обмундирования, или принятие этих вещей в залог. Интересно, что для этой категории нарушителей альтернативная санкция предусматривала два вида наказания. Выбор оставался за виновным: или штраф в размере трехкратной стоимости незаконно полученных от военнослужащего вещей или «шпицрутенами наказан будет»²⁴. Наказание шпицрутенами гражданским лицам из числа податных сословий определялось по приговору военного суда.

²³ Розенгейм М. П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878; Бобровский П.О. Указ. соч. С. 282-283.

²⁴ Шпицрутены отменены 17 апреля 1863 года.

Что касается солдат, то артикул 57 предусматривал одинаковые дисциплинарные санкции – «жестоко шпицрутенами наказан будет» – за утрату оружия безотносительно формы вины: «весьма бросит, или в поле оставит» или каких-либо иных обстоятельств дела²⁵.

Артикул 58 также предусматривал наказание шпицрутенами за умышленную порчу «ружья, заступа, пики, шпаги» или «чего иного из припасов», но уже с учетом «времени и обстоятельств дела». Подобная формулировка подразумевает возможность некоего судейского усмотрения при определении размера наказания. Возмещение стоимости утраченного осуществлялось из жалования осужденного.

В 59 артикуле (часть 1) можно усмотреть прообраз (весьма условный) современного правового института административной преюдиции, поскольку расстрел – наказание безусловно уголовное – применялся только к злостным нарушителям правил сбережения военного имущества, которые ранее уже дважды привлекались к ответственности за проигрыш, продажу или залог своего мундира или ружья и были биты шпицрутенами.

Следует отметить, что юридическая конструкция артикулов 57-59 презюмировала в качестве субъектов правонарушений только лишь солдат. На офицеров и других военнослужащих с правовым статусом, отличным от статуса солдата, в части ответственности за нарушение правил сбережения военного имущества и оружия, распространялась юрисдикция иных руководящих документов.

К примеру, перечень предметов военного имущества арт. 54 Артикула Воинского ограничивался оружием, снаряжением и мундиром, а предметами преступлений, в ст. 160-161 Воинского устава, помимо вышеперечисленного имущества, были также амуниция и мундирные вещи солдат и офицеров, патроны, лошади и холодное оружие. Ответственность за подобного рода преступления носила не только казенных характер, но преследовала и военные

²⁵ Розенгейм М. П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878; Бобровский П.О. Указ. соч. С. 282-283.

цели. За порчу мундира предусматривалось заключение в одиночной тюрьме сроком от одного до четырех месяцев, за то же деяние в отношении патронов или лошадей, наказывалось лишением определенных прав и служебных преимуществ и отдачей в дисциплинарную воинскую часть сроком от одного до трех лет²⁶.

Дальнейшее развитие произошло в Военно-уголовном уставе 1839 года и, в особенности, в Воинском уставе о наказаниях 1869 года. Именно в этих документах прослеживается более четкое разграничение умышленной порчи и утраты по небрежности. Хотя терминология могла отличаться от современной, идея о том, что умышленное причинение вреда должно наказываться строже, чем неосторожное, уже прочно укоренилась. Наказания стали дифференцироваться не только по виду имущества, но и по степени вины. Телесные наказания, характерные для Петровской эпохи, постепенно заменялись на более мягкие (например, заключение в одиночной тюрьме или дисциплинарной части) за неосторожные деяния, тогда как умышленные по-прежнему могли влечь суворые санкции.

В советском военно-уголовном праве, начиная с УК РСФСР 1922 года и последующих редакций Положения о воинских преступлениях, произошла уже четкая систематизация форм вины. Введены понятия умышленного уничтожения/повреждения и утраты/порчи вследствие нарушения правил сбережения, что прямо указывало на неосторожную форму вины (легкомыслие или небрежность). Такая дифференциация позволила более точно квалифицировать деяния и применять адекватные санкции. УК РСФСР 1960 года закрепил эти подходы, четко разделив преступления на умышленные (ст. 251 – умышленное уничтожение или повреждение военного имущества) и неосторожные (ст. 250 – утрата или порча военного имущества вследствие нарушения правил сбережения, ст. 252 – промотание). Это стало аксиомой для современного российского уголовного права.

²⁶ Там же. С. 298.

В советский период, особенно с формированием единой судебной системы и военных трибуналов, роль судебной практики, а также руководящих разъяснений высших судебных инстанций (вначале Верховного Суда СССР, затем Верховного Суда РСФСР), стала определяющей. Именно Постановления Пленума Верховного Суда играли ключевую роль в унификации правоприменения, разъясняя такие оценочные понятия, как «тяжкие последствия», «значительный ущерб», а также вопросы разграничения смежных составов преступлений. Эти разъяснения были обязательны для нижестоящих судов и обеспечивали единообразие в толковании норм военно-уголовного законодательства. Например, вопросы о том, что именно считать военным имуществом для целей уголовной ответственности (широкий или узкий подход), часто решались именно через эти разъяснения.

В современный период, с принятием УК РФ 1996 года, роль Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации остается центральной. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 мая 2023 г. № 11 является ярким примером такого влияния. Оно внесло критически важное уточнение относительно предмета преступлений, предусмотренных статьями 346-348 УК РФ, четко ограничив его «оружием, боеприпасами и военной техникой заводского изготовления, состоящими на вооружении». Это устранило многолетние дискуссии в теории и практике, обеспечив единообразие квалификации. Кроме того, судебная практика постоянно сталкивается с необходимостью толкования новых квалифицирующих признаков, таких как совершение деяния в период военного положения, военного времени, вооруженного конфликта или ведения боевых действий, что требует адаптации и детализации существующих подходов. Таким образом, судебная практика не просто применяет закон, но и активно участвует в его развитии, адаптируя к меняющимся реалиям и устраняя возникающие коллизии.

Таким образом, в современном этапе развития российского

законодательства об ответственности за преступления против порядка сбережения военного имущества выделяется пятый этап (с 24 сентября 2022 года по настоящее время). Его особенностью является модификация составов преступлений, связанных с нарушением правил сбережения военного имущества, путем введения новых квалифицирующих признаков: совершение деяния в период военного положения, военного времени, вооруженного конфликта или ведения боевых действий.

В истории российского государства, военные конфликты и последующие за ними реформы неизменно выступали мощными катализаторами трансформации правовой системы, и в особенности законодательства, регулирующего ответственность за порядок сбережения военного имущества. Динамика военно-политических реалий, изменение характера войн и качественный скачок в развитии вооружения и военной техники прямо детерминировали эволюцию правовых норм, направленных на защиту военного потенциала страны.

Период первой половины XIX века, ознаменованный такими крупномасштабными и изнурительными конфликтами, как Отечественная война 1812 года и последующие Заграничные походы, а затем и Крымская война (1853-1856 гг.), стал серьезным испытанием для системы материально-технического обеспечения русской армии. Значительные потери материальных ресурсов, обусловленные длительными кампаниями, протяженными логистическими цепочками и суровыми условиями ведения боевых действий, настоятельно потребовали усиления контроля за снабжением и сохранностью военного имущества.

Именно опыт этих войн послужил мощным импульсом для совершенствования военно-уголовного законодательства. В частности, Военно-уголовный устав 1839 года, ставший первым систематизированным сводом военных законов Российской империи, отразил насущную потребность в ужесточении требований к сбережению военного имущества. До его принятия нормы были разрозненными, а практика их применения –

неоднородной. Новый устав стремился к унификации и детализации ответственности. Были введены или значительно усилены санкции за утрату, порчу, растрату и хищение различных категорий военного имущества. Особое внимание уделялось таким критически важным для боеспособности того времени предметам, как артиллерийские орудия и их компоненты, обозное имущество (которое было основой логистики и мобильности войск), стрелковое оружие и обмундирование. Например, за утрату или повреждение артиллерийского орудия могли быть предусмотрены гораздо более строгие наказания по сравнению с аналогичным деянием в отношении менее значимого имущества, что отражало высокую стоимость и сложность восстановления таких объектов. В Уставе 1839 года и последующих актах также прослеживается дифференциация ответственности в зависимости от формы вины (умысел или неосторожность) и условий совершения деяния (мирное или военное время), что свидетельствовало о более тонком подходе к уголовно-правовой оценке. Целью этих законодательных изменений было не только возмещение ущерба, но и, прежде всего, укрепление дисциплины, повышение ответственности каждого военнослужащего за вверенное ему имущество и, как следствие, обеспечение непрерывной боеготовности армии в условиях постоянных войн и маневров.

Период Первой мировой войны (1914-1918 гг.) и последовавшей за ней Гражданской войны (1917-1922 гг.) стал эпохой беспрецедентных потрясений для России, коренным образом изменивших характер военного дела и правовой системы. Эти конфликты характеризовались невиданными ранее масштабами применения техники, массовым производством вооружения (хотя и в условиях быстро меняющихся технологий) и, что особенно критично, острым дефицитом ресурсов в условиях разрухи и внутреннего хаоса. Временное правительство, а затем и Советское государство, сталкивались с массовыми явлениями хищений, разукомплектования, утраты и даже умышленного уничтожения военного имущества. Дезертирство, неорганизованный отход войск, а также деятельность диверсионных групп

приводили к колоссальным потерям оружия, боеприпасов и техники.

В ответ на эти экзистенциальные угрозы, законодательство того времени, особенно в период Гражданской войны, приобрело чрезвычайный и карательный характер. Отсутствие стабильной и кодифицированной правовой системы в условиях революции и гражданского противостояния обусловило появление многочисленных декретов о военном положении, положений о революционных военных трибуналах (реввоентрибуналах) и различных приказов Революционного военного совета. Эти акты часто предусматривали суворые, вплоть до расстрела, наказания за посягательства на военное имущество. Например, «Положение о революционных военных трибуналах» 1919 года прямо указывало на умышленное уничтожение или порчу военного имущества как на особо тяжкое преступление. Целью этих драконовских мер было не столько восстановление справедливости в традиционном смысле, сколько выживание государства и подавление любых проявлений дезорганизации и саботажа в армии. Массовые хищения и разукомплектование, часто совершаемые как военнослужащими, так и гражданскими лицами в условиях голода и хаоса, рассматривались как прямая угроза обороноспособности. Законодательство того периода, несмотря на свою фрагментарность, четко отражало стремление к максимально жесткой защите каждого вида военного имущества, понимая, что его утрата напрямую подрывает фронт и тыл.

Период Великой Отечественной войны стал кульминацией военно-экономического и социально-политического напряжения для Советского Союза. В условиях тотальной мобилизации всех ресурсов, уголовно-правовая защита военного имущества приобрела наивысший приоритет. Каждая единица вооружения, боеприпасов, техники, обмундирования и продовольствия имела стратегическое значение для обеспечения победы. Законодательство того времени, представленное в основном Уголовным кодексом РСФСР 1926 года с многочисленными дополнениями и указами военного времени, а также «Положением о воинских преступлениях»,

значительно ужесточило ответственность за посягательства на военное имущество.

Была усиlena дифференциация ответственности в зависимости от обстановки совершения деяния. Преступления, совершенные на фронте или в боевой обстановке, наказывались значительно строже. За умышленное уничтожение или повреждение оружия, боеприпасов или военной техники, особенно если это влекло тяжкие последствия или совершалось в условиях боя, могли применяться исключительные меры наказания. Законодательство прямо предусматривало ответственность за умышленное уничтожение или оставление имущества на поле боя без приказа – это было расценено как предательство и могло повлечь сюровые санкции.

Помимо усиления уголовной ответственности, были значительно усилены требования к эвакуации, консервации и ремонту техники. Ведомственные акты устанавливали строжайший порядок сдачи поврежденной техники в ремонт, ее эвакуации с поля боя, а также консервации для длительного хранения. Нарушение этих правил, повлекшее утрату или порчу имущества, также влекло за собой уголовную или дисциплинарную ответственность. Целью всех этих мер была абсолютная защита военного потенциала страны, минимизация любых потерь и обеспечение непрерывного снабжения фронта, что стало одним из факторов Великой Победы.

Послевоенный период, а затем и эпоха Холодной войны, характеризовались появлением качественно нового, более технологичного и дорогостоящего военного имущества. Внедрение реактивной авиации, ракетной техники, сложных систем связи, высокоточной электроники и ядерного оружия изменило характер потенциальных конфликтов и, как следствие, требования к сбережению. Локальные конфликты, такие как война в Афганистане (1979-1989 гг.) и Чеченские кампании (1994-1996 гг., 1999-2009 гг.), выявили новые аспекты угроз для военного имущества.

Законодательство в этот период (УК РСФСР 1960 года, Положение о воинских преступлениях, многочисленные ведомственные акты) продолжило

детализировать правила сбережения и, соответственно, основания уголовной ответственности. Появление высокоточного оружия, сложной электроники и средств связи потребовало разработки специфических инструкций по их эксплуатации, хранению и транспортировке. Утрата или повреждение такого оборудования могла иметь гораздо более серьезные последствия, чем раньше, ввиду его высокой стоимости и критического значения для выполнения боевых задач. Например, за утрату или повреждение специфического оборудования, используемого в этих конфликтах (такого как средства спутниковой связи, системы радиоэлектронной борьбы, первые образцы беспилотных летательных аппаратов, а также специализированные транспортные средства для горно-лесистой местности), могли быть предусмотрены более строгие меры ответственности.

Особенности ведения контртеррористических операций (как в Чечне) также повлияли на детализацию правил сбережения. Например, скрытое хранение, оперативная маскировка, защита от диверсий и терактов стали приоритетными. Законодательство и подзаконные акты стали более детально регулировать порядок обращения с имуществом в условиях, приближенных к боевым, но не всегда имеющих статус «военного времени». Целью законодательных изменений было не только адаптация к технологической сложности, но и обеспечение эффективной защиты военного имущества в новых операционных средах, характеризующихся асимметричными угрозами и высоким риском потерь.

Проведение современной специальной военной операции стало катализатором очередного этапа развития законодательства об ответственности за порядок сбережения военного имущества. Реальный опыт боевых действий в условиях гибридных войн и высокотехнологичного противостояния выявил новые, ранее не столь очевидные, аспекты угроз и потребности в адаптации правовых норм. Введение Федеральным законом от 24 сентября 2022 года № 365-ФЗ квалифицирующих признаков, таких как совершение деяния в период военного положения, в военное время либо в

условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, является прямым отражением возросшей общественной опасности посягательств на военное имущество в критические для государства периоды.

Опыт СВО оказывает существенное влияние на переосмысление практических аспектов сбережения. Например, необходимость скрытого хранения и оперативной маскировки военной техники, особенно в условиях повсеместного использования противником разведывательных БПЛА, стала первостепенной задачей. Это влечет за собой разработку новых ведомственных инструкций и усиление ответственности за их несоблюдение, поскольку нарушение правил маскировки может напрямую привести к обнаружению и уничтожению имущества противником. Также выявлена повышенная уязвимость некоторых видов техники (например, беспилотных летательных аппаратов, средств связи) к новым видам воздействия (РЭБ, кибератаки), что требует пересмотра правил их сбережения и защиты от информационных угроз.

Таким образом, каждый крупный военный конфликт и значительная военная реформа в истории России не только проверяли на прочность существующую систему правового регулирования, но и неизбежно инициировали ее адаптацию и развитие. Законодательство об ответственности за порядок сбережения военного имущества, проходя через горнило войн, постоянно совершенствовалось, отражая меняющиеся потребности государства в защите своего военного потенциала и обеспечивая его боеготовность в любых условиях.

В системе правового регулирования воинской службы, характеризующейся особой спецификой и стратегическим значением для национальной безопасности, процесс формирования и развития законодательства не ограничивается лишь деятельностью высших законодательных органов. Он представляет собой сложное, динамичное взаимодействие нормотворчества и правоприменения, где ключевая роль отводится органам военной юстиции. Военные следственные органы, органы

военной прокуратуры и военные суды, будучи непосредственными участниками правоприменительного процесса, не только реализуют нормы права, но и, посредством своей практической деятельности, выявляют пробелы, коллизии и недостатки в действующем законодательстве, тем самым генерируя импульсы для его совершенствования.

Исторически, функции военного следствия претерпевали значительные трансформации, начиная от военно-судных комиссий в допетровский период, через специализированные следственные аппараты Российской империи и раннего советского государства, до современных военных следственных органов. На каждом из этих этапов их деятельность по сбору доказательств, установлению причин и условий совершения воинских преступлений, а также по квалификации деяний, неизбежно приводила к выявлению несовершенства действующих правовых норм. В процессе расследования конкретных случаев уничтожения, повреждения или утраты военного имущества следователи сталкивались с отсутствием четких определений, бланкетным характером диспозиций и сложностью доказывания субъективной стороны, что формировало запрос на уточнение и детализацию законодательства. Материалы следственной практики, обобщаемые и анализируемые на различных уровнях, служили основой для предложений по совершенствованию уголовного и военно-административного права.

В современный период Главное военное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации и его территориальные подразделения играют ключевую роль в выявлении, расследовании и доказывании преступлений против порядка сбережения военного имущества. Их повседневная практическая деятельность становится ценнейшим источником для нормотворческой инициативы. Применяя бланкетные диспозиции статей 346-348 УК РФ, следователи вынуждены обращаться к обширному массиву ведомственных нормативных актов (уставы, наставления, инструкции), конкретизирующих правила сбережения военного имущества. На этом этапе происходит своеобразное «наполнение» уголовно-правовой

нормы фактическим содержанием, что позволяет выявлять ее адекватность или, напротив, недостаточность.

Практический опыт военных следователей в установлении тяжких последствий преступлений против военного имущества (снижение боеспособности, организационный вред, значительный материальный ущерб) также является эмпирической базой для совершенствования законодательства. В условиях, когда многие критерии являются оценочными, их конкретизация в ходе расследования формирует устойчивые подходы, которые затем могут быть закреплены в разъяснениях Верховного Суда РФ или стать основой для законодательных инициатив. Аналогично, при разграничении преступлений против порядка сбережения военного имущества от смежных общеуголовных составов или иных воинских преступлений (например, хищения, халатности, должностных преступлений), следователи нарабатывают практику, которая позволяет выявлять тонкие грани между составами. Особую значимость имеет опыт расследования преступлений, связанных с новыми видами военного имущества (информационные ресурсы, программное обеспечение, кибернетические комплексы) и совершенных в условиях боевых действий. Недостаточность или отсутствие прямого законодательного регулирования таких деяний вынуждает следственные органы искать аналогии или формировать новые подходы к доказыванию, что затем трансформируется в предложения по внесению изменений в уголовное законодательство, обеспечивая его адаптацию к вызовам XXI века.

Военная прокуратура на протяжении всей истории российского государства выполняла и продолжает выполнять важнейшую функцию надзора за соблюдением законности в Вооруженных Силах. Исторически, начиная со времен Петра I, прокурорские органы в армии (например, в период Российской империи Главное военно-прокурорское управление, а затем органы военной прокуратуры СССР) осуществляли не только надзор за соблюдением законов командирами и должностными лицами, но и выявляли системные недостатки в организации сбережения военного имущества. Они

вносили представления об устраниении нарушений, привлекали виновных к различным видам ответственности и, что важно, аккумулировали информацию о состоянии законности в этой сфере. Аналитические отчеты и обобщения прокурорской практики часто ложились в основу правительственные решений и законодательных инициатив по совершенствованию нормативной базы.

В современный период Главная военная прокуратура и подчиненные ей органы осуществляют комплексный надзор за исполнением законов в Вооруженных Силах Российской Федерации, иных войсках, воинских формированиях и органах. Их деятельность в части правового регулирования порядка сбережения военного имущества многогранна. Во-первых, прокуроры осуществляют надзор за соблюдением установленных правил хранения, учета, эксплуатации и использования военного имущества, выявляя нарушения и принимая меры прокурорского реагирования (внесение представлений, протестов, постановлений о возбуждении дисциплинарных или административных производств). Это позволяет своевременно предотвращать ущерб и укреплять дисциплину.

Во-вторых, военные прокуроры активно участвуют в поддержании государственного обвинения в военных судах по делам о преступлениях против порядка сбережения военного имущества. В процессе судебных разбирательств они не только обеспечивают законность и обоснованность обвинения, но и, взаимодействуя с судом, способствуют формированию единообразной судебной практики, влияя на толкование норм права. В-третьих, что наиболее существенно для развития законодательства, органы военной прокуратуры проводят анализ и обобщение правоприменительной практики по данной категории дел. Они выявляют коллизии между различными нормативными актами, пробелы в законодательстве, неясности в формулировках, а также проблемы в доказывании. На основе этого анализа формируются предложения по совершенствованию законодательства, которые направляются в вышестоящие прокурорские органы, а затем – в

законодательные органы или Верховный Суд РФ. Таким образом, военная прокуратура выступает как важный аккумулятор правовой информации и инициатор законодательных изменений, способствуя адаптации норм к меняющимся реалиям военной службы.

Военные суды на протяжении всей истории российского государства являлись ключевым звеном в системе военной юстиции, обеспечивая правосудие в воинских формированиях. Их роль в формировании и развитии законодательства об ответственности за преступления против порядка сбережения военного имущества трудно переоценить. Исторически, от военных судов Петра I, призванных утвердить абсолютистскую дисциплину, через военно-окружные суды Российской империи, до военных трибуналов СССР, судебные учреждения не только применяли действующие нормы, но и, разрешая конкретные дела, фактически толковали право, устранивая его неясности и разрешая коллизии. Их решения, хотя и не всегда имевшие силу precedента в современном понимании, тем не менее, формировали устойчивую судебную практику, которая служила ориентиром для нижестоящих инстанций и зачастую влияла на последующие законодательные изменения.

В современный период военные суды (гарнизонные, окружные и флотские военные суды, а также Военная коллегия Верховного Суда РФ) выполняют центральную функцию по осуществлению правосудия в Вооруженных Силах. Их ключевая роль в формировании и развитии законодательства проявляется в следующем.

Во-первых, военные суды выносят приговоры и определения по делам о преступлениях против порядка сбережения военного имущества, тем самым давая конкретное правовое содержание абстрактным нормам закона. Именно в приговорах и определениях судов происходит реализация бланкетных диспозиций, устанавливаются факт наличия тяжких последствий, вины, причинно-следственной связи и иных элементов состава преступления.

Во-вторых, и это имеет принципиальное значение, военные суды, через

свою повседневную практику, являются источником информации для обобщения судебной практики. Этот процесс осуществляется Военной коллегией Верховного Суда Российской Федерации, которая анализирует решения нижестоящих военных судов. На основе этого анализа Пленум Верховного Суда Российской Федерации принимает постановления, дающие обязательные разъяснения по вопросам применения уголовного законодательства.

В-третьих, военные суды, сталкиваясь с новыми вызовами (например, киберпреступлениями против военного имущества, квалификацией в условиях боевых действий), формируют подходы к их разрешению, которые затем могут быть апробированы и закреплены в вышестоящих инстанциях.

Таким образом, военные органы юстиции, действуя в тесной взаимосвязи, образуют единый механизм, который не только обеспечивает правоприменение, но и активно участвует в формировании и развитии законодательства об ответственности за преступления против порядка сбережения военного имущества.

Строгий порядок хранения военного имущества обусловлен не только необходимостью защиты собственности, но, в первую очередь, интересами обороны и безопасности государства. Именно соблюдение правил их сбережения напрямую связано с исполнением воинских обязанностей.

Исключительная значимость вооружения, боевых припасов и военной техники акцентируется особыми уголовно-правовыми мерами ответственности за несоблюдение установленных правил их хранения (статьи 346–348 Уголовного кодекса Российской Федерации). Данные меры отличаются большей строгостью по сравнению с санкциями, предусмотренными за аналогичные правонарушения в отношении иного военного имущества.

Как справедливо отмечает В.П. Шупленков, ключевой вызов криминализации состоит в осмыслиении процесса трансформации материальных условий и потребностей социума в юридически оформленную

волю государства. Законодатель при принятии решений относительно установления, модификации или упразднения уголовной ответственности за конкретные формы поведения должен руководствоваться ясно определенными критериями, обеспечивающими соответствие его решений актуальным общественным запросам²⁷.

А.И. Коробеев предлагает классификацию, включающую «юридико-кrimинологические, социально-экономические и социально-психологические основания криминализации»²⁸.

В свою очередь, В.И. Курляндский выдвигает иную классификационную модель, дифференцируя «факторы на связанные с общественной опасностью деяния и факторы, не имеющие непосредственного отношения к ней»²⁹. К последней категории исследователь относит социальные аспекты, такие как распространенность деяний и уровень правосознания, экономические факторы, включая масштаб причиняемого ущерба и влияние на трудовую дисциплину, а также иные факторы, в частности политические мотивы и международные обязательства государства³⁰.

В рамках юридико-кrimинологической доктрины, общественная опасность конкретного деяния конституирует собой один из фундаментальных критериев, служащих основанием для его криминализации.

По мнению В.П. Шупленкова, общественная опасность представляет собой объективную реальность, присущую некоторым деяниям в конкретных условиях места, времени, обстановки, характера их совершения. Она присуща всем видам правонарушений (административным, дисциплинарным и т.д.), поскольку последние в той или иной мере нарушают нормальное функционирование общественных механизмов. Общественная опасность

²⁷ Шупленков В.П. Проблемы уголовно-правовой борьбы с преступлениями против обороны СССР. Дис... д-ра юрид. наук. – М., 1986. – С. 45.

²⁸ Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика. Владивосток, 1987.

²⁹ Курляндский В.И. Уголовная политика, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975. С. 81-82.

³⁰ Там же.

определяется тем ущербом, который деяние причиняет или может причинить общественным отношениям. Меру общественной опасности, которая служит критерием признания деяния преступным, следует устанавливать на уровне, когда причиняемый деянием вред общественным отношениям является настолько значительным, что может существенно нарушить нормальное функционирование определенной системы общественных отношений³¹.

Э.Н. Жевлаков и Э.Ф. Побегайло отмечают, что «общественная опасность деяния – материальный признак преступления, раскрывающий его социальную сущность. Общественная опасность означает, что деяние вредоносно для общества, т.е. причиняет или создает угрозу причинения существенного вреда общественным отношениям»³².

Примерный перечень общественных отношений, которым наносят вред преступления, содержит ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса РФ. Это, прежде всего, права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественная безопасность, окружающая среда, конституционный строй РФ, мир и безопасность человечества. Общественная опасность как материальный признак понятия преступления различается по характеру и степени³³.

Общественная опасность деяния (действия или бездействия) определенного вида обуславливает социальную потребность его запрещения правом под угрозой соответствующих санкций. В зависимости от характера и степени общественной опасности деяния (содержания объекта посягательства, способа посягательства, вины, мотива, цели, существенности последствий, места, времени и других обстоятельств)³⁴ в конкретных исторических условиях оно рассматривается законодателем как преступление,

³¹ Шупленков В.П. Указ. соч. – С. 49.

³² Российская юридическая энциклопедия. – М., Инфра-М, 1999. – С. 2329.

³³ Торкунов М.А. Общественная опасность и криминализация деяний: Монография. – Киров: ИП Жидков В.А., 2008. – С. 327.

³⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.

правонарушение административное, гражданско-правовое или дисциплинарное³⁵.

Военное имущество представляет собой комплекс материальных объектов, включающий движимые и недвижимые активы, находящиеся в государственной собственности и закрепленные за Министерством обороны Российской Федерации, а также иными федеральными органами исполнительной власти, уполномоченными осуществлять функции в сфере обороны и безопасности. Правовой режим данного имущества характеризуется особыми формами владения – хозяйственным ведением и оперативным управлением, что позволяет государству как собственнику эффективно контролировать его использование в интересах обеспечения обороноспособности страны. В данный имущественный комплекс входят объекты капитального строительства, вооружение, боеприпасы, специальная техника, акции оборонных предприятий и иные материальные ресурсы, необходимые для полноценного функционирования Вооруженных Сил и других военизированных формирований.

Нормы уголовного законодательства обеспечивают защиту общественных отношений, связанных с сохранностью материальных ценностей, устанавливая ответственность за противоправные посягательства на собственность. Особую значимость приобретает уголовно-правовая охрана военного имущества, поскольку его повреждение или уничтожение причиняет ущерб не только как объекту собственности, но и подрывает обороноспособность государства. В отличие от гражданского имущества, при посягательствах на военное имущество вред причиняется непосредственно государству как собственнику в лице уполномоченных органов исполнительной власти и воинских формирований, что приводит к двойному негативному эффекту.

³⁵ Торкунов М.А., Указ. соч. – С. 29.

Оружие, боеприпасы и военная техника являются ключевыми элементами системы военной безопасности. Их качественное и количественное состояние напрямую влияет на боеготовность и боеспособность вооруженных сил.

Вывод из строя, уничтожение или утрата этих объектов, в том числе из-за ненадлежащего хранения, серьезно подрывают боеготовность Вооруженных Сил РФ.

Поддержание военного имущества в исправном состоянии, предотвращение его утраты, повреждения и хищения – важнейшие задачи, которые решаются за счет строгого соблюдения правил его хранения.

Введение уголовной ответственности за нарушения порядка сбережения военного имущества обусловлено необходимостью эффективного правового регулирования соответствующих общественных отношений, обеспечивающих обороноспособность государства.

Однако при определении мер уголовно-правового воздействия требуется тщательная оценка возможных социальных последствий, поскольку избыточная криминализация может привести к негативным эффектам. В частности, применение строгих мер наказания в виде лишения свободы к военнослужащим за нарушения правил хранения военного имущества способно вызвать нежелательные последствия для боеготовности воинских подразделений – осужденные военнослужащие выбывают из строя, что снижает кадровый потенциал частей и подразделений. Это обстоятельство требуетзвешенного подхода к конструированию санкций, позволяющего сочетать задачи уголовно-правовой защиты военного имущества с необходимостью сохранения боеспособности войск.

Криминализация противоправных деяний представляет собой вынужденную социальную меру, при которой менее значимые общественные интересы сознательно приносятся в жертву для защиты более важных ценностей и правопорядка, при этом уголовно-правовое воздействие должно применяться исключительно в качестве крайней меры и лишь тогда, когда все

иные способы правового и социального регулирования (административные, дисциплинарные, гражданско-правовые меры воздействия) доказали свою неэффективность в предотвращении общественно опасных деяний. Так как избыточная криминализация ведет к неоправданному расширению репрессивного аппарата государства, чрезмерному ограничению прав и свобод граждан, а также значительным социально-экономическим издержкам для общества в целом.

В контексте функционального предназначения уголовно-правовой нормы, конечной целью которой является пресечение определенных форм антисоциального поведения, эффективность применения механизмов уголовной репрессии в отношении конкретных деяний целесообразно оценивать по ее способности. Так, индикатором результативности является не только абсолютное сокращение числа таких посягательств, но и, по меньшей мере, сдерживание их на уровне, который считается минимально возможным при существующем комплексе объективных социальных явлений, детерминирующих криминальную активность³⁶.

Анализ состояния и динамики преступности против порядка сбережения оружия, боеприпасов и военной техники³⁷ до начала специальной военной операции свидетельствовал о стабильном нахождении количества совершенных указанных преступлений на достаточно низком уровне по сравнению с другими преступлениями против военной службы. С началом специальной военной операции количество преступлений изучаемой категории возросло в разы. Однако в условиях боевых действий важно учитывать и высокий уровень латентности таких преступлений.

С одной стороны, устойчивый рост определенных видов правонарушений при доказанной неэффективности других мер правового

³⁶ Косован О.А. Криминализация в системе мер социального контроля над преступностью (военно-правовые аспекты): Монография. – М.: РПА МЮ РФ, 2005. С. 110-111.

³⁷ Статистические данные за 2012-2021 годы по составам преступлений, предусмотренных статьями 167, 168, 225, 346, 347, 348, части 1 и 1.1 статьи 293.1 УК РФ / Письмо заместителя Главного военного прокурора А.Ю. Девятко от 23.08.2023 (приложение Б к диссертации).

воздействия служит объективным основанием для введения уголовного запрета. С другой стороны, законодатель должен учитывать комплекс причин и условий, способствующих совершению таких деяний, поскольку это позволяет: точно определить границы уголовно-правового запрета, включив в него не только непосредственно противоправные действия, но и деятельность, создающую условия для их совершения; избежать избыточной криминализации, особенно когда противоправное поведение обусловлено глубокими социальными проблемами, требующими прежде всего экономических или социально-политических решений, а не уголовной репрессии. Такой сбалансированный подход обеспечивает пропорциональность уголовно-правового реагирования, минимизируя риски чрезмерного расширения сферы уголовной ответственности при сохранении эффективной защиты общественных интересов³⁸.

Введение уголовной ответственности за конкретные деяния требует тщательного анализа баланса социальных последствий, поскольку уголовный закон обладает беспрецедентной силой воздействия на общественные отношения – значительно превышающей влияние иных правовых регуляторов. Криминализация оправдана исключительно при соблюдении принципа социальной целесообразности: предполагаемая польза от введения уголовного запрета (защита общественно значимых ценностей, предотвращение существенного вреда) должна объективно превосходить неизбежные издержки.

Как указывает А.И. Коробеев, криминализации должны подлежать только такие деяния, которые причиняют достаточно серьезный материальный и моральный вред обществу³⁹.

Законодатель, вводя уголовную ответственность за конкретные деяния, ориентируется на необходимость достижения позитивного восприятия

³⁸ Косован О.А. Указ. соч., С. – 111.

³⁹ Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика. Владивосток, 1987; Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика, Красноярск, 1991.

обществом уголовного закона как эффективного регулятора общественных отношений. В российском социокультурном контексте это положение приобретает особую значимость применительно к правонарушениям в сфере военной службы. Такое отношение обусловлено глубокими социокультурными традициями, в рамках которых военная служба воспринимается не просто как профессиональная деятельность, а как важнейший гражданский долг, что объясняет повышенную социальную нетерпимость к любым нарушениям воинского правопорядка и делает уголовно-правовое регулирование в данной сфере социально легитимным и востребованным обществом.

В современном общественном дискурсе особое внимание традиционно уделяется классическим воинским преступлениям – неуставным отношениям, самовольному оставлению части и дезертирству, которые воспринимаются как прямые угрозы воинской дисциплине. Однако в последние годы в фокусе общественного интереса все чаще оказываются иные противоправные действия в военной сфере: злоупотребление служебным положением, нецелевое расходование бюджетных средств, коррупционные схемы, а также преступления, связанные с незаконным оборотом военного имущества – от его закупки и эксплуатации до технического обслуживания, хранения и списания, особенно когда речь идет о стратегически важных объектах, таких как системы вооружения, боеприпасы и специализированная военная техника, что обусловлено как их высокой материальной ценностью, так и потенциальной опасностью для общества при неправомерном обращении с ними.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что противоправные действия, совершаемые в сфере военной службы, неизбежно вызывают острое общественное осуждение и наносят существенный ущерб авторитету Вооруженных Сил Российской Федерации. Подобная реакция общества обусловлена особой социальной значимостью воинской службы как института, непосредственно связанного с обеспечением национальной безопасности. В этом контексте уголовно-правовая защита установленного

порядка военной службы, включая строгий контроль за сохранностью вооружения, боеприпасов и военной техники, приобретает характер объективной необходимости.

Проведенный нами анализ данных факторов криминализации позволяет говорить об их применимости и к преступлениям против военной службы, в т. ч. рассматриваемых нами преступлениях, предусмотренных ст.ст. 346-348 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Исследование вопросов криминализации проводилось и в рамках науки военно-уголовного права⁴⁰, которая отмечает определенные особенности оснований криминализации воинских преступлений.

В основе теоретических положений, касающихся криминализации воинских общественно опасных деяний, лежат следующие принципы: во-первых, военная безопасность, включая воинский правопорядок, находится под защитой как норм военно-уголовного, так и общеуголовного законодательства; во-вторых, военно-уголовное законодательство охватывает не только составы, специально относящиеся к воинским преступлениям, но и составы, направленные на защиту как военной безопасности, так и других социальных ценностей; в-третьих, общественная опасность воинского деяния должна иметь отличительные черты по сравнению со сходным общеуголовным преступлением; в-четвертых, при наличии достаточного общеуголовного запрета отсутствует необходимость введении аналогичного состава воинского преступления.

В военно-уголовной правовой теории, исходя из характера и сущности воинских общественно опасных деяний, военные правонарушения

⁴⁰ См.: Абдуллаев З.М. Теоретические основы криминализации воинских общественно опасных деяний: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991; Ахметшин Х.М. Основные вопросы теории советского военно-уголовного законодательства и практики его применения: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1975; Тер-Акопов А.А. Правовые основания ответственности за воинские преступления: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1982; Самойлов А.С. Уголовная ответственность военнослужащих за нарушения правил обращения с оружием, веществами и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1989; Шупленков В.П. Проблемы уголовно-правовой борьбы с преступлениями против обороны СССР: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1986; и др.

подразделяются на несколько категорий. Преступления, посягающие на порядок сбережения оружия, боеприпасов и военной техники, рассматриваемых как виды военного имущества, входят в третью группу представленной классификации – воинские преступные деяния, выделенные из общеуголовных норм, однако не имеющие своей целью охрану военной безопасности.

Криминализация представляет собой процесс обеспечения защиты конкретных общественных отношений посредством инструментов уголовного права. В качестве субъекта криминализации выступает государство, реализующее эту функцию через свои законодательные органы. Фундаментом данного процесса является всесторонняя оценка противоправных действий с точки зрения потенциальной угрозы для государства и общества, а также учет экономических и психологических аспектов при принятии решения о признании определенных действий преступными. В свою очередь, оценка угрозы тех или иных противоправных действий определяются значимостью конкретных общественных отношений, являющихся объектом уголовно-правовой защиты, и влиянием данных отношений на установленный порядок исполнения государством своих функций. Криминализация воинских общественно опасных действий производится на общих принципах криминализации, однако имеет определенные особенности.

Особенность криминализации таких общественно опасных действий проявляется прежде всего в их многообъектности, т.е. в причинении вреда в результате их совершения целому ряду охраняемых социальных ценностей (образующих основной и дополнительный объект преступного посягательства). В этих преступлениях важная роль, как правило, отведена предмету посягательства.

Основанием формирования многообъектных преступлений против военной службы являются общеуголовные нормы, которыми порядок прохождения военной службы (его составляющие элементы) не охраняются. Основным объектом таких норм выступают различные социальные ценности

(применительно к теме исследования – собственность и порядок ее сбережения), которые при интеграции в систему воинских правоотношений не утрачивают своей самостоятельной значимости, но становятся составляющим компонентом обеспечения надлежащего исполнения обязанностей военной службы.

Таким образом, исторически система составов преступлений против порядка сбережения военного имущества в военно-уголовном праве формировалась поэтапно. Ее развитие было обусловлено актуальными задачами военного строительства, необходимостью гарантировать обороноспособность государства, а также поддерживать высокий уровень боеготовности и национальной безопасности.

Система мер уголовной ответственности за нарушение порядка сбережения военного имущества охватывает как общеуголовные, так и специальные нормы уголовного законодательства. Такое разграничение обусловлено стратегической значимостью указанных предметов для системы обороны страны, что существенно повышает степень их общественной опасности при хищении или повреждении. Однако, существующая система санкций не соответствует данной дифференциации, предусматривая практически одинаковые меры ответственности как для специальных, так и для общеуголовных составов. Подобная ситуация нивелирует саму идею выделения отдельных норм для защиты наиболее важных объектов военной инфраструктуры, поскольку специальные составы должны предполагать и более строгую ответственность, адекватно отражающую повышенную опасность таких деяний для национальной безопасности. В этой связи требуется законодательная корректировка санкций статей 346-348 УК РФ в сторону их существенного ужесточения, что позволит восстановить логическую взаимосвязь между особой значимостью охраняемых объектов и предусмотренной за их нарушение ответственностью.

Глава II. Уголовно-правовая характеристика преступлений против порядка сбережения военного имущества

2.1. Особенности отнесения военного имущества к предмету преступлений против порядка его сбережения

Обеспечение сохранности военного имущества имеет высокую значимость для государства, что требует соответствующего правового регулирования, включая применение мер уголовно-правового характера.

При совершении преступлений, связанных с нарушением порядка сбережения военного имущества, приоритетной задачей становится обеспечение военной безопасности государства, тогда как вопросы собственности отходят на второй план. Совокупный ущерб, причиняемый такими правонарушениями в сфере военной службы, безусловно, должен влиять на выбор мер ответственности, однако в контексте рассматриваемых деяний этот аспект остаётся недостаточно проработанным.

Основания для уголовного преследования военнослужащих за общественно опасные деяния устанавливаются как уголовным, так и военным правом. В итоге складывается целостный правовой механизм, сочетающий нормы военного и уголовного права, где позитивные правила поведения, зафиксированные в военном законодательстве, подкрепляются мерами уголовно-правового воздействия.

Бланкетность норм военно-уголовного законодательства накладывает особый отпечаток на процесс расследования и судебного разбирательства по делам о преступлениях против военной службы. Поскольку диспозиции соответствующих статей отсылают к иным нормативным актам, правоприменительные органы обязаны не только установить факт нарушения, но и точно указать в процессуальных документах, какое именно правовое предписание было нарушено и в чем конкретно выражалось это нарушение.

Вина в преступлениях против военной службы имеет особую предметную направленность, отражая военную природу противоправного деяния. Речь идет о нарушении установленного порядка несения службы, которое влечет за собой вред или создает угрозу безопасности государства. Как и в общеуголовных преступлениях, формы вины могут варьироваться: умысел (прямой или косвенный), преступная самонадеянность или неосторожность. Однако в военных преступлениях вина всегда связана с нарушением специальных норм, регулирующих порядок прохождения службы, что и определяет их особую правовую природу.

Для уголовно-правовой оценки преступлений, сопряженных с нарушением порядка сбережения военного имущества, ключевое значение имеет анализ их системной организации.

По своей сути, система таких преступлений включает в себя комплекс уголовно-правовых норм, которые объединены общей целью — защитой охраняемого законом объекта (определенных общественных отношений) от противоправных действий.

Современное уголовное законодательство предусматривает комплексную систему защиты военного имущества, устанавливая ответственность за различные формы его незаконного использования.

Данные правовые положения образуют взаимосвязанную систему, направленную на защиту военной собственности от любых форм противоправных посягательств. Их системное применение позволяет дифференцированно подходить к квалификации преступлений в зависимости от формы вины и степени причиненного ущерба.

Примечательно, что законодатель не ограничивается простой фиксацией запретов, а создает многоуровневый механизм правовой защиты, учитывающий специфику военной службы и повышенную общественную опасность подобных деяний. Такой подход подчеркивает особый статус военного имущества как объекта уголовно-правовой охраны и демонстрирует стремление государства обеспечить его максимальную сохранность.

Совокупность указанных норм выполняет не только карательную, но и превентивную функцию, формируя у военнослужащих ответственное отношение к вверенному им имуществу и создавая правовые барьеры для возможных злоупотреблений.

Поскольку данное имущество относится к государственной собственности, оно нуждается в особой правовой охране от противоправных действий. Проведённый анализ позволяет констатировать, что современный механизм уголовно-правовой охраны военного имущества представляет собой комплексную систему, интегрирующую как общеуголовные положения, так и специальные нормы, разработанные с учётом особенностей военной службы.

Такой дуализм правового регулирования обусловлен необходимостью: обеспечения универсальной защиты материальных ценностей (на что направлены общеуголовные нормы); учёта специфики армейской дисциплины и повышенной значимости оборонных объектов (что отражают специальные положения).

Данный синтез проявляется в следующих аспектах: субъектный состав (специальный субъект – военнослужащие); объект посягательства (особый правовой режим военного имущества); санкционный механизм (специфические виды наказаний для военнослужащих).

Такой подход демонстрирует эволюцию уголовного законодательства в направлении дифференциации ответственности с учётом особой социальной значимости охраняемых отношений.

Эта необходимость объясняется ключевой ролью предмета преступления в конструкции его состава: именно он позволяет ограничить рассматриваемые деяния от иных правонарушений. Примечательно, что законодатель в ст. 346–348 УК РФ специально ограничивает предмет преступления, включая в него исключительно вооружение, боевые припасы и технику военного назначения, исключая иные виды армейского имущества.

За нарушения порядка бережения военного имущества, не относящегося к предмету регулирования статей 346-348 УК РФ, виновные

лица привлекаются к ответственности по общим положениям уголовного законодательства.

Характерно, что законодательная формулировка указанных норм не содержит легальных определений для таких значимых категорий, как оружие, боеприпасы и военная техника. Практика восполнения этого законодательного пробела путем отсылки к смежным нормативным актам (в рамках действия бланкетных норм) порождает существенные сложности правоприменения. Это связано с существующими межотраслевыми различиями в трактовке указанных понятий в различных сферах правового регулирования.

Так, в ФЗ «Об оружии» под оружием понимаются устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов. Этой же статьей дано определение понятию боеприпасов как предметов вооружения и метаемого снаряжения, предназначенного для поражения цели и содержащих разрывной, метательный, пиротехнический или вышибной заряды либо их сочетание.

Однако, данные определения являются достаточно широкими и не все охватываемые ими предметы, можно отнести к предмету преступлений, предусмотренных ст. ст. 346-348 УК РФ.

К примеру, стартовый пистолет, ракетница, охотниче ружье и т.п. хотя и относятся к оружию согласно приведенного определения, предметом рассматриваемых статей УК РФ не являются.

Согласно положениям статей 346-348 УК РФ, понятие «оружие» охватывает строго определённую категорию технических устройств, чьё прямое назначение заключается в поражении следующих целей: личного состава противника; его вооружения и техники; оборонительных сооружений; стратегически важных объектов. В эту группу входят: все разновидности огнестрельного оружия (от ручного короткоствольного до автоматического); артиллерийское вооружение (включая полевые орудия, миномётные системы); стационарные и мобильные ракетные установки; штатное вооружение бронетехники, военных кораблей и летательных аппаратов. Для правовой

оценки действия по данным статьям решающими являются: факт официального включения образца в систему вооружения РФ (согласно правительственным нормативным актам); документально подтверждённое закрепление конкретной единицы оружия за воинским подразделением или специализированной организацией военного профиля.

Отдельную проблему представляет юридическое определение понятия «военная техника». Как указывает А.И. Ноздринов, «в настоящее время отсутствует законодательно закрепленное определение данного термина, которое могло бы единообразно применяться в различных отраслях права. Данный пробел в правовом регулировании существенно осложняет процесс квалификации, в частности при необходимости ограничения военной техники от других категорий специального оборудования»⁴¹.

Подобная ситуация обусловлена отсутствием в военной доктрине единых классификационных признаков, позволяющих четко дифференцировать военную технику от прочих видов технических средств. Данная терминологическая неопределенность закономерно приводит к существованию множества противоречивых научных позиций по данному вопросу.

Военно-юридический энциклопедический словарь⁴² определяет военную технику как технические средства, предназначенные для боевого, технического и тылового обеспечения деятельности войск, а также оборудование и аппаратура для контроля и испытаний этих средств, составные части этих средств и комплектующие изделия.

Различные задачи, решаемые с применением военной техники обуславливают ее разнообразие по видам, многочисленность и сложность по конструкции.

⁴¹ Ноздринов А.И. Вопросы квалификации уничтожения и повреждения военного имущества // Право в Вооруженных Силах: Военно-правовое обозрение. 2003. N 12 (Вкладка Военно-уголовное право. 2003. N 11 - 12. С. 3 - 6).

⁴² Военно-юридический энциклопедический словарь. Серия «Право в Вооруженных Силах – консультант». - М.: «За права военнослужащих», 2008. – Вып. 82. – 368 с.

Основной частью военной техники является боевая техника. Военная техника и предметы военной техники являются предметами преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации⁴³.

По мнению А.А. Тер-Акопова под предметами военной техники следует понимать различные технические средства, находящиеся на вооружении войск и относящиеся к средствам ведения либо обеспечения военных действий (например, военно-транспортные средства, приборы ночного видения, инженерные машины и тому подобное). Медицинскую технику, технические устройства полевых кухонь и другие виды аналогичной техники, предлагается исключить из перечня военной техники, так как они не имеют прямого отношения к ведению или обеспечению военных действий⁴⁴.

Иного мнения придерживается И.Ю. Белый, который считает, что к предметам военной техники относится любая техника, стоящая на балансе в воинской части и числящаяся в ней по штату⁴⁵. Анализируя данный подход отнесения техники к военной, следует отметить существующую в доктрине позицию, согласно которой ключевыми критериями выступают: фиксация в материальном учете воинского подразделения и включение в штатную номенклатуру вооруженных сил. Однако такой формально-бюрократический подход несет существенные правовые риски, поскольку фактически приравнивает в уголовно-правовом контексте специализированные образцы вооружения (танки, системы ПВО, боевые самолеты) и предметы хозяйственно-бытового назначения (кухонное оборудование, киноустановки).

В этом отношении более взвешенной выглядит концепция А.А. Тер-Акопова, обосновывающая необходимость функционального подхода при квалификации по ст. 346-348 УК РФ. Аргументация строится на очевидном

⁴³ Военно-юридический энциклопедический словарь. Серия «Право в Вооруженных Силах – консультант». - М.: «За права военнослужащих», 2008. – Вып. 82. – С. 77.

⁴⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 2-е изд. / Под общ. ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева.

⁴⁵ Белый И.Ю. Что относится к предметам военной техники в статьях 346- 348 УК РФ // БВС.

дисбалансе между техникой боевого применения (средства поражения, системы управления) и вспомогательным оборудованием (бытовая техника, досуговые комплексы) по их фактическому влиянию на обороноспособность страны и способность армии выполнять свою главную конституционную функцию.

Судебные органы придерживаются схожей трактовки данного вопроса. Как следует из обобщения практики рассмотрения дел о преступлениях против военной службы и служебных правонарушениях военнослужащих, к военной технике относятся технические устройства в полной комплектации, состоящие на материальном учете воинского формирования; в штатном составе части; и функционально предназначенные для непосредственного участия в боевых действиях; обеспечения технической готовности вооружения; материально-технического снабжения армейских и флотских подразделений.

В контексте уголовно-правовой квалификации преступлений против порядка бережения военного имущества особую сложность представляют деяния, связанные с повреждением или уничтожением не целых образцов вооружения и военной техники, а их комплектующих изделий и запасных частей. Эта проблематика приобретает особую актуальность в условиях современного военно-технического прогресса, когда отдельные компоненты сложных систем могут обладать исключительной ценностью и стратегическим значением, сопоставимым с готовым образцом вооружения.

Стремительное развитие технологий в оборонно-промышленном комплексе привело к тому, что современная военная техника представляет собой высокоинтегрированные и сложные аппаратно-программные комплексы. В этой связи, значимость комплектующих изделий и запасных частей для обеспечения работоспособности и боеготовности вооружения и военной техники (ВВТ) трудно переоценить. Многие из этих компонентов, такие как двигатели, блоки управления, прицелы, системы наведения, навигационные модули, радиостанции, специализированные датчики или

элементы систем связи, сами по себе являются дорогостоящими, высокотехнологичными и зачастую уникальными разработками.

Повреждение, уничтожение или утрата даже одной такой детали, даже если она не приводит к немедленному полному выходу из строя всей системы, может иметь весьма серьезные последствия. Прежде всего, это существенное снижение боеготовности всей военной техники, поскольку без ключевого компонента ее функциональность может быть значительно ограничена или полностью утрачена. Во-вторых, это значительные расходы на ремонт и замену, которые могут превышать стоимость многих менее сложных образцов вооружения, особенно если речь идет об импортных или уникальных отечественных разработках. В-третьих, утрата или повреждение такого компонента может повлечь нарушение сроков выполнения боевых или учебных задач, так как восстановление может потребовать времени на заказ, доставку и установку новой детали. Таким образом, несмотря на то что комплектующие не являются самостоятельными образцами ВВТ в традиционном понимании, их сохранность имеет критическое значение для обеспечения обороноспособности государства.

При анализе правового статуса комплектующих изделий и запасных частей в контексте статей 346-348 УК РФ возникает ключевой вопрос: являются ли они «предметами военной техники» в том смысле, который придает им уголовный закон, особенно когда они хранятся отдельно от основного изделия, например, на складе ЗИП (запасных частей, инструментов, принадлежностей), или находятся в процессе установки/демонтажа?

Ранее в правоприменительной практике существовали разнотечения по этому вопросу. Нередко повреждение или хищение отдельных компонентов, не являющихся «целыми» образцами ВВТ, квалифицировалось по общеуголовным статьям УК РФ, что приводило к недооценке общественной опасности таких деяний. Однако, Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» внесло

принципиальную ясность в этот вопрос. Согласно данному разъяснению, к предметам военной техники относятся «их компоненты (составные части)», а также «прицелы, взрывные устройства (гранаты, мины, авиационные и глубинные бомбы и т.п.), а также приспособления для инициирования их взрыва (запал, взрыватель, детонатор и т.п.), находящиеся отдельно от самого изделия».

Это разъяснение имеет фундаментальное значение, поскольку оно фактически расширяет предмет преступлений, включая в него отдельные высокооцененные и функционально значимые компоненты ВТ, даже если они не инсталлированы в готовый образец техники и хранятся на складе или в ином месте. Данный подход соответствует современным реалиям, поскольку позволяет адекватно реагировать на посягательства, которые, хотя и не направлены на «целую» боевую единицу, могут причинить сопоставимый ущерб боеготовности и обороноспособности.

Следовательно, в контексте статей 346-348 УК РФ к военной технике следует относить исключительно: технические средства непосредственного ведения боевых действий; системы обеспечения военных операций; их конструктивные компоненты и комплектующие. Иное техническое имущество, формально числящееся за воинским подразделением (бытовая техника, хозяйственное оборудование и т.п.), хотя и подлежит уголовноправовой охране, должно защищаться на общих основаниях как прочее военное имущество, а не по специальным нормам о военной технике.

В юридической доктрине остается дискуссионным вопрос квалификации боевых транспортных средств (бронетранспортеров, танков, САУ, БМП, боевых самолетов): следует ли рассматривать их как оружие или как военную технику, учитывая их комплексную природу, сочетающую оба элемента. Решение данной классификационной проблемы зависит от объекта противоправного посягательства: в случаях повреждения или уничтожения непосредственно вооружения (например, танковой пушки или авиационной пушечной установки) деяние квалифицируется как преступление против

оружия; при выведении из строя транспортных или иных функциональных компонентов (гусеничного движителя танка, шасси БТР), что делает невозможным эксплуатацию единицы техники, действие подпадает под нормы о защите военной техники. Такой дифференцированный подход позволяет точно квалифицировать противоправные действия в зависимости от конкретного объекта посягательства: будь то непосредственно средства поражения или обеспечивающие системы боевой машины.

Регламентацию порядка использования оружия, боеприпасов и военной техники в условиях непосредственных боевых действий осуществляет Боевой устав по подготовке и ведению общевойскового боя, введенный в действие приказом главнокомандующего Сухопутными войсками от 31 августа 2004 г. № 130⁴⁶.

Согласно данному документу, к обычному оружию относятся все типы огнестрельных и ударных средств, использующих артиллерийские, авиационные, стрелковые и инженерные боеприпасы, ракеты в обычном снаряжении, боеприпасы объемного взрыва (термобарические), зажигательные боеприпасы и смеси, а также высокоточные системы конвенционального оружия. Ядерное оружие определяется как все существующие виды ядерных боезарядов вместе с их средствами доставки (носителями ядерных боеголовок). В классификации вооружений, основанных на применении новых физических принципов, Боевой устав выделяет лазерное, ускорительное, сверхвысокоточное, радиоволновое и другие подобные виды оружия⁴⁷.

Отсутствие четких законодательных определений для категорий «оружие», «боеприпасы» и «военная техника», а также частичное пересечение этих понятий не отменяет значимости Боевого устава как источника их

⁴⁶ Данный документ подразделяет оружие, используемое в целях общевойскового боя, на обычное, ядерное, оружие, основанное на использование новых физических принципов, а также другие средства массового поражения.

⁴⁷ Боевой устав по подготовке и ведению общевойскового боя, введенный в действие приказом главнокомандующего Сухопутными войсками от 31 августа 2004 г. № 130, С. 7.

толкования в рамках ст. 346-348 УК РФ. Будучи официальным нормативным актом, устав содержит детальные предписания о боевом использовании соответствующих объектов, что делает его незаменимым при квалификации преступлений.

Подобная правовая неопределенность порождает проблемы единообразного понимания указанных терминов, что негативно сказывается на практике применения уголовно-правовых норм.

В условиях существующей правовой неопределенности первостепенное значение приобретает создание законодательно закрепленных понятий базовых категорий вооружения («оружие», «боеприпасы», «военная техника»), адаптированных специально для норм Уголовного кодекса. Подобная терминологическая стандартизация послужит важным инструментом: для формирования единой теоретической платформы в уголовном праве; для оптимизации правоприменительных механизмов в следственной и судебной практике.

Однако в соответствии с положениями Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» в статьях 346, 347 и 348 УК РФ под оружием следует понимать техническое устройство, конструктивным предназначением которого является поражение живой или иной цели. При этом предметом данных преступлений являются не только те виды оружия, оборот которых регламентируется Федеральным законом от 13 декабря 1996 года № 150-ФЗ «Об оружии», но и иные виды оружия, на которые действие этого закона не распространяется.

Боеприпасами в указанных статьях названы предметы вооружения и метаемое снаряжение, предназначенные для поражения цели и содержащие разрывной, метательный или вышибной заряды либо их сочетание (например, патроны к стрелковому оружию, артиллерийские, минометные, гранатометные, противотанковые реактивные и иные снаряды).

В статье 346 УК РФ взрывные устройства (гранаты, мины, авиационные и глубинные бомбы и т.п.) в качестве предмета преступления специально законодателем не выделяются, хотя это понятие, наряду с оружием и боеприпасами, широко используется в других статьях Особенной части УК РФ, в том числе и в некоторых преступлениях против военной службы (часть 2 статьи 344 УК РФ).

Применительно к ст. 346 УК в Постановлении Пленума Верховного Суда к предметам военной техники отнесены лишь взрывные устройства (гранаты, мины, авиационные и глубинные бомбы и т.п.), а также приспособления для инициирования их взрыва (запал, взрыватель, детонатор и т.п.), находящиеся отдельно от самого изделия. Иной подход применяется в криминалистике, где рассматриваются не только взрывные устройства и способы и инициирования, а также взрывчатые вещества.

В современной криминалистической практике взрывное устройство определяется как: искусственно созданная конструкция, предназначенная для целенаправленного осуществления взрывного процесса; изделие, чья конструкция предусматривает возможность химической детонации. Обязательным критерием таких устройств является наличие разрушительного потенциала.

Ключевые идентификационные параметры взрывных устройств:

1. Принцип единоразового использования. Конструктивные особенности исключают повторное применение вследствие полного разрушения при первичной активации.
2. Бинарная композиционная структура: энергетическая основа (взрывчатый состав); инициирующий комплекс (механизм запуска).
3. Энергетический механизм действия. Преобразование энергии, выделяемой при экзотермическом разложении взрывчатых веществ, в разрушительный эффект.

4. Операционная готовность. Полная комплектация всеми необходимыми компонентами, обеспечивающими немедленную функциональность.

5. Деструктивный потенциал. Способность генерировать: баротравматическое воздействие; осколочное поражение; термическое повреждение с возможностью причинения полиморфных разрушений.

В современной криминалистике применяется комплексная классификация взрывных устройств, основанная на следующих дифференцирующих критериях:

1. Целевое применение: боевые системы (предназначены для нейтрализации живой силы, выведения из строя техники и разрушения фортификационных сооружений в условиях вооруженных конфликтов); технические аналоги (используются при проведении промышленных взрывных работ (горнорудная добыча, строительные операции)).

2. Способ приведения в действие: метательные конструкции (ручные гранаты и аналогичные устройства ручного запуска); артиллерийские боеприпасы: требующие применения специальных пусковых установок (минометы, гранатометы).

3. Энергетический потенциал (в пересчете на тротил): высокоэнергетические (свыше 250 г); среднеэнергетические (100-250 г); низкоэнергетические (менее 100 г).

4. Активационный механизм: термический (огневой); химико-реактивный; механический ударный; электродетонационный; радиоволновой; комплексный (гибридный).

5. Временные параметры детонации: мгновенного реагирования; с краткосрочной задержкой (3-10 сек); с программируемым таймером (от минут до часов); комбинированного цикла.

6. Возможности нейтрализации: неподдающиеся разминированию (требующие контролируемого подрыва); демунируемые (путем ручного

разбора; с использованием дистанционных технологий; методом контролируемого разрушения).

7. Операционный статус: в транспортной конфигурации (демонтированное состояние); в боевой готовности (полностью снаряженные).

8. Технология производства: кустарные изделия (импровизированные устройства с нестандартными компонентами); серийные образцы (изготовленные в соответствии с ГОСТ и ТУ).

9. Система управления: управляемые дистанционно (проводные/радиоканальные); автономные контактного типа (срабатывающие при механическом воздействии); бесконтактные (активируемые по таймеру или другим параметрам).

Данная систематизация позволяет унифицировать методики криминалистического исследования, оптимизировать процедуры обезвреживания, совершенствовать экспертные протоколы.

Конструкция любого взрывного устройства включает три ключевых модуля: оболочка устройства – выполняет защитные и формообразующие функции, определяя характер поражающих элементов; энергетический блок – содержит взрывчатый состав (как готовые промышленные смеси, так и кустарные композиции); пусковая система – комплекс элементов, обеспечивающих инициацию детонационного процесса. При криминалистическом анализе места происшествия также выделяют сопутствующие артефакты, которые классифицируются следующим образом: технологические прослойки (волокнистые материалы: хлопковые, синтетические ткани; амортизирующие прокладки (бумага, картон, войлок); изоляционные элементы); промышленные упаковочные компоненты (первичная упаковка: специальная бумага, герметичные пакеты; тара для комплектующих: пластиковые капсулы, защитные футляры; маркировочные элементы: колпачки, пломбы); штатное оснащение (монтажный инструментарий: деревянные упоры, металлические скобы; крепежные элементы: проволочные фиксаторы, скобы; вспомогательные

приспособления); микроследы (частицы взрывчатых веществ; микрофрагменты материалов; характерные отложения). Такая систематизация позволяет унифицировать методику осмотра места происшествия, оптимизировать процесс сбора вещественных доказательств, повысить точность идентификации компонентов, усовершенствовать алгоритмы криминалистической экспертизы, разработать стандартизованные протоколы исследования.

К инициирующим компонентам взрывных устройств относятся:

1. Детонаторы: а) лучевые капсюли-детонаторы, конструкция которых включает: корпус (металлическая гильза из меди, алюминия или биметалла); зарядовую камеру (первичное инициирующее взрывчатое вещество: азид свинца, гремучая ртуть; вторичное бризантное взрывчатое вещество: тетрил, гексоген); приемный канал (специальная полость для монтажа огнепроводного шнура); б) ударно-накольные детонаторы - состоят из корпуса (стальной или латунный колпачок) и инициирующего блока (прессованная взрывчатая композиция; защитная фольгированная мембрана), принцип действия таких детонаторов: ударно-импульсная активация; в) электроинициирующие системы, состоящие из базового модуля, который аналогичен лучевому детонатору, и системы активации (электромостик накаливания; термореактивный состав; изолированные контактные группы).

2. Электровоспламенители – компактные устройства двойного назначения, предназначены для запуска детонационных капсул и воспламенения пороховых составов. Ключевые компоненты: пироузел (специальная воспламеняющая композиция); нагревательный элемент: (высокоомная микропроволока ($\varnothing 0.02-0.05$ мм)); электроразъем (изолированные контакты в защитном корпусе).

3. Запалы – ключевые элементы взрывателей, предназначенные для подрыва промежуточных детонаторов или непосредственно зарядов взрывчатых веществ (в том числе шашечных и порошковых). Конструктивно делятся на два типа: накольный капсюль-воспламенитель + лучевой капсюль-

детонатор (соединены ниппелем); капсюль-детонатор, встроенный в ниппель. Запалы бывают: боевые; учебно-имитационные; учебные

4. Капсиоли-воспламенители – это электротермические устройства инициирования, предназначенные для дистанционного запуска лучевых детонаторов. Их конструкция включает: пиротехнический модуль; нагревательный элемент и электрическую часть.

5. Средства зажигания используются для отсрочки воспламенения детонирующего состава или для синхронного поджига и активации всех зарядов, подготовленных к детонации. К таким средствам относятся: а) тлеющий фитиль – шнур диаметром 6-8 мм, сплетенный из хлопковых или льняных волокон, пропитанных калиевой селитрой, обеспечивающий медленное горение; б) электроогневой инициатор – устройство, позволяющее с помощью одного огнепроводного шнура одновременно активировать несколько ответвлений, ведущих к детонаторам различных взрывных устройств; в) механический воспламенитель – предназначен для надежного поджига огнепроводного шнура в любых условиях, включая неблагоприятную погоду и подводное применение.

6. Огнепроводный шнур служит для контролируемой передачи пламени на необходимое расстояние с заданной временной задержкой, а также для инициирования воспламенения взрывчатых составов в детонаторах и пороховых зарядах. Его конструкция включает рыхлый пороховой сердечник из дымного пороха, заключенный в многослойную защитную оплетку с внутренними и внешними оболочками, пропитанными влагостойкой мастикой для герметизации.

7. Зажигательные трубы – применяются для регулирования скорости передачи огня по огнепроводному шнуру, обеспечивая временную задержку на 50, 150 и 300 секунд.

8. Детонирующий шнур представляет собой высокоэффективное средство инициирования, обеспечивающее передачу детонационного импульса от капсюля-детонатора к основному заряду взрывчатки. Внутренняя

структура шнура включает: бризантное взрывчатое вещество (сердцевина), обеспечивающее стабильную детонацию; две направляющие нити для точной передачи импульса; многослойную армирующую оплётку (внутреннюю и внешнюю), повышающую прочность; герметичную влагозащитную оболочку, гарантирующую работоспособность в сложных условиях.

9. Источники питания, используемые для электрического подрыва зарядов (специальные подрывные устройства, сухие элементы, мобильные электростанции, осветительные и силовые сети).

Что касается взрывчатых веществ, то их классификация осуществляется по нескольким критериям:

1. По назначению: пиротехнические (создающие световые, дымовые или звуковые эффекты); инициирующие (используемые для детонации других взрывчатых веществ); метательные (разгоняющие снаряды за счет горения); бризантные (дробящие и разрушающие).

2. По чувствительности (реакции на внешнее воздействие): первичные (взрываются от слабого импульса); вторичные (требуют детонатора); третичные (скрытые, срабатывающие при особых условиях).

3. По способу производства: кустарные (изготовленные кустарным способом); промышленные (произведенные на специализированных предприятиях).

4. По агрегатному состоянию: газообразные; жидкые; твердые (порошки, гранулы, прессованные блоки); пластичные; гелеобразные; аэрозольные или пылевые взвеси.

5. По составу: чистые химические соединения; комбинации взрывчатых веществ с неактивными компонентами; смеси горючих веществ и окислителей; гетерогенные системы, взрывоопасные в определенных условиях.

6. По сфере использования: военные (применяемые в боеприпасах); промышленные (для горных работ, строительства); двойного назначения (гражданские и военные).

В соответствии с позицией Пленума Верховного Суда Российской Федерации предмет преступления, предусмотренного статьей 346 Уголовного кодекса Российской Федерации, строго ограничен определенными категориями военного имущества. В частности, к таковым относятся исключительно оружие, боеприпасы и предметы военной техники заводского изготовления, которые в установленном порядке находятся на вооружении (или поставлены на учет) Вооруженных Сил Российской Федерации, а также других войск, воинских (специальных) формирований и органов. Соответственно, любое иное военное имущество, подвергшееся уничтожению или повреждению, при наличии необходимых признаков, подлежит квалификации по общим нормам Уголовного кодекса Российской Федерации, а именно по статьям 167 или 168.

Вместе с тем, современный подход к пониманию военной техники не может ограничиваться лишь традиционными образцами вооружения, что актуализирует анализ таких категорий, как имущество «двойного назначения» и «нетрадиционные виды военной техники».

В условиях конвергенции гражданских и военных технологий все более распространенным становится использование в Вооруженных Силах Российской Федерации имущества, которое по своей природе обладает «двойным назначением». Под таковым следует понимать объекты, которые по своим техническим характеристикам и функциональным возможностям могут быть использованы как для обеспечения обороны и безопасности государства, так и в гражданских, промышленных или бытовых целях. К типичным примерам такого имущества относятся определенные виды беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), высокопроизводительное ИТ-оборудование, серверные комплексы, средства связи, программное обеспечение, а также специализированные транспортные средства (например, мощные внедорожники, грузовики повышенной проходимости, отдельные типы судов и летательных аппаратов).

Ключевой вопрос применительно к статьям 346-348 УК РФ заключается в определении критерия, определяющего легальный статус имущество двойного назначения – состояние на вооружении или снабжении Вооруженных Сил или других воинских формирований.

Практика применения данного критерия вызывает определенные сложности. Во-первых, формальный критерий «состояния на вооружении» может не всегда охватывать все имущество двойного назначения, которое, несмотря на отсутствие официального статуса «на вооружении» (например, в силу новизны или экспериментального использования), фактически является критически важным для выполнения боевых задач. Например, коммерческие БПЛА, приобретенные для нужд воинской части, но не прошедшие формальную процедуру принятия на вооружение, или высокопроизводительные серверы, используемые для обработки разведывательной информации, но не включенные в реестр военной техники. В таких случаях повреждение или утрата такого имущества может быть квалифицировано как общеуголовное преступление (например, ст. 167 УК РФ – умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества) при наличии соответствующих признаков, или как административное правонарушение, что значительно снижает общественную опасность деяния в глазах правоприменителя, несмотря на его фактическое воздействие на обороноспособность.

Во-вторых, критерий «заводского изготовления» также может порождать дискуссии, особенно в отношении модифицированного гражданского оборудования или самодельных средств, используемых в боевых действиях. Представляется, что данный критерий призван ограничить кустарные изделия от официально принятых образцов, однако его буквальное толкование может исключать из предмета защиты по ст. 346-348 УК РФ полевые модификации, разработанные военнослужащими для повышения боевой эффективности.

Следовательно, для эффективной уголовно-правовой защиты имущества двойного назначения необходима более гибкая интерпретация или дополнение законодательства. В правовой доктрине высказываются предложения о расширении понятия «военная техника» за счет включения в него оборудования, которое, будучи по своим свойствам приспособленным к выполнению военных задач, фактически используется в Вооруженных Силах для обеспечения их боевой готовности и функционирования, независимо от формального статуса «состояния на вооружении». Это позволило бы охватить широкий спектр современного оборудования, критически важного для обороны, но не являющегося традиционным вооружением. Тем не менее, без законодательного изменения, судебная практика вынуждена строго следовать разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, что может приводить к недооценке общественной опасности деяний, посягающих на такое имущество.

Эволюция военных технологий приводит к появлению качественно новых видов вооружения и техники, которые значительно отличаются от традиционных представлений о «железе» и «порохе». К таким нетрадиционным видам военной техники относятся:

кибернетические комплексы и средства ведения кибервойны (сюда входят специализированное программное обеспечение для кибератак и киберобороны, комплексы для анализа сетевой инфраструктуры противника, средства для дезинформации и информационно-психологических операций);

программно-аппаратные средства управления
(высокоинтеллектуальные системы управления войсками и оружием, комплексы ситуационного анализа, разработанные на основе искусственного интеллекта);

нанотехнологические разработки и материалы (перспективные материалы с заданными свойствами, используемые в оборонной промышленности, а также потенциальные нанороботы для военных целей);

биотехнологические разработки военного назначения (прогресс в биоинженерии, который может привести к созданию нового поколения биологического оружия или средств защиты).

Основная проблема квалификации по статьям 346-348 УК РФ в отношении этих нетрадиционных видов военной техники заключается в отсутствии их прямого упоминания в законодательстве и сложности отнесения их к существующим категориям «оружия, боеприпасов или военной техники» в их традиционном понимании.

Как было отмечено выше, Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 11 четко ограничивает предмет преступлений по статьям 346-348 УК РФ только «оружием, боеприпасами и военной техникой заводского изготовления, состоящими на вооружении». Таким образом, если, например, уникальный программный комплекс для управления боевым роботом будет уничтожен или поврежден военнослужащим, но при этом сам комплекс не будет формально признан «военной техникой» в узком смысле, деяние не сможет быть квалифицировано по ст. 346 или 347 УК РФ. Вероятнее всего, оно будет рассматриваться по ст. 167 УК РФ (умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества), если нанесен значительный ущерб, или по ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями), если это связано с неправомерными действиями должностного лица.

Отсутствие прямого упоминания нетрадиционных видов в уголовном законе создает правовой пробел, который не позволяет адекватно оценить и наказать за посягательства на критически важные для обороны государства активы. С одной стороны, буквальное толкование закона не допускает расширительного применения терминов. С другой стороны, такая ситуация несет в себе риски для национальной безопасности, поскольку ценность, например, кибернетического комплекса может многократно превосходить стоимость традиционного танка, а его уничтожение или повреждение может привести к более тяжким последствиям для обороноспособности.

В этой связи, представляется настоятельной необходимость совершенствования законодательства путем внесения уточнений в дефиниции «военной техники» или путем создания новых специальных составов преступлений, охватывающих посягательства на данные виды имущества. Доктринальные предложения, такие как включение в понятие «военной техники» всех систем, комплексов и средств, предназначенных для решения военных задач и обеспечивающих боевую готовность, независимо от их физического воплощения или степени новизны, требуют законодательной имплементации. Только таким образом возможно обеспечить комплексную и эффективную уголовно-правовую защиту всего спектра военного имущества, отвечающего современным вызовам.

Кроме того, на наш взгляд, предмет преступления по статье 346 УК РФ охватывает не только вооружение, боеприпасы и технику, состоящие на вооружении ВС РФ, но и трофейное оружие, так как оно может быть повторно использовано в боевых условиях и подлежит специальному учету.

В соответствии с недавними законодательными новациями⁴⁸ предоставлена юридическая возможность для использования (применения) оружия и патронов, ранее предназначенных к уничтожению. Данное разрешение распространяется на условия проведения специальной военной операции и предусматривает, в частности, их задействование в целях противодействия функционированию беспилотных аппаратов, а также для реализации иных оперативных нужд. Это законодательное изменение отражает адаптацию правовой базы к актуальным потребностям обороны и безопасности государства в условиях современного вооруженного конфликта.

За время специальной военной операции практика ведения военных действий также наполнилась новым содержанием. Найдены и внедрены новые подходы к построению боевых порядков пехоты в наступлении в условиях возросшего воздействия на них артиллерии и РСЗО, способы защиты войск,

⁴⁸ Федеральный закон от 8 августа 2024 года № 279-ФЗ.

сохранения их боеспособности при интенсивном огневом воздействии противника, обеспечения живучести системы управления.

Изменения коснулись организации контрбатарейной борьбы, дальнего огневого поражения, применения высокоточного оружия в условиях интенсивного радиоэлектронного противодействия, защиты от БПЛА, применения новых средств поражения, таких как барражирующие боеприпасы, FPV-дроны⁴⁹.

Данные технические средства используются как для выполнения разведывательных функций, подвоза боеприпасов и оружия, эвакуации раненых и поражения живой силы. В 2024 году поставки в войска беспилотников различного назначения выросли по сравнению с предыдущим годом в 23 раза⁵⁰. Учитывая, что «дроны на сегодняшний день – это один из важнейших факторов успешного ведения успешных боевых действий» в настоящее время планируется создание отдельного рода войск – беспилотных систем⁵¹.

Исходя из объема задач и эффективности их выполнения на вооружении в Вооруженных Силах Российской Федерации имеются различные виды беспилотных летательных аппаратов, такие как «Орлан-10», «Элерон», КУБ-БЛА, «Ланцет», «Иноходец», «Форпост-Р», «Герань-2»⁵².

Появление и активное использование беспилотных летательных аппаратов, предназначенных для уничтожения целей (так называемые дроны-камикадзе, барражирующие боеприпасы), ставит перед юристами-военными

⁴⁹ Опыт, приобретённый в бою, – важнейший критерий истинности военно-научной теории [Электронный ресурс]. URL: <http://redstar.ru/nauchnyj-fundament-uspeha-v-srazheniyah/> (дата обращения: 01.03.2025).

⁵⁰ Заявление Министра обороны Российской Федерации Белоусова А.Р. на итоговой коллегии ведомства 16.12.2024.

⁵¹ По итогам государственного визита в Казахстан и саммита ОДКБ Владимир Путин ответил на вопросы журналистов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75689> (дата обращения: 01.03.2025).

⁵² Павлов Р. А. Применение беспилотных летательных аппаратов в современных военных конфликтах / Р. А. Павлов, К. П. Савельев. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 51 (446— С. 48-50. — URL: <https://moluch.ru/archive/446/98257/>). (дата обращения: 03.03.2025).

новые, нетривиальные вопросы определения их правового статуса как предмета преступления по статьям 346-348 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ).

На первый взгляд, беспилотный летательный аппарат, предназначенный для уничтожения (далее – БПЛА-камикадзе), обладает двойственной природой. С одной стороны, он является сложным техническим устройством, способным к полету, управлению, навигации, сбору данных, что позволяет отнести его к категории «военной техники». С другой стороны, его основное и единственное функциональное предназначение – это поражение цели путем собственного уничтожения, что приближает его к понятию «боеприпаса» или «взрывного устройства». Эта гибридность порождает дискуссию относительно корректной уголовно-правовой квалификации действия, связанного с его умышленным уничтожением.

Исходя из данных выше разъяснений, следует констатировать, что БПЛА-камикадзе, безусловно, относится к предметам военной техники. Это обусловлено тем, что он является «техническим устройством», предназначенным для «ведения боевых действий» (путем поражения цели). Более того, его интегрированный разрушительный элемент (боевая часть, взрывчатое вещество) позволяет рассматривать его как специфическое «взрывное устройство» или его компонент, который, согласно упомянутому Постановлению Пленума, также включается в понятие "предметов военной техники" для целей статей 346-348 УК РФ.

Следовательно, умышленное уничтожение военнослужащим такого БПЛА (например, путем его повреждения или подрыва до момента предполагаемого боевого применения) должно квалифицироваться по статье 346 УК РФ («Умышленное уничтожение или повреждение военного имущества»).

Факт того, что БПЛА-камикадзе предназначен для последующего уничтожения цели (и, по сути, самоликвидации), не изменяет его статуса как предмета военной техники, который подлежит сбережению до момента его

целевого боевого применения. Нанесение вреда такому имуществу до его использования по назначению является преступным деянием, посягающим на порядок сбережения военного имущества и, как следствие, на боеготовность воинского формирования. Это подчеркивает адаптивность уголовно-правовой системы к новым видам вооружений и актуальность гибкого толкования норм для обеспечения эффективной защиты оборонного потенциала государства.

Квалификация подобных деяний не представляет значительных трудностей, поскольку данные аппараты находятся в составе вооружения и классифицируются как военная техника. Вместе с тем, сохраняет свою актуальность вопрос об ответственности за нанесение ущерба или уничтожение технических средств, которые не имеют прямого боевого назначения и не состоят на учете в качестве вооружения государства.

Так, в современных условиях одним из эффективных способов поражения живой силы является использование квадрокоптеров, которые выступают в качестве предмета доставки различных взрывных устройств.

В мирное время такие технические устройства используются для осуществления видео-, фотосъемки. При этом, квадрокоптер как таковой не предназначен и не осуществляет поражение живой силы, данную функцию выполняют минно-взрывные устройства, закрепленные на нем.

Сам квадрокоптер выполняет лишь сбрасывающую функцию. Симбиоз данной конструкции показывает свою высокую эффективность, позволяющей сохранить жизнь и здоровье личного состава и выполнения боевых задач с минимальными потерями.

Отдельный вид подобных технических средств представляет собой беспилотные летательные аппараты барражирующего типа. Такие самодельные устройства построены на базы обычных дронов, которые оснащаются различными поражающими элементами. Использование таких одноразовых дронов-камикадзе позволяет существенно снизить стоимость огневого поражения противника штатным вооружением и зачастую имеет большую эффективность. К вопросу применения подобных технических

средств обращались Д.О. Бурлаков⁵³, И.А. Соловатов⁵⁴, В.В. Тимофеев⁵⁵, С.В. Аринчев⁵⁶ и др. В своих исследованиях авторы приходили в выводу о том, что указанные технические средства несмотря на то, что не находятся на вооружении, активно используются в зоне боевых действий.

Несмотря на новизну подобных технических средств в боевых действиях, эффективность их применения отражается на принятии на вооружение различных беспилотных летательных аппаратов, их постоянной разработке, а также разработке средств по борьбе с ними. Некоторые виды беспилотных летательных аппаратов уже приняты на вооружение, другие лишь проходят различные испытания в рамках государственных контрактов, но в будущем вопрос отнесения подобных технических средств к военной технике станет особенно актуальным, а вместе с ним, вопрос отнесения к предметам военной техники, а следовательно и квалификации деяний, связанных с их уничтожением или повреждением.

Наряду с беспилотными летательными аппаратами, активно внедряются иные технические средства, управляемые дистанционно, которые используются в боевых действиях.

Примером может являться технический комплект БРГ-1, предназначенный для эвакуации раненых и доставки различных грузов. Так, технический комплект БРГ-1 передвигается на гусеницах и оснащен приспособлениями для преодоления препятствий. Платформа может развивать скорость по пересеченной местности до 15 км/ч. Дальность действия

⁵³ Бурлаков Д.О. Анализ методов обнаружения военных дронов и меры борьбы с ними // Современные научные исследования и инновации. 2022 №9 (137).

⁵⁴ Соловатов И.А. Опыт боевого применения беспилотных аппаратов в конфликтах последнего времени по данным электронных СМИ // Военный сборник. 2021. №9(2)

⁵⁵ Тимофеев В.В. Дроны в стратегическом контексте // Мир перемен. 2023. №3.

⁵⁶ Аринчев С.В. Взаимодействие залпа атакующих дронов и залпа зенитных дронов // Известия высших учебных заведений. Машиностроение. 2023. №1(754)

комплекса 700 метров, с использованием ретранслятора она увеличивается до 5 км. Робот может тянуть груз весом до 250 килограммов⁵⁷.

Несмотря на то, что данный комплекс не принят на вооружение, и не может быть отнесен к оружию и боеприпасам, он предназначен для выполнения боевых задач, а значит по данному признаку, по нашему мнению, может быть отнесен к военному имуществу. Уничтожение или повреждение такого технического средства может привести к различным общественно-опасным последствиям, к примеру, подразделение, находящееся на линии боевого соприкосновения, рискует остаться без боеприпасов, тем самым может оказаться небоеспособными, или военнослужащий, получивший ранение, в случае невозможности эвакуации штатными подразделениями, может погибнуть от полученных ранений.

Еще одним примером может являться роботизированное техническое средство «БР-1», предназначенное для дистанционного минирования местности или наземная роботизированная платформа «БР-2», которая представляет собой механизированную платформу с установленным на ней стрелковым оружием. Указанное техническое средство предназначено для обеспечение огневого прикрытия при штурмовых действиях военнослужащих.

Стоит отметить, что применение подобных технических средств, а именно «наземных необитаемых аппаратов (ННА)» появилось на полях сражений не одно десятилетие назад. К примеру, еще в 1939 году в Советском Союзе были созданы два батальона дистанционно управляемых бронемашин-телетанков, которые применялись в ходе советско-финляндской войны.

При этом, количество и виды подобных конструкций с каждым годом постоянно увеличивается. Процесс принятия на вооружение подобных технических средств по временным показателям занимает большее по сравнению с их практическим внедрением и применением в зоне боевых

⁵⁷ Россия начала применять робота для эвакуации раненых в зоне СВО [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/09/15/rossiia-nachala-primeniat-robota-dlia-evakuacii-ranenyh-v-zone-svo.html> (дата обращения: 01.03.2025).

действий время. Зачастую подобные технические средства сначала появляются в зоне боевых действий, где разрабатываются, конструируются и применяются, а лишь потом, оценив их эффективность, начинается процедура по принятия их на вооружение. Подобная ситуация требует анализа возможности квалификации умышленного уничтожения или повреждения указанных беспилотных технических средств по статье 346 УК РФ – вывод таких аппаратов из строя лишает подразделение возможности их боевого применения, что существенно снижает боеспособность части, а по своим последствиям сопоставимо с утратой штатного вооружения или военной техники.

Таким образом, в настоящее время законодательством определено, что предметом умышленного уничтожения или повреждения военного имущества УК РФ, являются только оружие, боеприпасы, взрывные устройства и военная техника.

Вместе с тем, считаем, что для квалификации имущества как предмета преступления не является обязательным его формальное закрепление на балансе или учет в соответствующих структурах. Факт нахождения (или отсутствия) на учете не меняет уровня общественной опасности деяний, связанных с повреждением или уничтожением военного имущества.

Анализируя изложенное, следует прийти к следующим выводам:

термины «оружие» и «боеприпасы» являются ключевыми компонентами предмета преступлений, предусмотренных статьями 346-348 УК РФ. Эти компоненты составляют основу нормативной конструкции понятия «военное имущество», которая, в совокупности с нормативно закрепленными специальными требованиями к субъекту, составляют юридическую конструкцию анализируемого уголовно-правового запрета;

определяющим критерием для признания указанного имущества предметом данных преступлений является его целевое назначение (поражение живой силы, уничтожение объектов противника и т.д.), нахождение на

вооружении и состояние на балансе соответствующей воинской части, организации, учреждении, где предусмотрена военная служба;

действующее законодательство Российской Федерации не содержит определений оружия, боеприпасов и военной техники, которые могли бы в полном объеме использоваться применительно к ст. ст. 346-348 УК РФ;

казуальный способ формализации предмета преступлений в нормах статей 346-348 УК РФ (оружие, боеприпасы, предметы военной техники) не соответствует уровню развития общественных отношений в области обороны страны, военной и общественной безопасности российского государства и противоречит требованиям юридического обеспечения современных способов ведения боевых действий субъектами, не обладающими статусом комбатанта;

предмет преступлений против порядка сбережения военного имущества, предусмотренных ст. ст. 346-348 Уголовного кодекса РФ, охватывает не только вооружение, боеприпасы и технику, состоящие на вооружении ВС РФ, но и трофейное оружие, так как оно может быть повторно использовано в боевых условиях и подлежит специальному учету;

несмотря на то, что отдельные виды беспилотных летательных аппаратов не относятся к категории оружия или боеприпасов, их применение в целях ведения или обеспечения боевых операций обуславливает наступление уголовной ответственности для военнослужащих за их уничтожение или повреждение.

2.2. Особенности элементов составов преступлений против порядка сбережения военного имущества

В соответствии со статьей 8 Уголовного кодекса РФ основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, т.е. объекта, субъекта, объективной и субъективной сторон.

Объект преступлений, закрепленных в статьях 346-348 УК РФ, по своей природе и содержанию представляет собой составную часть объекта преступлений против военной службы.

Х.М. Ахметшин, Д.О. Хан-Магомедов и другие, считают, что главным объектом таких преступлений является воинский правопорядок, понимаемый как стабильная система отношений, формируемая в процессе выполнения военно-служебных обязанностей⁵⁸.

А.А. Тер-Акопов отмечает, что «указание на порядок прохождения военной службы как на объект преступления против военной службы сохранилось в значительной степени потому, что теория военно-уголовного законодательства оказалась неготовой к переосмыслению сущности объекта преступления против военной службы»⁵⁹. Согласно его мнению, «преступление против военной службы посягает на военную безопасность государства и, таким образом, на национальную безопасность страны. Порядок прохождения военной службы является, по сути, формой обеспечения военной безопасности»⁶⁰.

О.К. Зателепин под понятием объекта преступления против военной службы предлагает понимать «...охраняемую уголовным законом от преступных посягательств военную безопасность, представляющую собой состояние боевой готовности военной организации государства, гарантирующее вооруженную защиту конституционному строю, независимость, суверенитет и территориальную целостность Российской Федерации от внешних и внутренних угроз»⁶¹.

⁵⁸ Ахметшин Х.М. Воинские преступления. – М., 1956. - С. 78; Воинские преступления. – М., 1970. - С. 38-48; Уголовное право Российской Федерации. Воинские преступления. – М., 1993.- С. 11.

⁵⁹ Уголовное право Российской Федерации. // Преступления против военной службы. – М., 1999. – С. 43.

⁶⁰ Тер-Акопов А.А. Безопасность человека (теоретические основы социально-правовой концепции). – М., 1998.

⁶¹ Зателепин О.К. Объект преступления против военной службы. Дис. канд. юрид. наук. - М., 1999.

Воинский правопорядок, выступая объектом правовой защиты, занимает ключевое место в системе военной безопасности государства. Уголовное законодательство направлено на охрану именно тех общественных отношений, которые связаны с обеспечением воинского правопорядка, а не саму военную безопасность государства, которую следует рассматривать как цель, предопределяющую существование данных отношений. Этот вывод, в частности, находит подтверждение при анализе статей 346-348 УК РФ, где законодатель в качестве признаков, образующих состав преступлений против порядка сбережения военного имущества, выделил причинение вреда именно этому правопорядку.

Действующий регламент военной службы выступает в качестве общего объекта для всех преступлений, посягающих на воинский правопорядок. Он охватывает разнообразные аспекты служебной деятельности, каждый из которых ориентирован на выполнение конкретных задач, связанных с обеспечением безопасности государства. Отдельные сферы военной службы, как правило, становятся объектом для группы схожих правонарушений. На основе этих направлений формируется классификация составов воинских преступлений.

Таким образом, непосредственный объект данных преступлений связан с защитой целостности и управляемости военных ресурсов, что является важным элементом государственной безопасности.

Анализ объекта преступлений, предусмотренных статьями 346–347 и 348 УК РФ, выявляет принципиальное различие в сфере их регулятивного воздействия. Статьи 346 и 347 УК РФ направлены на обеспечение соблюдения унифицированного порядка обращения с вооружением, боеприпасами и военной техникой, обязательного для всего контингента военнослужащих вне зависимости от специфики их должностных обязанностей и формального закрепления указанного имущества. В отличие от этого, статья 348 УК РФ регламентирует особые нормы хранения вышеупомянутых средств, распространяющиеся исключительно на военнослужащих, на которых в

установленном порядке возложена персональная ответственность за их сохранность в рамках служебной деятельности. Таким образом, прослеживается четкая дифференциация между нормативным закреплением общего порядка обращения и специальных правил хранения военного имущества.

Как отмечает профессор А.С. Самойлов, контроль над военным имуществом со стороны уполномоченного субъекта регулируется нормами, определяющими общий порядок его хранения, а не исключительно вопросы его сохранности. В контексте статьи 348 УК РФ исследователь фактически объединяет термины «правила сбережения» и «правила хранения», трактуя утрату оружия не только как его уничтожение из-за несоблюдения правил сбережения, но и как потерю, кражу или иное незаконное завладение третьими лицами.

Правила сбережения военного имущества призваны регулировать вопросы непосредственного, материального воздействия на военное имущество⁶². Это правила по содержанию, бережному использованию и эксплуатации военного имущества, в которых определяется и порядок выполнения тех или иных операций, направленных на сбережение военного имущества. Так, например, в пятой главе Наставления по стрелковому делу, определен порядок чистки и смазки автомата АК-74. От правильного выполнения операций, предусмотренных данным наставлением, зависит сохранность военного имущества.

Объективная сторона составов преступлений по ст. 346-348 УК РФ складывается из трех обязательных элементов: общественно опасного деяния, наступивших последствий и причинной связи между ними, причем сходство

⁶² Наставление по стрелковому делу. Основы стрельбы из стрелкового оружия. Воениздат. – М., 1970; Наставление для стрельбы из винтовок, карабинов и револьверов. Петроград. 1916; Наставление по стрелковому делу. 7,62-мм автомат Калашникова. Воениздат. – М., 1967; Наставление по стрельбе из танков. Воениздат. – М., 1984; Наставление по стрелковому делу. 9-мм пистолет Макарова. Воениздат. – М., 1968; Наставление по стрелковому делу 7,62-мм Снайперская винтовка Драгунова (СВД). Воениздат. – М., 1984 и др.

структуры объективной стороны в ч. 2 ст. 346 и ст. 347 УК РФ позволяет проводить их совместный анализ.

Проявление объективной стороны данных составов выражается в уничтожении или повреждении оружия, боеприпасов или предметов военной техники.

Уничтожение оружия, боеприпасов или предметов военной техники предполагает его полное разрушение либо приведение в состояние, не позволяющее использовать это имущество по назначению, если оно не может быть восстановлено либо восстановление экономически нецелесообразно.

Например, в сентябре 2006 года личный состав подразделения был привлечен к участию в полковых тактических учениях с боевой стрельбой на Прудбойском учебном центре, для чего были получены боеприпасы к пулеметам – патроны калибра 12,7 мм и 7,62 мм. После окончания учений, командир вышеуказанного подразделения офицер П., точно не удостоверившись в израсходовании всех полученных боеприпасов, доложил командиру полка об их отсутствии. В дальнейшем, при работах на технике, П. обнаружил в одном из танков неизрасходованные боеприпасы и, опасаясь дисциплинарной ответственности за ненадлежащую проверку техники после учений, дал указание подчиненным ему военнослужащим закопать боеприпасы. В результате этих его действий, часть боеприпасов оказалась непригодна для применения по предназначению⁶³.

Судом П. признан виновным в уничтожении всех боеприпасов, с чем согласиться нельзя. В отношении закопанных боеприпасов, которые после обнаружения сохранили свои боевые свойства, имело место покушение на уничтожение боеприпасов.

Повреждение военного имущества означает приведение его в состояние временной непригодности к использованию по назначению при условии, что

⁶³ ВП Камышинского гарнизона. НП – 14/23/0024-07Д. – С. 34-36.

утраченные при этом свойства могут быть восстановлены и восстановление экономически целесообразно.

Даже в состоянии частичной неисправности оно может сохранять отдельные эксплуатационные качества, позволяющие применять его ограниченно, однако с существенным снижением эффективности. Для определения степени пригодности оружия, боеприпасов и военной техники после негативного воздействия проводится сравнительный анализ их текущих характеристик с эталонными показателями полностью исправных образцов.

Факт временной непригодности имущества, как правило, очевиден и в большинстве случаев не требует экспертного заключения. Установление частичной непригодности обычно осуществляется специалистами.

Военное имущество может быть выведено из строя или повреждено разными методами, включая механическое воздействие, химическое влияние, термическое воздействие и другие способы. В диспозициях ст.ст. 346, 347 УК РФ конкретные способы уничтожения или повреждения военного имущества не указываются, что нельзя признать вполне обоснованным, т.к. способ совершения общественно опасного действия может создавать повышенную степень общественной опасности совершенного деяния, служить основой для выделения тех или иных общественно опасных действий в квалифицированный состав. Особенно неоправданным представляется игнорирование законодателем конкретных способов уничтожения или повреждения военного имущества, особенно в сравнении со ст. 167 УК РФ. Во второй части данной нормы законодатель прямо указывает на отдельные методы воздействия на объект преступления (поджог, взрыв, иные общеопасные способы), что подчеркивает их повышенную общественную опасность. Отсутствие аналогичного уточнения в отношении военного имущества выглядит нелогичным.

В рамках анализируемых норм законодатель не установил различий в мерах ответственности в зависимости от характера деяния – уничтожения или повреждения имущества. При этом с точки зрения материального ущерба

государству, полное уничтожение объектов военного назначения, очевидно, причиняет более существенный вред по сравнению с их частичным повреждением.

Так, например, детали полностью сгоревшей боевой машины нельзя использовать даже в качестве запасных комплектующих частей, а поврежденная боевая машина может быть не только восстановлена, но и использована с точки зрения пригодной элементной базы.

В рамках неразрушающих способов воздействия на военные объекты, которые могут привести к их повреждению или уничтожению, следует выделить разукомплектацию. Этот подход является предпочтительным, поскольку, во-первых, технически осуществим, а во-вторых, его конкретные параметры остаются недостаточно регламентированными. На доктринальном уровне вопрос повреждения или уничтожения военного имущества посредством разукомплектования также однозначно не решен.

Так, по мнению профессора Ф.С. Бражника, «разукомплектование танка не может быть квалифицировано как его повреждение по статье 346 УК РФ»⁶⁴.

Профессора Х.М. Ахметшин и А.А. Тер-Акопов придерживаются иной позиции, квалифицируя даже изъятие отдельных деталей из технической системы (без её полного разрушения) как форму повреждения⁶⁵.

Вместе с тем, на наш взгляд, при квалификации деяния по статье 346 УК РФ решающее значение приобретает способ выведения оружия из строя: было ли это изъятие ключевой детали (затвора) или разрушение иных критически важных компонентов. Ключевым критерием при этом остается наступление последствия – полная утрата оружием своей основной функциональности.

⁶⁴ См.: Уголовное право Российской Федерации. Преступления против военной службы. – С.190.

⁶⁵ См.: Преступления против военной службы (Военно-уголовное законодательство Российской Федерации). Научно-практический комментарий Уголовного кодекса Российской Федерации // Авт. коллектив: Ахметшин Х.М., Петухов Н.А., Тер-Акопов А.А., Уколов А.Т. – М., – 1999. – С. 151.

Важно учитывать, что не каждое изъятие детали делает техническую систему непригодной для использования. Решающую роль играет функциональная значимость извлеченного элемента в общей конструкции. Учитывая многообразие моделей оружия, боеприпасов и военной техники, особую важность приобретает точное определение назначения конкретной детали (узла, компонента) в обеспечении работоспособности всей системы.

По-прежнему актуальным остается такой способ повреждения военного имущества, как хищение какой-либо его части, содержащий цветные металлы. В указанных случаях предметом преступного посягательства зачастую является высокотехнологическое оборудование, применяемое на наиболее важных направлениях, уничтожение или повреждение которого может привести к непредсказуемым последствиям.

Так, например, курсанты пятого курса Военно-Космической Академии имени Можайского А.Ф., во время прохождения стажировки в одной из войсковых частей Космических Войск, изъяли из аппаратуры, имеющей отношение к несению боевого дежурства, блоки, а также комплектующие и запасные детали к ним (разукомплектование). В результате преступных действий курсантов войсковая часть едва не была снята с боевого дежурства⁶⁶.

Органы военной юстиции квалифицировали противоправные действия курсантов как преступление против собственности. Подобная квалификация представляется ошибочной, поскольку, как уже отмечалось, под уничтожением понимается полная потеря имуществом своих функциональных качеств, а под повреждением – частичная. При этом для признания преступления оконченным достаточно наступления любого из этих последствий.

Часть 2 статьи 346 и статья 347 УК РФ предусматривает тяжкие последствия, которые используются в качестве квалифицирующего признака состава преступления. Понятие «тяжкие последствия» является оценочным,

⁶⁶ Надзорное производство по уголовному делу № 14/21/0172—99 // Архив ВП РВСН. 2002.

оно характеризует явления. При условном определении рамок, параметров оценочного критерия, необходимо руководствоваться следующими обстоятельствами:

Во-первых, характер вредных последствий будет определять постоянные признаки состава преступления, то есть уничтожение или повреждение военного имущества выступают в качестве «базиса», а тяжкие последствия выступают в качестве «надстройки», границы которой определяются последствиями имущественного характера – например, размер материально ущерба, ценность имущества, и неимущественного характера, связанных с такими ценностями, как жизнь и здоровье человека – неосторожное причинение смерти, вреда здоровью человека.

Во-вторых, любые действия, приводящие к уничтожению или повреждению военного имущества, считаются преступлением против военной службы.

Доктринальный подход (при отсутствии прямых законодательных предписаний) исходит из того, что общественно опасные последствия должны соотноситься с охраняемым объектом преступления, хотя вопрос о необходимости их строгой принадлежности к конкретной сфере общественных отношений остается дискуссионным.

Как указывает В.Н. Кудрявцев, «... тяжкое последствие должно быть однородным с совершенным преступным действием (бездействием), результатом которого оно является, и представлять собою ущерб, причиненный объекту, охраняемому данным уголовным законом»⁶⁷.

Такой же точки зрения придерживался и А.А. Тер-Акопов, который указывал: «... если последствие и нарушение принадлежат разным сферам, они не могут находиться в причинной связи между собой. Данная особенность отражена, например, в действующем военно-уголовном законодательстве. Многие составы воинских преступлений, выражавшихся в нарушении тех или

⁶⁷ Кудрявцев В.Н. Ответственность за причинение вредных последствий по советскому уголовному праву. – М., 1953. – С. 71.

иных специальных правил несения воинской службы, предусматривают в качестве одного из признаков преступления наступление вредных последствий. Диспозиции ограничивают круг таких последствий теми, которые являются следствием допущенных нарушений...»⁶⁸.

Мы придерживаемся позиции, сформулированной В.Н. Кудрявцевым: «наступившие тяжкие последствия могут быть квалифицированы по статье уголовного закона, предусматривающей наступление «тяжких последствий», в том случае, когда они... относятся к области тех общественных отношений, в целях охраны которых установлен данный закон»⁶⁹.

Часть 1 ст. 346 УК РФ не содержит прямого указания на последствия. Однако анализ положений частей 1 и 2 данной статьи позволяет прийти к выводу, что указанные последствия, если они не признаются «тяжкими», подлежат квалификации по ч. 1 ст. 346 УК РФ.

Анализируя объективную сторону преступлений, связанных с уничтожением или повреждением военного имущества, необходимо подчеркнуть императивное значение причинно-следственной связи между противоправным поведением и наступившими вредными последствиями. Для установления виновности лица требуется неопровергимо доказать, что именно его деяние стало непосредственной причиной уничтожения или повреждения имущества, и что при имеющихся обстоятельствах такой исход событий являлся закономерным и предсказуемым. Вместе с тем, в практической плоскости, особенно при квалификации случаев с тяжкими последствиями, установление прямой причинной связи может представлять собой сложную задачу, требующую тщательного исследования всех обстоятельств дела.

Следует учитывать ситуации, возникающие в условиях быстро меняющейся боевой обстановки, когда уничтожение или повреждение

⁶⁸ Тер-Акопов А.А. Ответственность за нарушения специальных правил поведения. – М., 1995. – С. 115.

⁶⁹ Кудрявцев В.Н. Ответственность за причинение вредных последствий по советскому уголовному праву. – М., 1953. – С. 71.

вооружения, боеприпасов или военной техники обусловлено оперативной необходимостью. По нашему мнению, подобные действия не подлежат квалификации в качестве преступления, если они совершены непосредственно в боевой обстановке вследствие реальной угрозы захвата указанного имущества противником.

К примеру, в случае невозможности эвакуации военной техники или иного военного имущества с боевой позиции при наступлении условий, связанных с необходимостью в максимально короткие сроки покинуть занимаемую позицию, степень общественной опасности в уничтожении указанного военного имущества будет значительно ниже или будет вовсе отсутствовать, чем в случае завладения указанным имуществом противником.

Нельзя забывать, что уничтожение или повреждение военной техники, боеприпасов и вооружения могло производиться военнослужащими в рамках исполнения полученного приказа. При этом указанное распоряжение не носит безусловного характера. На практике возможны обстоятельства, при которых отсутствует связь с командованием, а оперативная ситуация требует принятия срочных решений на месте.

В таких условиях действия военнослужащих должны рассматриваться как правомерные, отвечающие общественным интересам и исключающие основания для привлечения к ответственности по ст. 346 УК РФ.

Для определения объективной стороны данного преступления существенную роль играют такие факторы, как временные и пространственные параметры, условия совершения деяния, применяемые методы и инструменты, а также иные обстоятельства, сопутствующие преступлению⁷⁰. Преступления против военной службы всегда обладают определённой совокупностью отличительных особенностей. Каждое такое деяние осуществляется строго определённым методом, в конкретной временной и пространственной среде, с применением специальных

⁷⁰ О факультативных признаках объективной стороны преступления см.: Акоев К.Л. и др.

инструментов, приспособлений и тактических подходов. Подобные факторы способны оказывать существенное влияние на уровень и специфику общественной угрозы, исходящей от противоправного акта. Тем не менее, перечисленные характеристики далеко не во всех ситуациях выступают определяющими критериями при анализе степени вредоносности воинских правонарушений или при их дифференциации от общеуголовных деяний. В связи с этим они относятся к категории facultативных элементов, не формирующих обязательную основу состава рассматриваемых преступных действий. Особый правовой режим возникает в тех случаях, когда законодатель в тексте статей 33-й главы УК РФ специально акцентирует внимание на отдельных из указанных параметров. Только при таком законодательном закреплении данные признаки трансформируются в императивные требования, обязательные для правильной юридической оценки противоправного поведения.

В этой связи переходим к рассмотрению части 3 статьи 346 УК РФ, которая была введена Федеральным законом от 24 сентября 2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Что касается терминологической конкретизации понятий «военное время», «вооруженный конфликт» и «ведение боевых действий» применительно к квалификации преступлений против установленного порядка несения военной службы, то она содержится в актах судебного толкования, а именно в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 11 от 18 мая 2023 года. Согласно данной правовой позиции военное время представляет собой особый юридический период, который детерминирован либо официальным актом – федеральным законом об объявлении состояния войны, инициированным вследствие вооруженного нападения на Российскую Федерацию или в рамках выполнения международных обязательств, либо фактическим началом вооруженного противоборства. Завершение данного периода, в свою очередь, происходит с

момента официального объявления о прекращении военных действий, при условии их фактического завершения, что обеспечивает юридическую ясность и определенность статуса государства.

В отличие от масштаба войны, вооруженный конфликт определяется как ограниченное по объему вооруженное противостояние. С международно-правовой точки зрения, он может проявляться как столкновение между государствами (международный вооруженный конфликт), а во внутригосударственном измерении – как противоборство между различными сторонами в пределах территории одного государства (внутренний вооруженный конфликт). Принципиальной особенностью вооруженного конфликта, отличающей его от состояния войны, является применение Вооруженных Сил Российской Федерации, иных войск, воинских формирований и специальных органов без формального объявления состояния войны на общегосударственном уровне, что подчеркивает его специфический юридический статус и гибкость реагирования государства на угрозы.

Наконец, боевые действия представляют собой целенаправленное и организованное применение Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и специальных органов. Они разворачиваются как в рамках широко трактуемого «военного конфликта» (охватывающего как войны, так и вооруженные конфликты), так и в иных ситуациях, прямо предусмотренных законодательством. Основными целями боевых действий являются обеспечение суверенитета и территориальной целостности страны, защита ее интересов и граждан, а также участие в поддержании или восстановлении международного мира и безопасности. К таким специфическим случаям относятся, в частности, международные миротворческие операции, меры по предотвращению или устраниению угроз миру, подавление актов агрессии, санкционированных международными органами, а также контртеррористические или специальные военные операции и защита Государственной границы Российской Федерации. Боевые действия всегда характеризуются пространственно-временной локализацией – они

ведутся на конкретной территории в определенный период – и направлены на реализацию четко сформулированных боевых или оперативных задач, что определяет их тактическое и стратегическое значение в системе применения вооруженной силы.

Следовательно, корректная квалификация деяния по ч. 3 ст. 346 УК РФ требует тщательного юридического анализа и установления факта совершения преступления именно в рамках одного из вышеописанных экстраординарных контекстов, обладающих строго определенными правовыми характеристиками.

При утрате военное имущество выходит из владения виновного против его воли, при этом сам военнослужащий не совершает прямых действий в отношении этого имущества. Утрата может произойти из-за действий третьих лиц, стихийных бедствий или иных внешних обстоятельств.

Объективная сторона преступления, предусмотренного статьей 348 УК РФ представляет собой деяние, которое может выражаться как в форме действия, так и в форме бездействия и при этом влечет нарушение правил сбережения вверенного военнослужащему оружия, боеприпасов или предметов военной техники.

Действие, как правило, выражается в неблагоприятном воздействии на военное имущество, которое приводит к его утрате. Бездействие при нарушении правил сбережения военного имущества заключается в несовершении лицом тех действий, которое оно должно было и могло совершить в силу лежащих на нем обязанностей. Обязанность совершить действия, направленные на сбережение военного имущества, как правило, вытекает из общего круга обязанностей, определяемых служебным положением лица.

Анализ объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 346–348 УК РФ, позволяет сделать следующие выводы:

1. Объективная сторона преступлений, предусмотренных ст. 346–348 УК РФ, включает три ключевых признака: общественно опасное деяние; наступившие последствия; причинно-следственную связь между ними.

2. Деяние конституирует собой обязательный признак. Оно может быть реализовано как посредством активных действий, так и через форму бездействия, и заключается в уничтожении, повреждении или утрате таких категорий военного имущества, как оружие, боеприпасы и предметы военной техники.

3. Последствия преступлений, предусмотренных ст. 346–348 УК РФ, включают: материальный ущерб, связанный с уничтожением, повреждением или утратой указанных предметов; ущерб боеспособности воинской части вследствие утраты средств обеспечения; организационный вред.

4. В части 1 статьи 346 УК РФ последствия явно не прописаны, однако их отсутствие не означает отсутствия состава преступления. Сопоставление с частью 2 данной статьи показывает, что если последствия не достигают степени «тяжких», то деяние подпадает под часть 1 статьи 346 УК РФ.

5. Состав преступления, описанного в ст. 348 УК РФ, характеризуется утратой вверенного военнослужащему имущества. Основное различие между данным деянием и уничтожением либо повреждением аналогичных объектов (ст. 346–347 УК РФ) состоит в том, что утрата предполагает непроизвольное прекращение владения имуществом, при котором виновный не совершает прямых действий в отношении данного объекта. В таких случаях имущество может быть утеряно вследствие вмешательства посторонних лиц, стихийных бедствий или иных независящих от военнослужащего факторов. Напротив, при уничтожении или повреждении материальных ценностей виновный умышленно воздействует на них, не утрачивая при этом фактического контроля над предметом преступления.

В военно-уголовном праве *субъект и субъективная сторона* преступлений против порядка сбережения военного имущества обладают специфическими чертами.

Субъектом данных преступлений является специальное лицо – военнослужащий (по призыву, контракту), либо гражданин, призванный на военные сборы. Важно, что незаконный призыв освобождает от ответственности по главе 33 УК РФ, тогда как контрактник, поступивший на службу с нарушениями, остается субъектом воинских преступлений. С недавних пор к субъектам также приравнены участники добровольческих формирований, совершившие деяния в особых условиях (военное положение, боевые действия). При этом, для утраты военного имущества (ст. 348 УК РФ) требуется, чтобы имущество было официально вверено виновному, в отличие от умышленного уничтожения/повреждения (ст. 346 УК РФ) или неосторожного уничтожения/повреждения (ст. 347 УК РФ), где такой признак необязателен.

Субъективная сторона определяется виной, которая может быть умышленной для статьи 346 УК РФ (прямой или косвенный умысел на деяние и последствия) или неосторожной для статей 347 и 348 УК РФ (легкомыслие или небрежность в отношении последствий). Дифференциация ответственности базируется на тщательном установлении этой формы вины, что критически важно для справедливого правоприменения.

Так, в соответствии с диспозицией статьи 346 УК РФ, уголовная ответственность наступает исключительно за умышленное нарушение установленных правил сбережения вверенного военного имущества. В свою очередь, составы преступлений, предусмотренные статьями 347 и 348 УК РФ, охватывают случаи причинения вреда военному имуществу вследствие неосторожных действий (бездействия) субъекта.

В контексте уголовно-правовой квалификации противоправных деяний, сопряженных с деструкцией или повреждением военного имущества, необходимо подчеркнуть, что установление конкретной формы умысла является фундаментальным аспектом. Как показывает глубокий теоретико-правовой анализ, подобные деяния, регламентированные, в частности, статьей 346 Уголовного кодекса Российской Федерации, могут быть совершены как с

прямым умыслом, характеризующимся осознанием общественной опасности и желанием наступления вредоносных последствий, так и с косвенным умыслом, при котором лицо предвидит возможность таких последствий, сознательно допуская их наступление либо относясь к ним безразлично. Данная дифференциация имеет критическое значение для точной уголовно-правовой оценки и определения меры ответственности.

Так, например, когда военнослужащий бросает с высоты на бетонное покрытие блок боевого управления ракетной установкой, он осознает, что это приведет к его повреждению (фактическая сторона деяния), а также осознает, что этими самыми действиями причиняет имущественный ущербвойской части, нарушает воинский правопорядок (социальный смысл деяния). При этом осознание общественной опасности этого действия не требует от субъекта знания специальных правил.

Интеллектуальная составляющая косвенного умысла заключается в том, что лицо осознает опасность своего действия и предвидит вероятность уничтожения или повреждения военного имущества. При этом, несмотря на то что оно не стремится к наступлению этих последствий, сознательно допускает их возможность или относится к их наступлению с безразличием.

Основное различие этих видов умысла, как и отличие умысла от неосторожности, происходит по волевому моменту. Волевой момент прямого умысла характеризуется желанием уничтожения или повреждения военного имущества. О наличии такого желания свидетельствует целенаправленная деятельность виновного. Так, нанесение серии ударов тяжелым предметом по монитору пульта управления ракетной установкой, свидетельствует о явном желании повредить данный предмет.

При косвенном умысле желание наступления последствий отсутствует, но имеет место сознательное допущение последствий и безразличное отношение к ним. Так, например, когда военнослужащий бросает на бетонное покрытие автомат АК-74 и тем самым приводит оружие в частичную непригодность, появляются возможность утверждать, о наличии косвенного

умысла при совершении данного преступления. Основание для такого утверждения заключается в том, что военнослужащий осознавал общественную опасность своих действий, предвидел возможность повреждения оружия и сознательно допускал наступление этих последствий.

Совершение умышленного уничтожения или повреждения военного имущества может быть обусловлено различными мотивами, среди которых наиболее распространены недовольство условиями службы, конфликты с командованием или сослуживцами, а также стремление выразить протест или месть путем порчи оружия, техники или боеприпасов либо уклониться от выполнения своих обязанностей. В тех случаях, когда исполнитель преследует цель подорвать обороноспособность государства либо оказать помощь внешнему противнику, его действия квалифицируются как диверсия или государственная измена.

Статья 347 УК РФ устанавливает ответственность за неосторожное уничтожение или повреждение военного имущества, если это повлекло тяжкие последствия. В данном составе преступления вина субъекта проявляется в особой форме психического отношения к вероятным общественно опасным последствиям, а именно: либо в самонадеянном предположении об их предотвращении при отсутствии достаточных оснований для такого расчета (уголовно-правовое легкомыслие), либо в непредвидении возможности их наступления вследствие невыполнения обязанности проявлять необходимую предусмотрительность (уголовно-правовая небрежность).

При квалификации преступления по ст. 347 УК РФ как совершенного по неосторожности в виде легкомыслия ключевым является установление того, что субъект, предвидя возможность наступления общественно опасных последствий в виде ущерба военному имуществу, проявляет необоснованную уверенность в их ненаступлении благодаря предполагаемым мерам предосторожности или внешним факторам, что составляет сущность интеллектуального элемента данной формы вины.

Так, например, рядовой А. пред началом ремонта боевой машины решил прогреть бокс, где находилась данная машина. Для этой цели он поджег ведро с дизельным топливом, предварительно выставив его на середину бокса, а сам отправился на завтрак. За время приема пищи возник пожар и необходимость в ремонте боевой машины отпала, так как она полностью сгорела. То есть лицо рассчитывает на благополучный исход событий в отличие от косвенного умысла, при котором виновный сознательно допускает эти последствия либо безразлично к ним относится. Если изменить условия данного примера и допустить, что рядовой А. просто бросает горящий факел в приоткрытый бокс с той же целью «прогрева», оставив наступивший результат без изменения (возникновение пожара и уничтожение боевой машины). Получаем пример, где речь идет о совершении преступления с косвенным умыслом. При этом виновный может даже надеяться на то, что факел упадет на безопасную от возгорания часть бокса, «но если эта надежда не связана с расчетом на реальные конкретные обстоятельства, способные предотвратить наступление преступных последствий, налицо волевой момент косвенного умысла»⁷¹.

Критическая роль в разграничении легкомыслия и косвенного умысла отводится именно волевому моменту, поскольку их интеллектуальные компоненты во многом схожи и явно не различаются по признакам.

Уничтожение или повреждение военного имущества по небрежности характеризуется тем, что виновный не предвидит возможности наступления общественно опасных последствий, в виде уничтожения или повреждения этого имущества, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности мог и должен был предвидеть последствия своего действия. Волевой момент небрежности, характеризуется двумя критериями: объективным (лицо должно было предвидеть последствия) и субъективным (лицо могло предвидеть последствия).

⁷¹ Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В двух томах. Т.2. Особенная часть. Юрид. лит. – М., 2004. – С. 213.

Соответственно, при легкомысленном уничтожении или повреждении военного имущества субъект осознаёт существование объективных предпосылок для выбора более безопасного поведения, способного предотвратить вред, но, проявляя пренебрежение к этим предостережениям, не предпринимает соответствующих мер.

Определение небрежности при уничтожении или повреждении военного имущества (как и при неосторожном причинении вреда вообще) сопряжено со значительными сложностями, поскольку требует установления двух ключевых обстоятельств: объективной обязанности виновного предвидеть возможные последствия и его субъективной способности предотвратить наступление таких последствий. Еще профессор Б.С. Утевский указывал, что «одно дело... как должен был вести себя подсудимый, и другое – как он мог себя вести»⁷², то есть для квалификации небрежности требуется доказать, что виновный при наличии его индивидуальных особенностей (профессиональной подготовки, опыта, состояния здоровья) и с учетом конкретных обстоятельств происшествия объективно имел возможность предвидеть наступление вредных последствий своих действий (бездействия) в отношении военного имущества.

Преступление по статье 348 УК РФ (утрата военного имущества) характеризуется исключительно неосторожной формой вины (легкомыслием или небрежностью), что исключает необходимость анализа мотивов и целей действия, аналогично составу преступления по статье 347 УК РФ. В случае легкомыслия виновный, осознавая противоправность своих действий и предвидя возможность утраты имущества, безосновательно рассчитывает на предотвращение негативных последствий, однако предпринимаемые им меры носят формальный характер и не обеспечивают реальной сохранности вверенного имущества, что и приводит к его утрате.

⁷² Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве. – М., 1950. – С. 294.

Например, находясь на учении, во время привала, виновный снял с себя автомат и положил его около себя, а сам уснул. Проснувшись, виновный автомата не обнаружил. Поиски положительных результатов не дали⁷³.

В этом случае, так же можно выделить два критерия: объективный (лицо должно было) и субъективным (могло их предвидеть). Объективный критерий связан с обязанностью лица в силу того, что данное имущество ему вверено, знать правила его сбережения и предвидеть при их несоблюдении, возможность утраты военного имущества. Субъективный критерий предполагает, что лицо могло предвидеть наступление вредных последствий в силу своих качеств, обстоятельств совершения деяния.

Правовая оценка таких ситуаций неразрывно связана с институтами крайней необходимости (статья 39 УК РФ), исполнения приказа или распоряжения (статья 42 УК РФ), а также невиновного причинения вреда (часть 2 статьи 26 УК РФ).

Правомерность уничтожения или повреждения военного имущества в условиях боевых действий является одним из наиболее чувствительных вопросов военно-уголовного права. Военнослужащие в боевой обстановке часто сталкиваются с дилеммой выбора между сохранением имущества и выполнением боевой задачи, спасением жизней или предотвращением более тяжкого вреда. В таких ситуациях, действия, формально подпадающие под признаки составов статей 346-348 УК РФ, могут быть признаны правомерными и не влекущими уголовную ответственность при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Крайняя необходимость (статья 39 УК РФ)

Условия правомерности причинения вреда в состоянии крайней необходимости являются строгими и включают: наличие опасности (угроза должна быть реальной и непосредственной). Это может быть угроза захвата военного имущества противником, угроза жизни или здоровью

⁷³ Бражник Ф.С. Военно-уголовное право. Учебник. Глава 13. – М., 2008. – С. 245

военнослужащих или гражданского населения от неконтролируемого взрыва или распространения опасных веществ); субъективный элемент (лицо должно осознавать характер опасности и невозможность ее устранения иными, не связанными с причинением вреда, способами); отсутствие альтернативных средств (опасность не может быть устранена без причинения вреда); соразмерность вреда (причиненный вред должен быть менее значительным, чем предотвращенный). Этот критерий является наиболее сложным для оценки в боевой обстановке, поскольку ценность, например, одной единицы военной техники, может быть несопоставима с потенциальной угрозой получения противником доступа к технологиям или ее использования против своих же сил.

Примеры из судебной практики и их анализ показывают, что суды тщательно исследуют фактические обстоятельства, которые привели к решению об уничтожении имущества. Так, в практике военных судов имеются случаи, когда военнослужащие, оказавшиеся в окружении и столкнувшись с реальной угрозой захвата исправной боевой техники противником, принимали решение о ее подрыве с целью предотвращения ее использования врагом. При условии, что эвакуация техники была объективно невозможна, а угроза захвата являлась непосредственной и очевидной (подтверждалось показаниями свидетелей, данными разведки, оперативной обстановкой на участке), такие действия признавались совершенными в состоянии крайней необходимости. Ключевыми доказательствами в таких делах являются: свидетельские показания участников событий, данные объективного контроля (например, записи с БПЛА, если они имеются), записи радиопереговоров, боевые донесения, а также оперативные планы, подтверждающие невозможность иных действий.

В другом случае, военнослужащий, командир экипажа боевой машины, в ходе ожесточенного боя был вынужден затопить машину в водоеме, чтобы избежать ее уничтожения ценой жизни экипажа, поскольку продолжение движения стало невозможным из-за критического повреждения ходовой

части, а попытка эвакуации привела бы к массовым потерям личного состава. Суд, оценив представленные доказательства, признал действия военнослужащего совершенными в состоянии крайней необходимости, поскольку предотвращенный вред (гибель экипажа и захват техники) был значительно более тяжким, чем причиненный (утрата боевой машины).

Доказывание крайней необходимости требует глубокого понимания специфики боевых действий и обстоятельств принятия решений в условиях стресса и дефицита времени. Оценка соразмерности вреда часто опирается на тактические и стратегические заключения командования.

Исполнение приказа или распоряжения (статья 42 УК РФ)

Ответственность за последствия исполнения законного приказа несет лицо, отдавшее приказ. Проблема квалификации возникает, когда приказ на уничтожение или повреждение имущества является незаконным или когда военнослужащий осознает его незаконность.

Сложность применения данного положения в боевой обстановке заключается в следующем: оценка законности приказа в экстремальных условиях (военнослужащий в бою часто не имеет времени на тщательную правовую оценку каждого приказа). Приказ может быть нелогичным или, на первый взгляд, противоречить нормам, но в контексте общей оперативной задачи он может быть обусловлен скрытой информацией или стратегическими соображениями, неизвестными исполнителю; заведомая незаконность (приказ является заведомо незаконным, если его незаконность очевидна для исполнителя. Это, например, приказ уничтожить исправную технику без какой-либо угрозы её захвата, или приказ, явно направленный на причинение вреда гражданскому населению или другим военнослужащим; последствия для исполнителя (если военнослужащий понимал заведомую незаконность приказа и исполнил его, он несет ответственность. Если же он не осознавал незаконности, ответственность может быть возложена на отдавшего приказ).

Приведем пример из практики. Военнослужащий-водитель БМП получил приказ от непосредственного командира на преднамеренное

уничтожение бронетехники путем столкновения с бетонным препятствием с целью имитации аварии и скрытия факта хищения горюче-смазочных материалов, что привело к полной неисправности машины. Поскольку приказ не был связан с боевой обстановкой или угрозой для жизни, а был направлен на скрытие другого преступления, он являлся заведомо незаконным и осознавался как таковой исполнителем. В данном случае, и командир, отдавший приказ, и водитель, его исполнивший, могли быть привлечены к уголовной ответственности по ст. 346 УК РФ, а также по ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями) для командира и соответствующей статье за хищение.

Невиновное причинение вреда в экстремальных условиях (часть 2 статьи 26 УК РФ)

В условиях воинской службы, особенно в боевой обстановке, это положение приобретает особую актуальность в связи с воздействием на военнослужащих экстремальных факторов. К таким факторам относятся: психологическое и физическое истощение (длительное нахождение в боевых условиях, дефицит сна, питания, постоянная угроза жизни могут привести к значительному снижению концентрации внимания, скорости реакции и способности адекватно оценивать ситуацию); стресс и нервно-психическая перегрузка (боевой стресс может вызывать временные нарушения когнитивных функций, вплоть до частичной потери контроля над своими действиями); контузии и травмы (неочевидные травмы или легкие контузии могут влиять на координацию движений и ясность мышления, что может стать причиной случайного повреждения имущества); неконтролируемое воздействие боевых факторов (например, воздействие ударной волны, шума, дыма, ограничивающих видимость или способность реагировать).

Доказывание «несоответствия психофизиологических качеств» в таких условиях является сложной задачей для следствия и суда. Оно требует проведения комплексных психолого-психиатрических экспертиз, анализа показаний свидетелей, которые находились рядом и могли подтвердить

состояние военнослужащего, а также изучения медицинской документации и данных о боевой обстановке.

В качестве примера из практики может служить случай, когда военнослужащий П., находясь в состоянии сильного стресса после многочасового боя и контузии, которую он не сразу осознал, случайно уронил и повредил дорогостоящий прицел. Следствие установило, что при обычных обстоятельствах он, как опытный специалист, не допустил бы такого. Однако в условиях экстремальной усталости и воздействия контузии его психофизиологические возможности не позволяли ему в полной мере контролировать свои действия. В результате, было принято решение о невиновном причинении вреда, и уголовное дело было прекращено.

Важно отметить, что установление невиновного причинения вреда не означает освобождения от гражданской ответственности за причиненный ущерб, если она не установлена иными нормативно-правовыми актами. Однако, в рамках уголовного процесса, отсутствие вины является безусловным основанием для отказа в привлечении к уголовной ответственности.

Таким образом, проведенный анализ рассматриваемых преступлений позволяет сделать следующие выводы:

1. В рамках уголовно-правовой регламентации, дифференциация ответственности за рассматриваемые преступления основывается на специфике формы вины. Так, деяние, предусмотренное статьей 346 Уголовного кодекса Российской Федерации, характеризуется умышленной формой вины (прямым или косвенным умыслом) непосредственно в отношении самого акта уничтожения или повреждения военного имущества. При этом, относительно сопутствующих негативных последствий, таких как снижение боевой готовности подразделения или причинение организационного ущерба, может быть установлено как умышленное, так и неосторожное психическое отношение. Напротив, составы преступлений, регламентированные статьями 347 и 348 УК РФ, исчерпывающие предполагают

исключительно неосторожную форму вины, проявляющуюся в легкомыслии или небрежности виновного субъекта.

2. Родовым объектом данных преступлений, как следует из их систематизации, выступает воинский правопорядок, а именно совокупность общественных отношений, обеспечивающих установленный порядок обращения с вооружением, боеприпасами и военной техникой, направленный на поддержание их постоянной боеготовности. Более узко, непосредственным объектом статьи 348 УК РФ является соблюдение военно-правовых норм, регулирующих обращение с вверенным оружием, боеприпасами и военной техникой, гарантирующих возможность их целевого использования.

3. Объективная сторона преступлений по статьям 346-348 УК РФ включает общественно опасное деяние, наступившие последствия и причинно-следственную связь. Ключевым признаком выступает само деяние — умышленное или неосторожное уничтожение, повреждение либо утрата оружия, боеприпасов и образцов военной техники. Последствия этих посягательств проявляются в материальном ущербе, подрыве боеспособности воинской части и организационном вреде. При этом, даже если в части 1 статьи 346 УК РФ прямо не указаны последствия, их степень общественной опасности служит критерием для разграничения с частью 2, где наступление тяжких последствий является квалифицирующим признаком. Важно отметить, что при статьях 346 и 347 УК РФ виновный сохраняет контроль над имуществом до момента его повреждения или уничтожения, тогда как при утрате (ст. 348 УК РФ) имущество выходит из-под контроля помимо воли субъекта вследствие внешних факторов. В целях исключения разнотечений в квалификации, предлагается законодательно закрепить понятие «повреждение военного имущества путём его разукомплектования» в диспозиции статьи 346 УК РФ.

4. Субъектный состав преступлений по статьям 346 и 347 УК РФ включает военнослужащих (по призыву, контракту), граждан в запасе (призванных на сборы), а также граждан из добровольческих формирований

(в период военного положения, военного времени, вооруженного конфликта или боевых действий). При этом следует учитывать разъяснения Верховного Суда РФ: незаконно призванное лицо не является субъектом воинских преступлений, тогда как контрактник, принятый с нарушением требований, таковым остается. Для преступления по статье 348 УК РФ круг субъектов сужен до военнослужащих, которым оружие, боеприпасы или предметы военной техники были вверены для служебного пользования.

Проблемы квалификации деяний, совершенных в условиях боевой обстановки, требуют от правоприменителя глубокого понимания не только уголовного закона, но и специфики военной службы, боевых уставов, а также психофизиологических особенностей человека в экстремальных условиях. Четкое разграничение преступного поведения от действий, совершенных в состоянии крайней необходимости, во исполнение законного приказа или вследствие невиновного причинения вреда, является залогом справедливого правосудия и поддержания боевого духа военнослужащих, осознающих, что их действия в бою будут оценены объективно и всесторонне.

Глава III. Квалификация преступлений против порядка сбережения военного имущества, совершаемых военнослужащими

3.1. Квалификация преступлений против порядка сбережения военного имущества и их ограничение от смежных общеуголовных составов преступлений

На всем протяжении существования Российской армии ее боеготовность и боеспособность поддерживались не только совершенствованием оружия и боевой техники, но и соответствующими правилами поведения военнослужащих, закрепленными в официальных актах. От правильной и точной оценки противоправных деяний военнослужащих во многом зависит определение справедливых мер государственного принуждения, а также соблюдение их прав. В этой связи в теории военно-уголовного права вопросам квалификации преступлений против военной службы всегда уделялось пристальное внимание⁷⁴.

Практическая значимость рассматриваемой проблематики порождает активные дискуссии, обусловленные рядом сложностей, с которыми сталкиваются судьи и следователи при правовой квалификации деяний военнослужащих, в частности связанных с нарушением установленного порядка сбережения военного имущества.

В рамках современной доктрины военно-уголовного права, составы преступлений, направленные против порядка сохранности военного имущества и регламентированные статьями 346-348 Уголовного кодекса Российской Федерации, концептуально интегрированы в специализированную систему воинских преступлений. Однако, анализ актуальной судебной практики выявляет определенную дилемму: в ряде случаев, действия, сопряженные с уничтожением, повреждением или утратой

⁷⁴ Военно-уголовное право: учеб. / Х.М. Ахметшин [и др.]; под ред. Х.М. Ахметшина, О.К. Зателепина. М., 2008.

военного имущества, детерминируются к квалификации не по указанным специальным нормам, а по положениям общего уголовного законодательства. Данное расхождение между доктринальным подходом и правоприменительной реализацией актуализирует проблему единообразия в интерпретации и применении соответствующих уголовно-правовых запретов. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема разграничения указанных специальных составов преступлений с отдельными общеуголовными нормами, что требует тщательного теоретического и практического осмысления.

Например, 14 декабря 2020 г. Ростовским-на-Дону гарнизонным военным судом рядовой С. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 166 УК РФ, а именно в том, что неправомерно завладев автомобилем КАМАЗ-5350, принадлежащим Министерству обороны Российской Федерации, совершил дорожно-транспортное происшествие, повредив автомобиль КАМАЗ, чем причинил имущественный вред в размере 104 869 руб., равный стоимости восстановительного ремонта автомобиля КАМАЗ, в результате чего суд назначил ему наказание в виде штрафа в размере 60 000 руб⁷⁵.

Обстоятельства дела: около 13 часов 18 июня 2020 года С. На территории аэродрома, расположенного на юго-западной окраине станицы Е. Ростовской области, находясь в состоянии алкогольного опьянения, воспользовавшись свободным доступом в кабину без ключа запустил двигатель и, не имея умысла на хищение, неправомерно завладел автомобилем КАМАЗ-5350, принадлежащим Министерству обороны Российской Федерации, на котором совершил поездку в станицу Е. Около 13 часов 15 минут того же дня, двигаясь на указанном автомобиле по участку автодороги С., не справившись с управлением, совершил дорожно-транспортное происшествие, повредив автомобиль КАМАЗ.

⁷⁵ Приговор Ростовского-на-Дону гарнизонного военного суда от 14 декабря 2020 г. [Электронный ресурс] : <https://gvs--ros.sudrf.ru> (дата обращения: 01.03.2025).

В составе преступления, предусмотренного статьей 347 УК РФ, отношения собственности выполняют роль дополнительного объекта посягательства, тогда как для статьи 166 УК РФ они выступают основным объектом. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, если лицо похитило предметы военной техники, то его действия не требуют дополнительной квалификации по факту их последующего уничтожения или повреждения⁷⁶.

Мы полагаем, что повреждение военного имущества в результате его незаконного изъятия характеризуется более высокой степенью общественной опасности, нежели преступление, предусмотренное ст. 166 УК РФ, и может, в отдельных случаях, с учетом уникальности поврежденного военно-технического средства, его значимости для обеспечения боевой способности подразделения повлечь тяжкие последствия⁷⁷. В этой связи действия рядового С., на наш взгляд, при определенных условиях, возможно квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 166 и ст. 347 УК РФ.

В контексте уголовно-правовой квалификации, фундаментальным критерием дифференциации между преступлениями, предусмотренными статьями 167-168 Уголовного кодекса Российской Федерации, и деяниями, регламентированными статьями 346 и 347 того же Кодекса, выступает, прежде всего, специфика объекта преступного посягательства. При этом для целей квалификации по статьям 346-348 УК РФ определяющим является строго определенный набор категорий военного имущества, конституирующий предмет данных преступлений.

При этом противоправные действия в отношении вооружения, боеприпасов и военной техники как объектов государственной собственности обладают повышенной степенью общественной опасности в силу особой значимости защищаемых правоотношений.

⁷⁶ п. 82 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы».

⁷⁷ Там же.

Проведенный анализ нормативных положений выявляет существенные различия в объектах преступных посягательств, регламентируемых различными статьями УК РФ, что находит свое непосредственное отражение в структуре и содержании рассматриваемых правовых норм. В частности, следует отметить, что диспозиция части 1 статьи 167 УК РФ включает в себя такой квалифицирующий признак, как причинение значительного имущественного ущерба. В отличие от этого, анализ части 1 статьи 346 УК РФ свидетельствует об отсутствии требования о наступлении указанного последствия для квалификации состава преступления.

Делегирование данного признака из специальной нормы, закрепленной в статье 346 УК РФ, обусловлено спецификой ее правовой природы и целевой направленностью. В рамках рассматриваемого состава преступления в качестве основного родового объекта выступает установленный порядок прохождения военной службы, обеспечивающий надлежащее функционирование военной организации государства. Видовым же объектом выступает регламентированный порядок сбережения военного имущества, как важнейшего элемента обеспечения обороноспособности страны.

Анализ законодательной квалификации посягательств на воинские правоотношения, в том числе нарушений установленного режима сбережения военного имущества, как деяний, обладающих повышенной степенью общественной опасности (в сравнении с преступлениями против собственности), предопределяет специальный характер нормы, закрепленной в статье 346 УК РФ. Данное обстоятельство обуславливает необходимость дифференцированного подхода к уголовно-правовой охране указанных общественных отношений, что находит свое выражение в установлении специальных составов преступлений, учитывающих специфику военной службы и ее значение для обеспечения обороноспособности и национальной безопасности государства.

В отличие от ст. 167 УК РФ, где отношения собственности являются основным объектом преступления, в статьях 346-348 УК РФ они играют

второстепенную роль. При этом для квалификации по ст. 167 УК РФ обязательным признаком является причинение «значительного ущерба», который оценивается исключительно в отношении физических лиц. Согласно примечанию к ст. 158 УК РФ, такой ущерб определяется с учетом имущественного положения потерпевшего и не может быть менее 5 000 рублей.

Субъективная сторона преступлений, предусмотренных статьями 167 и 346 Уголовного кодекса Российской Федерации, проявляет существенное сходство, поскольку в обоих случаях деяние характеризуется умышленной формой вины. Однако, несмотря на данную общую черту, между указанными составами преступлений прослеживается фундаментальное различие, которое заключается в субъекте ответственности: в то время как по ст. 167 УК РФ привлечь к ответственности можно любое физическое лицо, соответствующее общим признакам субъекта преступления (в том числе военнослужащих), ст. 346-348 УК РФ предусматривают ответственность только для специальных субъектов.

В рамках сравнительно-правового анализа, изучение диспозиций части 2 статьи 167 и части 2 статьи 346 Уголовного кодекса Российской Федерации позволяет выявить фундаментальные расхождения в методологии законодательного конструирования квалифицирующих признаков. Примечательно, что часть 2 статьи 167 УК РФ акцентирует внимание на специфических способах совершения преступления, таких как поджог, взрыв или иные общеопасные действия, которые признаются отягчающими обстоятельствами, наряду с наступлением тяжких последствий. В противоположность этому, часть 2 статьи 346 УК РФ, в качестве императивного квалифицирующего признака, рассматривает исключительно факт наступления тяжких последствий, при этом полностью нивелируя значимость конкретного способа уничтожения или повреждения военного имущества как юридически релевантного элемента состава преступления. Данное обстоятельство подчеркивает приоритет охраны порядка сбережения

военного имущества как такового, вне зависимости от метода его нарушения, при условии наступления тяжких последствий.

В контексте эволюции отечественного уголовного законодательства, Федеральный закон от 24 сентября 2022 года № 365-ФЗ внес существенные изменения в статью 346 Уголовного кодекса Российской Федерации. В частности, указанная норма была дополнена частью 3, которая устанавливает повышенную уголовную ответственность за деяния, предусмотренные частями 1 и 2 данной статьи, при их совершении в особых условиях: в период действия военного положения, в военное время, в условиях вооруженного конфликта или непосредственно при ведении боевых действий. Примечательно, что аналогичный квалифицирующий признак отсутствует в статье 167 УК РФ, что подчеркивает возросшую значимость и специфическую охрану военного имущества в периоды военно-политической нестабильности, отражая стратегический приоритет государства в обеспечении своей обороноспособности.

Аналогичное соотношение норм прослеживается и в случае неосторожного уничтожения или повреждения имущества: ст. 168 УК РФ (общая норма) и ст. 347 УК РФ (специальная норма о военном имуществе). Учитывая полную аналогию с ранее рассмотренной ситуацией, представляется излишним повторный анализ признаков данных составов преступлений.

Анализ составов преступлений против порядка сбережения военного имущества (ст.ст. 346-348 УК РФ) позволяет констатировать, что оружие неизменно фигурирует в качестве ключевого предмета данных правонарушений. Особые характеристики и значимость оружия исторически обусловили закрепление в российском уголовном законодательстве множества специальных норм, где данный предмет выступает конструктивным элементом состава. Такое пристальное внимание законодателя к вопросам оружия диктует необходимость специального исследования преступных деяний против порядка сбережения военного

имущества, где оружие выступает непосредственным предметом посягательства. Это позволит четко отграничить указанные составы от смежных уголовно-правовых запретов.

Представляет особый научный интерес компаративный анализ состава преступления, предусмотренного статьей 348 УК РФ (нарушение правил сбережения вверенного для служебного пользования оружия, повлекшее его утрату), с составом небрежного хранения огнестрельного оружия, регламентированным статьей 224 УК РФ. Учитывая, что оба указанных деяния по своей сути посягают на установленный в Вооруженных Силах Российской Федерации порядок хранения (сбережения) оружия, данное обстоятельство обуславливает необходимость детального исследования как общих, так и специфических признаков данных составов преступлений в контексте обеспечения сохранности вооружения⁷⁸.

При разграничении указанных составов преступлений первостепенное значение приобретает анализ объекта преступного посягательства и способа совершения деяния.

В контексте уголовно-правовой регламентации, детерминированной положениями статьи 224 Уголовного кодекса Российской Федерации, доминирующим объектом посягательства является общественная безопасность, что концептуально подтверждается систематизацией данной нормы в соответствующей главе Кодекса. При этом, установленный порядок хранения оружия в Вооруженных Силах Российской Федерации может рассматриваться как вторичный (факультативный) объект преступного посягательства, однако данная возможность реализуется исключительно при условии, что предметом преступления выступает непосредственно военное имущество.

Совершение преступления, предусмотренного статьей 224 УК РФ, «реализуется как минимум двумя субъектами, каждый из которых совершает

⁷⁸ Самойлов А.С. Квалификация преступлений против порядка оборота оружия в ВС РФ. ВУ. М., 1997. – С. 71.

самостоятельное деяние и причиняет конкретные последствия»⁷⁹. Юридическая природа небрежного хранения оружия (ст. 224 УК РФ) заключается в противоправном поведении законного владельца, результатом которого становится возможность несанкционированного использования оружия посторонними лицами. Анализ объективной стороны данного состава выявляет его существенное сходство с преступлением, предусмотренным ст. 348 УК РФ (утрата оружия), при наличии при этом определенных различий. Оба состава объединяет общий признак – нарушение установленных нормативными актами организационных требований по обеспечению сохранности технически исправного оружия. Примечательно, что несмотря на формально небланкетный характер диспозиции ст. 224 УК РФ, содержащееся в ней понятие «небрежное хранение» подразумевает несоблюдение специальных регламентов обращения с огнестрельным оружием.

Состав преступления, предусмотренного статьей 348 УК РФ, характеризуется таким последствием как утрата оружия, под которой понимается прекращение законного контроля над ним уполномоченным лицом. Данное понятие охватывает различные формы – хищение, уничтожение или фактическую потерю, каждая из которых приводит к невозможности осуществления надлежащего контроля за оружием. В отличие от статьи 348 УК РФ, статья 224 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за создание предпосылок для неправомерного использования огнестрельного оружия посторонними лицами, что не является тождественным его утрате. Как указывалось ранее, утрата подразумевает окончательное выбытие оружия из сферы контроля ответственного лица, в то время как для квалификации деяния по статье 224 УК РФ достаточно установления факта создания потенциальной возможности его незаконного использования. Вместе с тем, необходимо учитывать, что утрата военнослужащим вверенного ему оружия (за исключением случаев его

⁷⁹ См. Там же. – С. 74.

уничтожения) закономерно влечет за собой создание условий для его возможного использования третьими лицами. Однако, аналогичная ситуация может возникнуть и без фактической потери оружия – например, в случае оставления его без надлежащего присмотра, что само по себе не квалифицируется как утрата, но представляет собой нарушение установленных правил хранения. Данное различие в объективной стороне составов преступлений подчеркивает специфику правовой охраны различных аспектов оборота оружия.

Фундаментальное различие между составами преступлений, предусмотренных статьей 224 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 348 Уголовного кодекса Российской Федерации, детерминируется кардинально отличающимися механизмами реализации их объективной стороны.

Специфика юридической конструкции статьи 224 УК РФ заключается в том, что она предполагает наличие совокупности двух самостоятельных противоправных действий:

- нарушение правил хранения оружия, создавшее условия для его использования другим лицом;
- использование данного оружия другим лицом, повлекшее тяжкие последствия.

Примечательно, что законодательная конструкция статьи 224 УК РФ потенциально охватывает как минимум два дополнительных самостоятельных состава преступлений, которые могут быть совершены третьими лицами с использованием неправильно хранимого оружия. В отличие от этого, преступление по статье 348 УК РФ признается оконченным в момент утраты контроля над оружием уполномоченным лицом, при этом последующее использование или перемещение данного оружия не имеет значения для квалификации.

Анализ субъективной стороны составов преступлений, предусмотренных статьями 224 и 348 УК РФ, свидетельствует об их полном

совпадении – в обоих случаях речь идет о неосторожной форме вины. Однако субъектный состав данных правонарушений имеет существенные различия, что не исключает возможности квалификации действий военнослужащего, которому вверено оружие для служебного пользования (специальный субъект по ст. 348 УК РФ), по статье 224 УК РФ.

Также на практике нередко встречаются трудности в квалификации деяний военнослужащих, связанных с утратой последними по неосторожности военного имущества.

Так, 5 августа 2021 года Махачкалинским гарнизонным военным судом старший лейтенант Л. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 293 УК РФ, а именно в том, что вследствие недобросовестного отношения к службе допустил нарушение правил хранения ранее полученного имущества службы ракетно-артиллерийского вооружения (бронежитеты, бронешлемы, комплекты боевого снаряжения «Стрелок»), что привело к его утрате и причинению ущерба государству в размере 3 899 977 руб., в результате чего суд назначил ему наказание в виде штрафа в размере 15 000 руб.⁸⁰

Обстоятельства дела: Л., находясь в служебной командировке, в период с 20 сентября 2018 года по 20 января 2020 года, являясь должностным лицом, занимая штатные должности командира радиорелейного – кабельного взвода роты связи батальона связи, ненадлежаще исполнял свои обязанности, предусмотренные Руководством службы ракетно-артиллерийского вооружения по порядку выдачи, хранения средств индивидуальной бронезащиты в Вооруженных Силах Российской Федерации, введенным в действие приказом начальника Главного ракетно-артиллерийского управления Министерства обороны Российской Федерации от 16 апреля 2004 года № 166, вследствие недобросовестного отношения к службе и допустил нарушение правил хранения ранее полученного имущества службы ракетно-

⁸⁰ Приговор Махачкалинского гарнизонного военного суда от 5 августа 2021 г. [Электронный ресурс] : <https://mgvs--dag.sudrf.ru> (дата обращения: 01.03.2025).

артиллерийского вооружения, что привело к его утрате и причинению ущерба государству в размере 3 899 977 руб.

Аналогичным образом органами предварительного следствия по ч. 1.1. ст. 293 УК РФ квалифицированы действия капитана Щ., который в период не позднее октября 2020 года по 26 марта 2022 года включительно, являясь должностным лицом – командиром роты учебно-боевого вооружения и техники батальона обеспечения учебного процесса, находясь на территории автомобильного парка войсковой части, допустил нарушения требований нормативных правовых актов, которые привели к аварийному режиму работы электропроводки в здании бывшей мастерской, что вызвало пожар в помещениях названного здания и полной утрате вверенного Щ. имущества и материальных ценностей: мобильного комплекса РЭБ на автомобильном шасси «Форд Транзит», электрического мотоцикла «LM-1», 3 приборов ночного видения ПНВ-10Т к «Тигр-М СпН», 4 ЗИП к автомобилю КАМАЗ 5350-310, 4 ЗИП к автомобилю УРАЛ 4320-0811-31, 4 ЗИП-О к БТР-82А, 4 изделий 1ПН105 к БТР-82А; ДК-4Д (комплект средств специальной обработки), а всего имущества на общую сумму 48 189 310 руб.⁸¹

В то же время действия капитана И., выразившиеся в том, что он в период со 2 декабря 2016 г. по 20 сентября 2017 г. в расположении воинской части, нарушив требования ст. 16, 24, 75, 82, 152 и 153 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации и ст. 7 приказа Минобороны России от 15 апреля 2013 г. № 300, по неосторожности утратил вверенные ему для служебного пользования 8 прицелов ночного видения, чем причинил ущерб государству в размере 896 695 руб., 22 марта 2018 года Грозненским гарнизонным военным судом квалифицированы по ст. 348 УК РФ⁸².

⁸¹ Контрольное производство по уголовному делу № 12002001441000076 / Архив военного следственного отдела Следственного комитета Российской Федерации по Солнечногорскому гарнизону.

⁸² Приговор Грозненского гарнизонного военного суда от 22 марта 2018 г. [Электронный ресурс] : <https://gvs.chn.sudrf.ru>. (дата обращения: 01.03.2025).

Очевидно, в вышеуказанных случаях разграничение квалификации преступлений происходило по предмету преступного посягательства – оружие, боеприпасы и предметы военной техники. Уничтожение или повреждение иного военного имущества при наличии соответствующих признаков подлежит квалификации по статьям 167 или 168 УК РФ, а утрата такого имущества может рассматриваться как дисциплинарный проступок⁸³.

Проведенный анализ действующей системы уголовной ответственности за нарушения в сфере сбережения военного имущества выявил существенное несоответствие между тяжестью предусмотренных главами 21 и 30 УК РФ санкций и реальной общественной опасностью данных деяний. Особенно явно этот дисбаланс проявляется при сопоставлении назначаемых судами наказаний с масштабом последствий, выражаяющихся в уничтожении объектов военной техники, что подтверждается материалами современной судебной практики.

Так, 2 мая 2017 года рядовой М. Астраханским гарнизонным военным судом признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 347 УК РФ, а именно в том, что 8 сентября 2016 г. М., находясь на территории позиционного района, развёл для приготовления пищи огонь возле замаскированного легковоспламеняющимися материалами БТР-82А, в результате чего произошло уничтожение военной техники и оружия вследствие пожара, повлекшее тяжкие последствия в виде причинения государству ущерба в сумме 28 011 684 руб., в результате чего суд назначил ему наказание в виде содержания в дисциплинарной воинской части на срок 6 месяцев⁸⁴. При этом в своей апелляционной жалобе М., не оспаривая доказанности вины и правильности квалификации содеянного, просил изменить приговор вследствие чрезмерной суровости назначенного наказания.

⁸³ п. 80 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы».

⁸⁴ Приговор Астраханского гарнизонного военного суда от 2 мая 2017 г. [Электронный ресурс] : <https://astrahanskygvs.ast.sudrf.ru> (дата обращения: 01.03.2025).

9 сентября 2021 года лейтенант К. Махачкалинским гарнизонным военным судом признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 347 УК РФ, а именно в том, что находясь на территории парка боевых машин при производстве ремонтных работ по замене двигателя танка Т90А1, осуществил попытку запуска двигателя от внешнего источника питания, что привело к возгоранию танка и детонации находящегося внутри него боекомплекта, чем причинил ущерб государству в размере 24 919 730 руб., в результате чего суд назначил ему наказание в виде штрафа в размере 50 000 руб⁸⁵.

Военнослужащий по призыву Э. Крымским гарнизонным военным судом признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 347 УК РФ, а именно в том, что 7 августа 2023 года, не имея ни водительского удостоверения, ни соответствующего опыта, самовольно сел за руль КамАЗ-5350 и, не справившись с управлением, врезался в буксируемый штурмовик Су-25СМЗ. В результате столкновения самолет получил повреждения, исключающие его дальнейшую эксплуатацию, а воинская часть временно утратила боеготовность из-за отсутствия резервных воздушных судов. Причиненный ущерб был оценен в 386,8 млн рублей (остаточная стоимость самолета), в результате чего суд назначил Э. 1 год лишения свободы условного с испытательным сроком 1,5 года, а также частично удовлетворил иск Минобороны, взыскав с осужденного 10 млн рублей вместо заявленных 386 млн⁸⁶.

Представляется весьма значимым рассмотрение проблематики разграничения преступлений против порядка бережения военного имущества с составом хищения оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, предусмотренным статьей 226 УК РФ. Данная норма занимает

⁸⁵ Приговор Махачкалинского гарнизонного военного суда от 9 сентября 2021 г. [Электронный ресурс] : <https://mgvs--dag.sudrf.ru> (дата обращения: 01.03.2025).

⁸⁶ Солдат сбил штурмовик «КамАЗом». [Электронный ресурс] : <https://www.kommersant.ru/doc/7714548?ysclid=maobk6w0yq712628623> (дата обращения: 14.05.2025).

особое место в системе уголовно-правовых запретов, поскольку регламентирует ответственность за посягательства на отношения собственности в сфере оборота специфических предметов повышенной общественной опасности.

Необходимо отметить, что юридическая природа составов преступлений, предусмотренных статьями 226 и 346-348 УК РФ, характеризуется существенными различиями в конструкции объективной стороны и правовой направленности уголовно-правового запрета. Статья 226 УК РФ устанавливает ответственность за хищение, то есть корыстное безвозмездное изъятие и обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, тогда как составы преступлений против порядка сбережения военного имущества не предполагают наличия корыстного мотива и направлены на охрану установленного порядка обращения с военным имуществом в рамках военно-служебных отношений.

Принципиальное значение для правильной квалификации имеет анализ субъективной стороны деяния. Хищение оружия по статье 226 УК РФ предполагает наличие у виновного прямого умысла, направленного на безвозмездное изъятие чужого имущества с целью обращения его в свою пользу или в пользу других лиц. Корыстный мотив является обязательным признаком субъективной стороны хищения. В отличие от этого, нарушение правил сбережения военного имущества может совершаться как умышленно, так и по неосторожности, при этом корыстный мотив не является обязательным признаком состава преступления.

Особую сложность представляет квалификация случаев, когда военнослужащий, имея доступ к оружию в силу своих служебных обязанностей, передает его третьим лицам за денежное вознаграждение. В таких ситуациях действия военнослужащего могут квалифицироваться как хищение оружия по статье 226 УК РФ, поскольку налицо корыстный мотив и безвозмездное изъятие имущества из владения собственника. Однако необходимо учитывать, что такие действия одновременно нарушают и

установленный порядок сбережения военного имущества, что порождает вопрос о возможности квалификации по совокупности преступлений.

Важным критерием разграничения является также момент окончания преступления. Хищение оружия считается оконченным с момента изъятия имущества из владения собственника, когда у виновного появляется реальная возможность распорядиться похищенным по своему усмотрению. Преступления против порядка сбережения военного имущества имеют различные конструкции составов: умышленное уничтожение или повреждение военного имущества считается оконченным с момента причинения вреда имуществу, а утрата оружия – с момента фактической потери контроля над ним.

В контексте уголовно-правовой дифференциации, необходимо акцентировать внимание на различиях в субъектном составе рассматриваемых категорий преступлений. Так, субъектом хищения оружия может выступать любое физическое лицо, достигшее установленного уголовным законом возраста, что соответствует концепции общего субъекта преступления. В противоположность этому, субъектами преступлений против порядка сбережения военного имущества являются исключительно военнослужащие и лица, проходящие военные сборы, что конституирует собой признак специального субъекта, обусловленный спецификой их правового статуса и особым характером нарушенных воинских правоотношений. Данное обстоятельство имеет принципиальное значение для правильной квалификации действий гражданских лиц, работающих в военных организациях и имеющих доступ к военному имуществу.

Статья 222 УК РФ предусматривает ответственность за незаконное обращение с оружием, то есть такие действия, которые совершаются без надлежащего разрешения компетентных органов. В то же время военнослужащие получают оружие на законном основании для выполнения служебных обязанностей, и их ответственность за нарушение правил

обращения с таким оружием регламентируются специальными нормами военно-уголовного законодательства.

Особого внимания заслуживает анализ случаев самовольного оставления военнослужащими места службы с оружием. В таких ситуациях возникает конкуренция между статьями 222 и 337, 338 УК РФ, а также составами преступлений против порядка сбережения военного имущества. Представляется, что в данном случае следует исходить из того, что самовольное оставление места службы с оружием одновременно нарушает установленный порядок сбережения военного имущества и создает условия для незаконного обращения с оружием.

Особого внимания заслуживают случаи, когда военнослужащий после самовольного оставления части продолжает незаконно владеть табельным оружием. В таких ситуациях возникает вопрос о квалификации его действий по статье 222 УК РФ, поскольку правовое основание для владения оружием утрачивается с момента самовольного оставления места службы.

Современные угрозы национальной безопасности обусловливают необходимость рассмотрения возможности квалификации нарушений порядка сбережения военного имущества как содействия террористической деятельности в случаях, когда такие нарушения создают условия для доступа к оружию лицам, планирующим совершение террористических актов.

Статья 205.1 УК РФ предусматривает ответственность за содействие террористической деятельности, которое может выражаться, в частности, в финансировании терроризма, предоставлении имущества или оказании услуг, заведомо предназначенных для финансирования организации, подготовки и совершения террористического акта. Под предоставлением имущества понимается не только его передача в собственность, но и предоставление во временное пользование, создание условий для доступа к имуществу.

В контексте военно-служебных отношений особую актуальность приобретает вопрос о возможности квалификации действий военнослужащих, которые путем нарушения установленного порядка сбережения военного

имущества создают условия для доступа к оружию лицам, связанным с террористическими организациями. Такие действия могут квалифицироваться по статье 205.1 УК РФ при условии, что военнослужащий осознавал террористическую направленность деятельности лиц, получивших доступ к оружию.

Важным элементом субъективной стороны содействия террористической деятельности является осведомленность лица о том, что его действия способствуют подготовке или совершению террористических актов. Если военнослужащий не знал о террористических намерениях лиц, получивших доступ к оружию в результате нарушения им правил бережения, то его действия не могут квалифицироваться как содействие террористической деятельности.

Вместе с тем, следует учитывать, что создание условий для доступа к военному имуществу неопределенного круга лиц может рассматриваться как создание угрозы общественной безопасности, что требует соответствующей правовой оценки. В таких случаях действия военнослужащего могут квалифицироваться по статьям 346-348 УК РФ с учетом степени общественной опасности содеянного.

Передача военного имущества иностранным государствам, международным или иностранным организациям либо их представителям может квалифицироваться как государственная измена по статье 275 УК РФ. Данный состав преступления предусматривает ответственность за шпионаж, выдачу государственной тайны либо иное оказание помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении враждебной деятельности в ущерб внешней безопасности Российской Федерации.

Передача военного имущества может рассматриваться как иное оказание помощи иностранному государству или организации, если такая передача осуществляется с целью причинения ущерба внешней безопасности России. При этом не имеет значения, передается ли имущество безвозмездно

или за денежное вознаграждение – важным является цель действия и его направленность против интересов национальной безопасности.

Квалификация действий военнослужащего по статье 275 УК РФ требует установления специального умысла, направленного на причинение ущерба внешней безопасности Российской Федерации. Если военнослужащий передает военное имущество иностранным лицам исключительно из корыстных побуждений, не осознавая при этом возможных последствий для национальной безопасности, то его действия не могут квалифицироваться как государственная измена.

Современные вооруженные силы все больше полагаются на сложные информационные системы, программное обеспечение и цифровые технологии, что требует переосмысления традиционных подходов к понятию военного имущества и способов его защиты.

Информационные системы военного назначения представляют собой комплексы программно-аппаратных средств, предназначенных для обеспечения управления войсками, связи, разведки, радиоэлектронной борьбы и решения других задач военного характера. Такие системы содержат в себе как материальные компоненты (серверы, компьютеры, средства связи), так и нематериальные элементы (программное обеспечение, базы данных, алгоритмы).

Квалификация действий, связанных с повреждением или уничтожением информационных систем военного назначения, требует анализа того, что именно является предметом преступного посягательства. Если речь идет о физическом повреждении или уничтожении технических средств, то такие действия могут квалифицироваться по статьям 346-347 УК РФ как посягательства на предметы военной техники.

Значительно сложнее обстоит дело с квалификацией действий, направленных на нарушение функционирования информационных систем путем воздействия на программное обеспечение. Удаление, модификация или блокирование программного обеспечения военного назначения может

парализовать работу сложных технических комплексов, но при этом не причиняет физического вреда материальным носителям.

Представляется, что программное обеспечение военного назначения должно рассматриваться как составная часть предметов военной техники, поскольку современные образцы вооружения и военной техники невозможно представить без соответствующего программного обеспечения. Следовательно, действия, направленные на уничтожение или повреждение такого программного обеспечения, должны квалифицироваться по статьям 346-347 УК РФ.

Особую сложность представляет квалификация кибератак на военные объекты, осуществляемых с использованием сети Интернет. Такие атаки могут быть направлены на выведение из строя систем управления войсками, нарушение работы средств связи, искажение данных разведки и другие цели. Если такие действия совершаются военнослужащими, имеющими доступ к соответствующим информационным системам, то они могут квалифицироваться по статьям 346-347 УК РФ.

Вместе с тем, кибератаки на военные объекты могут рассматриваться и как диверсии, предусмотренные статьей 281 УК РФ, если они совершаются с целью подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации. Разграничение составов в данном случае должно проводиться исходя из целей и мотивов действий виновного лица.

Программное обеспечение военной техники как предмет преступления представляет собой особую категорию объектов уголовно-правовой охраны. Современные образцы вооружения и военной техники оснащаются сложными программно-аппаратными комплексами, которые обеспечивают их функционирование, управление и взаимодействие с другими системами.

Специфика программного обеспечения заключается в том, что оно может быть скопировано, модифицировано или уничтожено без физического воздействия на материальные носители. Это создает новые возможности для

совершения преступлений против порядка сбережения военного имущества, которые не были известны ранее.

Утрата программного обеспечения может произойти в результате неосторожных действий военнослужащих при обслуживании техники, неправильного хранения носителей информации, воздействия вредоносных программ или преднамеренных действий по его уничтожению. Во всех случаях такая утрата может привести к выходу из строя дорогостоящих образцов военной техники и снижению боеготовности воинских частей.

Представляется необходимым законодательное закрепление программного обеспечения военного назначения в качестве предмета преступлений против порядка сбережения военного имущества. Это позволит обеспечить адекватную уголовно-правовую защиту данных объектов и устранить пробелы в действующем законодательстве.

Кибератаки на военные объекты представляют собой новый вид угроз, который требует специального рассмотрения в контексте уголовно-правовой защиты военного имущества. Такие атаки могут осуществляться как изнутри военных организаций путем несанкционированного доступа к информационным системам, так и извне с использованием сети Интернет.

Внутренние кибератаки могут совершаться военнослужащими, имеющими доступ к информационным системам военного назначения. Мотивы таких действий могут быть различными: от корыстных побуждений до идеологических соображений или психических расстройств. Квалификация таких действий зависит от характера причиненного вреда и целей виновного лица.

Внешние кибератаки на военные объекты чаще всего совершаются с целью получения секретной информации, нарушения управления войсками или причинения вреда обороноспособности страны. Такие действия могут квалифицироваться как шпионаж, диверсия или иные преступления против основ конституционного строя и безопасности государства.

Особенностью кибератак является их трансграничный характер - они могут осуществляться из любой точки мира, что создает дополнительные сложности для их расследования и предотвращения. Это требует развития международного сотрудничества в сфере борьбы с киберпреступностью и совершенствования национального законодательства.

Развитие искусственного интеллекта и автономных систем вооружения создает новые вызовы для уголовного права. Если сбой в работе системы искусственного интеллекта приводит к повреждению или уничтожению военной техники, то возникает вопрос о том, можно ли рассматривать это как преступление и кто должен нести ответственность. Представляется, что ответственность должна возлагаться на лиц, ответственных за техническое обслуживание и эксплуатацию таких систем, если будет доказано, что сбой произошел в результате нарушения ими установленных правил.

Квантовые технологии и криптография также создают новые вызовы для военной сферы. Развитие квантовых компьютеров может привести к устареванию существующих методов шифрования, что создаст угрозы для безопасности военных информационных систем. Это требует постоянного совершенствования средств защиты информации и соответствующего развития уголовного законодательства.

Беспилотные летательные аппараты и другие роботизированные системы становятся все более распространеными в военной сфере. Их утрата, повреждение или несанкционированное использование может причинить значительный ущерб как в материальном, так и в информационном плане. Это требует специального рассмотрения вопросов квалификации преступлений, связанных с такими системами.

Интернет вещей в военной сфере предполагает создание сетей взаимосвязанных устройств, которые могут обмениваться данными и координировать свои действия. Нарушение функционирования таких сетей может привести к серьезным последствиям для обороноспособности страны, что требует соответствующей уголовно-правовой защиты.

Блокчейн-технологии могут использоваться для защиты военной информации и обеспечения целостности данных. Вместе с тем, их применение создает новые возможности для совершения преступлений, связанных с модификацией или уничтожением информации, что требует соответствующего правового регулирования.

Виртуальная и дополненная реальность находят все большее применение в военной сфере для обучения военнослужащих, планирования операций и управления войсками. Нарушение функционирования таких систем может привести к серьезным последствиям, что требует их соответствующей уголовно-правовой защиты.

Облачные технологии и распределенные вычисления создают новые возможности для хранения и обработки военной информации, но одновременно создают и новые угрозы. Несанкционированный доступ к облачным сервисам или их нарушение может причинить значительный ущерб военной организации.

Существенным недостатком действующего законодательства является отсутствие специального состава преступления, который бы охватывал неправомерные действия в отношении программного обеспечения военного назначения. Современные военные информационные системы включают в себя сложные программные комплексы, нарушение работоспособности которых может повлечь серьезные негативные последствия для обороноспособности страны. Однако существующие составы преступлений не позволяют в полной мере учесть специфику данных объектов посягательства.

В целях устранения выявленных правовых пробелов представляется целесообразным дополнить статью 272 УК РФ специальным квалифицирующим признаком, предусматривающим повышенную ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации военного назначения. Данное предложение обусловлено тем, что военная информация имеет особую ценность и её неправомерное использование может

причинить значительный ущерб интересам обороны и безопасности государства.

Кроме того, для устраниния существующего правового несоответствия целесообразно консолидировать нормы, предусмотренные статьями 346-348 УК РФ, в единый состав преступления. Учитывая сходство данных деяний с диверсионной деятельностью по характеру общественной опасности, такую объединенную норму следует включить в раздел преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства.

Диверсия и умышленное уничтожение военного имущества полностью конгруэнтны по объекту уголовно-правовой защиты, возможным способам выполнения объективной стороны состава каждого преступления и предметам преступного посягательства, причем – безотносительно соответствия виновного лица требованиям статьи 331 УК РФ.

В целях усиления уголовно-правовой охраны оборонного потенциала государства и устраниния пробелов в действующем законодательстве, предлагается дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации статьей 281.4, изложив её в следующей редакции:

«Статья 281.4. Уничтожение, повреждение или утрата продукции военного назначения, повлекшие утрату боевой готовности.

1. Уничтожение, повреждение либо утрата продукции военного назначения, повлекшие потерю воинским формированием установленной степени боевой готовности к выполнению задач по предназначению, наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет.

2. Те же деяния, совершенные:

а) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

б) в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, – наказываются лишением свободы на срок от восьми до двенадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься

определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, повлекшие тяжкие последствия для обороноспособности Российской Федерации, наказываются лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет».

Предлагаемая унификация норм уголовного права позволит обеспечить единообразное толкование и применение судами норм, регулирующих схожие правоотношения, повысив тем самым эффективность защиты общественных интересов в данной сфере. В аспекте юридического толкования она устранит конкуренцию между нормами статей 281 и 346-348 УК РФ в части предмета и субъекта преступления, а также позволит четко разграничить составы преступлений по признакам субъективной стороны. Кроме того, в области систематизации уголовного законодательства унификация будет способствовать оптимизации структуры уголовно-правовых запретов и укреплению как законности, так и стабильности судебной практики.

Предпринятый анализ выявляет ряд значимых пересечений между деяниями, нарушающими регламентированный порядок сбережения военного имущества (статьи 346-348 УК РФ), и определенными составами общеуголовных преступлений. Однако, демаркационные критерии между ними включают: во-первых, дивергенцию в основном объекте преступного посягательства, детерминированную спецификой военно-служебных правоотношений; во-вторых, номенклатурную ограниченность предметов преступления в рамках специальных военно-уголовных составов; в-третьих, своеобразие объективной стороны, что приобретает особую актуальность в контексте статьи 224 УК РФ.

При осуществлении уголовно-правовой квалификации противоправных действий военнослужащих, выразившихся в ненадлежащем сбережении военного имущества, органы военного следствия испытывают существенные сложности. Эти трудности обусловлены, во-первых, необходимостью точного определения принадлежности имущества к категории военной техники в

соответствии с требованиями статей 346-348 УК РФ, во-вторых, сложностями в доказывании наступления тяжких последствий в результате повреждения или уничтожения такой техники.

Также предлагаем внести в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 N 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» соответствующие дополнения.

Так пункт 81 данного Постановления предлагаем дополнить абзацем следующего содержания: «В тех случаях, когда уничтожению или повреждению механических транспортных средств, относящихся к военному имуществу, предшествовал их угон, содеянное, при наличии к тому оснований, следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 166 УК РФ и 346 или 347 УК РФ».

Пункт 83 данного Постановления предлагаем дополнить абзацем следующего содержания: «Если нарушение правил сбережения вверенных для служебного пользования оружия, боеприпасов или предметов военной техники, повлекшее по неосторожности их утрату, привело к причинению смерти человека, то содеянное, при наличии к тому оснований, следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных статьёй 348 УК РФ и соответствующими частями статьи 224 УК РФ». Этот же пункт необходимо дополнить следующим абзацем: «Если лицо, совершившее утрату военного имущества, обладает всеми признаками должностного лица, предусмотренного Примечанием 1 к статье 285 УК РФ, то содеянное им, при наличии к тому оснований, следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 348 и 293 УК РФ»

3.2. Отграничение преступлений против порядка сбережения военного имущества от иных преступлений против военной службы

Анализ правовой природы преступлений, связанных с нарушением порядка сбережения оружия, боеприпасов и военной техники (ст.ст. 346-348

УК РФ), выявляет их двойственную характеристику. С одной стороны, наблюдаются существенные параллели с отдельными общеуголовными составами, с другой, наблюдается четкая системная взаимосвязь с иными воинскими преступлениями через совпадение отдельных компонентов состава.

В рамках настоящего параграфа будет осуществлен системный анализ основополагающих критериев дифференциации уголовно-правовых составов, регламентирующих посягательства на порядок сбережения военного имущества (статьи 346-348 УК РФ), от иных категорий преступлений против военной службы.

Статьи 346-348 УК РФ и статьи 350-352 УК РФ

В рамках системы уголовного права выделяется обособленная категория противоправных деяний, объектом которых выступает нарушение установленного порядка эксплуатации военной техники, отличная от составов, регламентирующих умышленное или неосторожное повреждение военного имущества. Данная категория включает в себя три самостоятельных состава преступлений: 1) противоправные действия при эксплуатации транспортных средств, предусмотренные статьей 350 Уголовного кодекса Российской Федерации; 2) нарушения правил осуществления или подготовки полетов, ответственность за которые установлена статьей 351 Уголовного кодекса Российской Федерации; 3) несоблюдение правил кораблевождения, регламентированное статьей 352 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Так, повреждение рядовым М. боевой машины – БТР-82А в результате ее затопления в море вследствие нарушений правил ее эксплуатации, повлекших смерть рядового М. и члена экипажа рядового Р., органами предварительного следствия квалифицировано по ч. 2 ст. 350 УК РФ⁸⁷.

⁸⁷ 28 июня 2019 года уголовное дело и уголовное преследование рядового М., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 350 УК РФ, прекращено на основании п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ / Контрольное производство по уголовному делу № 12002001441000076 // Архив 315 военного следственного отдела Следственного комитета Российской Федерации.

Обстоятельства дела: в соответствии с планом учения 7 октября 2018 года проводилась высадка сил тактического морского десанта Каспийской флотилии на необорудованное побережье в районе рыболовецкого колхоза «Турали-4» г. Каспийска Республики Дагестан. В 11 часов 50 минут 7 октября 2018 года два бронетранспортера десантно-штурмовой роты войсковой части 00000 марки 82А произвели высадку с десантного корабля в Каспийское море. После высадки на плав, ввиду попадания воды в воздухозаборную трубу и выключения водооткачиваемой системы, вышеуказанные бронетранспортеры затонули. Силами спасательно-эвакуационной группы личный состав одного бронетранспортера эвакуирован в полном составе, при эвакуации личного состава другого бронетранспортера военнослужащий рядовой Р. захлебнулся и погиб, военнослужащий рядовой М. пропал без вести.

Вместе с тем, если помимо последствий, указанных в статье 350 УК РФ, в результате совершенного деяния наступили последствия в виде повреждения или уничтожения боевой, специальной или транспортной машины, содеянное необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных указанной статьей и при наличии оснований статьей 347 УК РФ⁸⁸, поскольку «имеет место посягательство на два объекта, охраняемых уголовным законом»⁸⁹. В этой связи нарушение правил эксплуатации боевой машины БТР-82А, повлекшее по неосторожности смерть двух лиц, а также ее затопление и последующее повреждение, на наш взгляд, следует квалифицировать по совокупности статей 350 и 347 УК РФ.

Не будет совокупности данных преступлений при нарушении правил вождения или эксплуатации машин, повлекших уничтожение или повреждение военного имущества, но в отсутствии последствий, указанных в диспозиции статьи 350 УК РФ (гибель людей, вред здоровью). В таком случае

⁸⁸ п. 101 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы».

⁸⁹ Военно-уголовное законодательство Российской Федерации: Научно-практический комментарий. Серия «Право в Вооруженных Силах – консультант» / Под. общ. ред. Н.А. Петухова. – М.: «За права военнослужащих», 2004. Вып. 47. С. 251.

деяние следует квалифицировать по статье 347 УК РФ. Разумеется, если речь идет о нарушении правил вождения либо эксплуатации машин, отнесенных к военной технике.

Так, действия рядового Б., выразившиеся в уничтожении военной техники – изделия АПП-90ПМ в результате дорожно-транспортного происшествия, в связи с которым оно стало непригодно для эксплуатации, чем Министерству обороны Российской Федерации причинен ущерб на сумму 2 355 542 руб., 7 сентября 2021 г. Краснодарским гарнизонным военным судом квалифицированы по ст. 347 УК РФ⁹⁰.

Обстоятельства дела: около 00 часов 20 минут 29 декабря 2020 года Б. в ходе несения службы в суточном наряде, управляя изделием АПП-90ПМ на территории аэродрома «К», нарушил требования пп. 1.5, 10.1 Правил дорожного движения Российской Федерации, требования ст. 25 Наставления по автомобильной службе, требования п. 27 Инструкции по организации движения автотранспорта средств наземного обеспечения полетов и пешеходов на аэродромах авиации, требования инструкции водителя-прожекториста, во время движения проявил невнимательность к дорожной обстановке и дорожным условиям, превысил безопасную и разрешённую для движения на изделии АПП-90ПМ скорость на территории аэродрома, во время движения, подкуривая сигарету, отвёлся от управления изделия АПП-90ПМ, в результате чего не справился с управлением и допустил неконтролируемый выезд передним и задним правыми колесами автомобиля на обочину, а затем на грунтовую поверхность с земляной возвышенностью, что повлекло опрокидывание изделия АПП-90ПМ.

Преступления, предусмотренные статьями 351 и 352 УК РФ, имеют своим непосредственным объектом установленный порядок эксплуатации военной техники, основной функцией которого выступает обеспечение безопасности при ее использовании. В отличие от этого, составы

⁹⁰ Приговор Краснодарского гарнизонного военного суда от 7 сентября 2021 г. [Электронный ресурс] : <https://gvs--krd.sudrf.ru> (дата обращения: 01.03.2025).

преступлений, закрепленные в статьях 346 и 347 УК РФ (уничтожение или повреждение военного имущества), охраняют принципиально иной правовой интерес – порядок сбережения военного имущества, который преследует цели предотвращения как материального ущерба, так и организационных потерь, а также обеспечения сохранности особо значимых категорий военного имущества. Такое разграничение объектов уголовно-правовой системы подчеркивает дифференцированный подход законодателя к защите различных аспектов функционирования военной организации государства.

Субъективная сторона составов преступлений, предусмотренных статьями 351 и 352 УК РФ, предполагает исключительно неосторожную форму вины, что в рассматриваемом случае делает юридически невозможной квалификацию деяния по совокупности со статьей 346 УК РФ.

Субъектный состав преступлений, связанных с нарушением порядка эксплуатации военной техники, в отличие от составов, предусмотренных статьями 346 и 347 УК РФ (где субъектом может выступать любой военнослужащий), ограничен строго определенным кругом лиц, а именно военнослужащими, на которых непосредственно возложены обязанности по эксплуатации соответствующих видов военной техники.

Если нарушение вышеназванных правил выступает в качестве способа умышленного уничтожения или повреждения военного имущества, то данное деяние необходимо квалифицировать по статье 346 УК РФ.

Таким образом, нарушение правил вождения или эксплуатации боевой, специальной или транспортной машины, повлекшее наряду с последствиями, указанными в статье 350 УК РФ, последствия, указанные в статье 347 УК РФ – необходимо квалифицировать по совокупности статей 350 и 347 УК РФ. При отсутствии последствий, указанных в статье 350 УК РФ, но повлекшие тяжкие последствия, или совершение вышеназванных нарушений умышленно – квалифицировать по статье 347 УК РФ или статье 346 УК РФ, соответственно. Обязательным условием является отнесение специальной либо транспортной машины к предметам военной техники.

Отграничение самовольного оставления части или места службы (статья 337 УК РФ) и дезертирства (статья 338 УК РФ) при сопряженности с утратой военного имущества

Анализ правоприменительной практики показывает, что в случаях самовольного оставления части или дезертирства с оружием возникает вопрос о необходимости дополнительной квалификации действий военнослужащего по статьям 346-348 УК РФ. Представляется, что такая квалификация не требуется, поскольку указанные составы уже охватывает нарушение порядка сбережения военного имущества в части незаконного изъятия оружия из расположения воинской части.

Вместе с тем, если в ходе самовольного оставления части или дезертирства военнослужащий умышленно уничтожает или повреждает военное имущество, то такие действия требуют самостоятельной квалификации по соответствующим статьям УК РФ. Например, если военнослужащий, самовольно оставивший воинскую часть, скрываясь от преследования, поджигает военную технику, то его действия должны квалифицироваться по совокупности статей 337 и 346 УК РФ.

Проблема квалификации также возникает, когда самовольное оставление части или дезертирство сопряжено с утратой военного имущества. В таких случаях необходимо установить, является ли утрата имущества самостоятельным преступлением, требующим дополнительной квалификации, или она поглощается основным составом уклонения от службы.

Наиболее распространенная ситуация заключается в том, что утрата военного имущества происходит как следствие или побочный результат самовольного отсутствия военнослужащего. Это может произойти по различным причинам:

- небрежность в обращении с имуществом в период отсутствия: военнослужащий, покидая часть, мог оставить вверенное ему оружие или

снаряжение в неподложенном месте, что привело к его потере или хищению третьими лицами;

- утрата в процессе передвижения: при попытке уклонения от службы военнослужащий мог потерять имущество при бегстве, преодолении препятствий или в иных условиях, сопряженных с повышенным риском утраты;
- невозможность надлежащего контроля: сам факт отсутствия военнослужащего на службе лишает его возможности осуществлять контроль и сбережение вверенного имущества, что создает предпосылки для его утраты.

Все дело в том, что несмотря на временную или полную утрату военнослужащим своего служебного положения и обязанностей по службе, обязанность по сбережению вверенного ему военного имущества сохраняется вне зависимости от его фактического местонахождения. Иными словами, даже находясь вне расположения части, военнослужащий продолжает нести ответственность за сохранность государственного имущества, которое ему было вверено для исполнения воинских обязанностей.

Например, рядовой Н., находясь в увольнении, не вернулся в часть в установленный срок, совершив самовольное оставление части. При этом, покидая расположение части, он по неосторожности оставил в казарме вверенный ему автомат Калашникова, который впоследствии был обнаружен и похищен посторонним лицом. В данном случае действия рядового Н. следует квалифицировать по совокупности ч. 1 ст. 337 УК РФ (самовольное оставление части) и ч. 1 ст. 348 УК РФ (утрата военного имущества по неосторожности, повлекшая тяжкие последствия), поскольку автомат был похищен и исключен из боевого оборота, что является тяжким последствием. Утрата автомата не являлась целью уклонения от службы, но стала ее непосредственным результатом по неосторожности.

Это подтверждает, что объекты уголовно-правовой охраны в статьях 337/338 УК РФ (порядок прохождения военной службы) и статье 348 УК РФ (порядок сбережения военного имущества) являются различными.

Следовательно, нарушение каждого из этих объектов требует самостоятельной уголовно-правовой оценки. Иная позиция, предполагающая поглощение утраты имущества составом уклонения от службы, могла бы привести к недооценке общественной опасности деяния, поскольку вред причиняется не только дисциплине, но и материально-техническому обеспечению обороноспособности государства.

Более сложной для квалификации является ситуация, когда уничтожение, повреждение или утрата военного имущества осуществляется военнослужащим намеренно с целью облегчения или обеспечения своего самовольного отсутствия либо дезертирства. Здесь умысел виновного направлен не только на уклонение от службы, но и на активное причинение вреда имуществу.

В случае, если военнослужащий, чтобы избежать отправки в командировку или на боевое задание, умышленно повреждает транспортное средство или часть оборудования, которое должно было его перевезти, или уничтожает свои личные документы, содержащие важную служебную информацию (если они являются военным имуществом), его действия будут квалифицироваться по совокупности статей 337 или 338 УК РФ и статье 346 УК РФ. В данном случае, повреждение или уничтожение имущества является средством совершения другого преступления. Здесь важно установить наличие прямого или косвенного умысла на причинение вреда имуществу. Например, военнослужащий М., не желая участвовать в боевых действиях, перед отправкой на фронт умышленно повредил оптический прицел своего оружия, чтобы получить отстранение. Его действия были квалифицированы по ч. 1 ст. 337 УК РФ и ч. 1 ст. 346 УК РФ, так как повреждение оружия было средством избежать службы.

Уничтожение или повреждение военного имущества и преступления против порядка несения специальных служб (340-344 УК РФ)

Действующее законодательство к преступлениям против порядка несения специальных видов служб относит следующие: нарушение правил

несения боевого дежурства (статья 340 УК РФ), нарушение правил несения пограничной службы (статья 341 УК РФ), нарушение уставных правил караульной службы (статья 342 УК РФ), нарушение правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности (статья 343 УК РФ), нарушение уставных правил несения внутренней службы и патрулирования в гарнизоне (статья 344 УК РФ). В уголовно-правовом регулировании преступлений против порядка несения специальных служб (ст. 340-344 УК РФ) тяжкие последствия выполняют различную нормативную функцию: в квалифицированных составах статей 340-343 УК РФ они выступают обязательным признаком, тогда как в статье 344 УК РФ образуют основной состав преступления, что обуславливает необходимость их четкого ограничения от составов, предусмотренных статьями 346-347 УК РФ. Особого внимания заслуживает анализ способа совершения преступления, когда таковым является уничтожение военного имущества. Следует отметить, что все указанные нормы (ст. 340-344 УК РФ) имеют бланкетный характер и предполагают нарушение специальных ведомственных регламентов, устанавливающих порядок несения соответствующих видов специальной службы.

Проведенный сравнительный анализ позволяет выделить принципиальное различие в объектах уголовно-правовой защиты: нормы гл. 33 УК РФ (ст. 340-344) охраняют комплекс общественных отношений по обеспечению безопасности при несении специальных служб, тогда как ст. 346-348 УК РФ защищают узкоспециализированные отношения по сохранности военного имущества. Эта дифференциация объектов закономерно влечет различия в иных элементах составов.

Нормативная конструкция преступлений против порядка несения специальных служб предполагает, что их объективная сторона выражается в нарушении ведомственных регламентов, регулирующих конкретный вид службы. При этом наступившие последствия должны находиться в прямой связи с функциональным назначением соответствующей службы. Например,

при нарушении правил боевого дежурства (ст. 340 УК РФ) ущерб причиняется интересам государственной безопасности, а при ненадлежащем несении караульной службы (ст. 342 УК РФ) – охраняемому объекту. Когда же повреждение военного имущества становится следствием таких нарушений, причем сохранность этого имущества входила в задачи специальной службы, содеянное полностью квалифицируется по соответствующим статьям 340-344 УК РФ без необходимости дополнительной ссылки на нормы о повреждении военного имущества (ст. 346-347 УК РФ).

Умышленное уничтожение или повреждение военного имущества, совершаемое во время несения некоторых видов специальной службы, представляет собой «редко встречаемую категорию деяний, которые внешне могут проявляться как деяние – нарушение, и как деяние – последствие»⁹¹. Механизмы совершения таких деяний, по мнению А.А. Тер-Акопова, своеобразны: «если обычные нарушения правил выражается в совершении деяния, а затем – наступлении последствий, то данный тип имеет, как бы обратный механизм действия: совершаются действия – последствия, которые представляют собой одновременно нарушения каких-то специальных правил»⁹².

Утрата военного имущества (статья 348 УК РФ) и нарушение правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих (статья 349 УК РФ).

Нарушение правил обращения с оружием и материалами, содержащими взрывчатые вещества, предусмотренное статьей 349 УК РФ, тесно связано с преступлениями против порядка сбережения военного имущества, но имеет свою специфику, которая требует детального анализа для правильной квалификации.

⁹¹ Тер-Акопов А.А. Ответственность за нарушения специальных правил поведения. Юр. Лит. – М., 1995. – С. 17.

⁹² См. Там же. – С. 18.

Основное различие между составами преступлений, предусмотренных статьями 346-348 и 349 УК РФ, заключается в характере нарушаемых правил. Статьи 346-348 УК РФ устанавливают ответственность за нарушение правил сбережения военного имущества, то есть правил, направленных на обеспечение его сохранности и предотвращение утраты. Статья 349 УК РФ предусматривает ответственность за нарушение правил обращения с оружием, которые регламентируют порядок его использования, транспортировки, технического обслуживания и ремонта.

Например, если военнослужащий при чистке оружия нарушает технические требования безопасности, что приводит к его повреждению, то такие действия могут квалифицироваться как по статье 347 УК РФ (неосторожное повреждение военного имущества), так и по статье 349 УК РФ (нарушение правил обращения с оружием).

Вопрос о конкуренции указанных норм должен решаться исходя из преимущественной направленности нарушенных правил. Если нарушение правил обращения с оружием носило технический характер и не было направлено на обеспечение его сохранности, то применяется статья 349 УК РФ. Если же нарушение правил обращения одновременно нарушает и требования по сбережению военного имущества, то возможна квалификация по совокупности преступлений.

Важным критерием разграничения является также характер наступивших последствий. Статья 349 УК РФ предусматривает ответственность за нарушение правил обращения с оружием, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека или иные тяжкие последствия. Статьи 346-347 УК РФ устанавливают ответственность за уничтожение или повреждение военного имущества, при этом характер последствий может быть различным.

Процедура разграничения преступлений, в основе которых лежит нарушение правил, имеет свои особенности, одна из которых связана с комплексным характером специальных правил, то есть когда одно правило

регулирует одновременно различные отношения. Комплексные правила предназначены одновременно решать обе эти задачи. «Уголовное же законодательство, напротив, устанавливает ответственность за нарушения конкретных видов правил»⁹³, что в свою очередь потребует дифференцирования правил и определение конкретно нарушенного из них. В этом отношении нельзя не согласиться с мнением А.С. Самойлова: «... идеальным представлялось бы положение, при котором каждое правило имело свое предельно узкое, сугубо специфичное назначение»⁹⁴.

Нормативные акты, регламентирующие обращение с оружием и другими особо опасными объектами, выполняют двуединую функцию: они одновременно обеспечивают: а) безопасность персонала и гражданского населения и б) сохранность военного имущества. В этом аспекте данные предписания полностью соответствуют целям законодательства о защите военной собственности.

Яркой иллюстрацией этого положения служат требования Инструкции по хранению авиационных бомб, где особое внимание уделяется температурному режиму. Нарушение установленных параметров в сторону понижения температуры делает боеприпас полностью непригодным для использования, тогда как превышение температурных показателей (особенно при возникновении пожара) может спровоцировать самопроизвольную детонацию, что в полной мере проявляет опасные свойства данного вида вооружения. Здесь поддержание требуемого температурного режима выполняет двойную защитную функцию: гарантирует как целостность боеприпасов, так и безопасность персонала и гражданских лиц. Соответствующее нормативное положение, закрепляющее это требование,

⁹³ Самойлов А.С. Квалификация преступлений против порядка оборота оружия в ВС РФ. М., ВУ. – 1997. – С.69.

⁹⁴ Самойлов А.С. Цит. соч. – С. 66.

«в уголовно-правовом плане считается одновременно и правилом хранения, и правилом обращения»⁹⁵.

Так, например, 28 июля 2003 г. в одной из частей Кантемировской дивизии в результате грубых нарушений правил противопожарной безопасности при загрузке боеприпасов в танки, в результате возникшего в хранилище парка боевых машин пожара и последующих взрывов боекомплекта (46 выстрелов) один человек погиб (рядовой пожарной команды З.), еще двое военнослужащих, в том числе командир полка полковник Г., получили телесные повреждения различной степени тяжести. Выведены из строя девять танков, пять танкоремонтных машин и шесть единиц автомобильной техники, полностью разрушено и уничтожено хранилище. Ущерб составил около 37 млн. 250 тыс. 900 рублей⁹⁶.

Анализ правоприменительной практики в сфере военно-уголовного права выявляет насущную проблему, связанную с квалификацией нарушений специальных нормативных актов, приводящих к утрате военного имущества. Зачастую возникает коллизия при разграничении составов преступлений, предусмотренных статьей 348 УК РФ и статьей 349 УК РФ. Основная сложность обусловлена внешней схожестью противоправных действий, заключающихся в несоблюдении установленных регламентов. Кроме того, двойственная природа самих нормативных требований, регулирующих одновременно как порядок эксплуатации, так и условия хранения потенциально опасных объектов, существенно затрудняет их четкое разграничение. Это создает определенные трудности для правоприменителей и требует выработки четких критериев квалификации для обеспечения единообразного подхода к ответственности за данные правонарушения.

⁹⁵ Самойлов А.С. Квалификация преступлений против порядка оборота оружия в ВС РФ. М., ВУ. –1997. – С. 68.

⁹⁶ Савенков А.Н. Выступление на коллегии Минобороны России с повесткой дня: «О ходе и результатах выполнения в Вооруженных Силах Российской Федерации мероприятий антитеррористической направленности и по предотвращению террористических актов» 18.04.2003 // Информационный бюллетень ГВП. – 2003. №5(163). – С. 59-60.

Решающим критерием при дифференциации уголовно-наказуемых деяний служит специфика причинённого вреда: «Давая уголовно-правовую оценку фактически наступившим последствиям, правоприменитель устанавливает, нарушением какого именно правила оно было порождено»⁹⁷. В процессе уголовно-правовой оценки устанавливается причинно-следственная связь между нарушением конкретных правил и фактическим результатом. Если несоблюдение регламентов привело к активизации опасных свойств военного имущества (взрыв, возгорание и т.п.), что повлекло его уничтожение, деяние подлежит квалификации по ст. 349 УК РФ. В качестве примера можно привести нарушение температурного режима хранения боеприпасов, когда перегрев вызвал их детонацию с последующим материальным ущербом – такой случай однозначно подпадает под действие ст. 349 УК РФ. Однако аналогичное по форме нарушение (например, несоблюдение того же температурного режима), но не вызвавшее проявления опасных свойств (скажем, при понижении температуры), хотя и приведшее к порче имущества, квалифицируется уже по ст. 348 УК РФ. Решающее значение имеет именно реализация потенциальной опасности, заложенной в свойствах предмета.

С позиции уголовного законодательства утрата военного имущества может проявляться в двух ключевых формах: 1) физическое уничтожение материальных объектов (включая разрушение при детонации боеприпасов) и 2) полная утрата функциональных качеств, делающая невозможным использование по целевому назначению (без реализации опасных характеристик). Следует напомнить, что «утрата включает в себя не только потерю, но и гибель предмета (вещь сгорела, утонула и тому подобное), а также похищение или уничтожение этого имущества»⁹⁸.

Особые требования законодательство предъявляет к обращению именно с оружием и боеприпасами, что обусловлено их повышенной общественной

⁹⁷ Самойлов А.С. Квалификация преступлений против порядка оборота оружия в ВС РФ. М., ВУ. - 1997. – С. 67.

⁹⁸ Уголовное право Российской Федерации. Воинские преступления. ВАЭФиП. - М., – 1993. – С. 150.

опасностью: субъектом преступления здесь может выступать любой военнослужащий, фактически владеющий этими предметами, независимо от их официального вверения. В отличие от предыдущего состава, преступление по статье 348 УК РФ характеризуется специальным субъектом – к ответственности могут привлекаться только военнослужащие, официально получившие данное имущество для служебного использования.

Таким образом, несмотря на частичное сходство субъектного состава статей 348 и 349 УК РФ, их нельзя считать полностью идентичными. Ключевое различие заключается в обязательности признака официального вверения имущества для ст. 348 УК РФ, что имеет принципиальное значение для правильной квалификации деяний.

В тех случаях, когда нарушение правил не вызвало проявления опасных характеристик предмета, но привело к его утрате (например, вследствие порчи или потери), содеянное квалифицируется по статье 348 УК РФ. Ключевым критерием разграничения выступает именно факт реализации деструктивного потенциала предмета, что определяет выбор соответствующей нормы уголовного закона.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Повреждение военного имущества в результате его неправомерного завладения с учетом уникальности поврежденного военно-технического средства, его значимости для обеспечения боевой способности подразделения следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 166 и ст. 347 УК РФ;

2. Если уничтожение или повреждение военного имущества стало результатом нарушения правил несения специальных видов службы, это деяние будет рассматриваться как состав идеальной совокупности преступлений. В иных случаях такие нарушения квалифицируются согласно статьям 340-344 УК РФ, и дополнительной квалификации по статье 346 УК РФ не требуется.

3. Нарушение правил вождения или эксплуатации боевой, специальной или транспортной машины, повлекшее наряду с последствиями, указанными в статье 350 УК РФ, последствия, указанные в статье 347 УК РФ – необходимо квалифицировать по совокупности статей 350 и 347 УК РФ. При отсутствии последствий, указанных в статье 350 УК РФ, но повлекшие тяжкие последствия, или совершение вышеназванных нарушений умышленно – квалифицировать по статье 347 УК РФ или статье 346 УК РФ, соответственно. Обязательным условием является отнесение специальной либо транспортной машины к предметам военной техники.

4. Различие в квалификации по статьям 348 и 349 УК РФ заключается в обязательности признака официального вверения имущества, а также в вопросе реализации потенциальной опасности, заложенной в свойствах предмета.

Заключение

Неукоснительное выполнение военнослужащими требований по содержанию военного имущества в надлежащем состоянии, обеспечению его сохранности, постоянной боеготовности и правильному использованию в полном соответствии с установленными регламентами представляет собой фундаментальную основу поддержания воинской дисциплины и выступает ключевым элементом системы обеспечения обороноспособности государства.

К полученным результатам теоретического и прикладного характера исследования относятся следующие научные выводы:

1. В современной российской юриспруденции сформирована специализированная система уголовно-правовых норм, комплексно регламентирующих ответственность за противоправные деяния, посягающие на сферу обеспечения сохранности военного имущества. Данный правовой институт охватывает три ключевых состава преступлений: умышленное повреждение военного имущества (статья 346 Уголовного кодекса Российской Федерации), повреждение военного имущества вследствие неосторожности (статья 347 Уголовного кодекса Российской Федерации) и утрата военного имущества (статья 348 Уголовного кодекса Российской Федерации). Указанные нормативные положения направлены на обеспечение должного уровня защиты военного имущества, обладающего стратегической значимостью для поддержания обороноспособности государства.

Функциональное назначение этих норм заключается в создании правовых гарантий поддержания боеготовности войск и их способности выполнять возложенные задачи. Особая значимость данного института обусловлена тем, что недостаточная сохранность, неудовлетворительное техническое состояние или полная утрата военного имущества существенно ограничивают оперативные возможности воинских формирований. В особых условиях (военное положение, боевые действия, вооруженные конфликты) подобные правонарушения приобретают особую социальную опасность,

поскольку напрямую угрожают обороноспособности государства и эффективности выполнения боевых задач.

2. Понятие «военное имущество» необходимо рассматривать в широком и в узком смысле слова. Военное имущество в узком смысле является предметом преступлений, предусмотренных статьями 346-348 УК РФ, и включает в себя только оружие, боеприпасы и предметы военной техники. «Военное имущество» в широком смысле слова следует рассматривать как находящиеся в государственной собственности материальные объекты из числа перечня продукции военного назначения, перечисленные в статье 1 Федерального закона от 19 июля 1998 года № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами». Особую категорию в рамках широкого понимания военного имущества составляют информационные ресурсы и интеллектуальная собственность военного назначения, включающие программное обеспечение специального назначения, базы данных, содержащие информацию военного характера, результаты научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в области военных технологий, техническая документация на образцы вооружения и военной техники, картографические материалы военного назначения.

3. Уголовно наказуемые деяния, квалифицируемые статьями 346-348 УК РФ, представляют собой обособленную группу военно-уголовных правонарушений, отличающихся комплексной юридической структурой. Данная структура включает в себя общий объект в виде общественных отношений, гарантирующих боеготовность и обороноспособность государства, а также непосредственный объект, которым выступает регламентированный порядок обращения, учета и обеспечения сохранности военного имущества. Специфика данных составов преступлений заключается в особом предмете посягательства – военной собственности, предназначеннай как для прямого огневого воздействия на противника, так и для обеспечения боевых операций.

Предмет преступлений против порядка сбережения военного имущества, предусмотренных ст. ст. 346-348 Уголовного кодекса РФ, охватывает не только вооружение, боеприпасы и технику, состоящие на вооружении ВС РФ, но и трофейное оружие, так как оно может быть повторно использовано в боевых условиях и подлежит специальному учету.

4. Отмечается, что объективную сторону преступлений, описанных в статьях 346–348 УК РФ, могут составлять не только специальные субъекты (военнослужащие по призыву или контракту, граждане в запасе во время сборов, а также участники добровольческих формирований, созданных в соответствии с ФЗ № 61-ФЗ «Об обороне»), но и любое дееспособное физическое лицо соответствующего возраста, в том числе гражданские лица, назначенные на воинские должности (ст. 19 УК РФ).

В таких случаях квалификация деяния по нормам глав 21 и 30 УК РФ с точки зрения строгости наказания не соответствует целям уголовного закона и степени общественной опасности данного уголовно-правового нарушения.

5. Ключевое отличие между преступлениями, посягающими на порядок сохранения военного имущества, закрепленными в статьях 346-348 УК РФ, и аналогичными общеуголовными преступлениями заключается в характере основного объекта преступного посягательства, ограниченном перечне предметов в специальных составах, а также в специфике объективной стороны противоправных действий. Проведенный анализ показывает, что умышленное выведение из строя военного имущества и диверсионная деятельность (статья 281 УК РФ) не только обладают близкой степенью общественной опасности (в особые периоды их показатели в этой сфере могут быть практически идентичны), но и вызывают сходные уголовно-правовые последствия при нарушении уголовно-правовой нормы, запрещающей уничтожение, повреждение или утрату данного вида имущества.

В целях усиления уголовно-правовой охраны оборонного потенциала государства и устранения пробелов в действующем законодательстве, предлагается дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации статьей

281.4, изложив её в следующей редакции:

«Статья 281.4. Уничтожение, повреждение или утрата продукции военного назначения, повлекшие утрату боевой готовности.

1. Уничтожение, повреждение либо утрата продукции военного назначения, повлекшие потерю воинским формированием установленной степени боевой готовности к выполнению задач по предназначению, наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет.

2. Те же деяния, совершенные:

а) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

б) в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, наказываются лишением свободы на срок от восьми до двенадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, повлекшие тяжкие последствия для обороноспособности Российской Федерации, наказываются лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет».

6. Повреждение военного имущества в результате его неправомерного завладения с учетом уникальности поврежденного военно-технического средства, его значимости для обеспечения боевой способности подразделения следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 166 и ст. 347 УК РФ.

7. Нарушение правил вождения или эксплуатации боевой, специальной или транспортной машины, повлекшее наряду с последствиями, указанными в статье 350 УК РФ, последствия, указанные в статье 347 УК РФ – необходимо квалифицировать по совокупности статей 350 и 347 УК РФ. При отсутствии последствий, указанных в статье 350 УК РФ, но повлекшие тяжкие последствия, или совершение вышеназванных нарушений умышленно –

квалифицировать по статье 347 УК РФ или статье 346 УК РФ, соответственно. Обязательным условием является отнесение специальной либо транспортной машины к предметам военной техники.

8. Различие в квалификации по статьям 348 и 349 УК РФ заключается в обязательности признака официального вверения имущества, а также в вопросе реализации потенциальной опасности, заложенной в свойствах предмета.

9. Существенным недостатком действующего законодательства является отсутствие специального состава преступления, который бы охватывал неправомерные действия в отношении программного обеспечения военного назначения. Современные военные информационные системы включают в себя сложные программные комплексы, нарушение работоспособности которых может повлечь серьезные негативные последствия для обороноспособности страны. Однако существующие составы преступлений не позволяют в полной мере учесть специфику данных объектов посягательства.

В целях устранения выявленных правовых пробелов представляется целесообразным дополнить статью 272 УК РФ специальным квалифицирующим признаком, предусматривающим повышенную ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации военного назначения. Данное предложение обусловлено тем, что военная информация имеет особую ценность и её неправомерное использование может причинить значительный ущерб интересам обороны и безопасности государства.

Список литературы:

Нормативно-правовые акты:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 года // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 25. – 1996. – Ст. 2954.
4. Федеральный закон от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе // Собрание законодательства Российской Федерации. - № 13. – 1998. – Ст. 1475.
5. Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 51. – 1996. – Ст. 5681.
6. Федеральный закон от 31 мая 1996 года № 61-ФЗ «Об обороне» // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 23. – 1996. – Ст. 2750.
7. Федеральный закон от 27 мая 1998 года № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 22. – 1998. – Ст. 2331.
8. Федеральный закон от 19 июля 1998 г. № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами».
9. Военная доктрина Российской Федерации : утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. // Российская газета. 2014.
10. Уставы внутренней службы и гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 года № 1495 // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 47. – 2007. – Ст. 5749.

11. Указ Президента Российской Федерации от 22 февраля 1992 г. № 179 «О видах продукции (работ, услуг) и отходов производства, свободная реализация которых запрещена» // Российская газета. 1992. № 61.

12. Указ Президента Российской Федерации от 25 марта 2015 № 161 «Об утверждении Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 13. – 2015. – Ст. 1909.

13. Указ Президента Российской Федерации от 31 июля 2022 г. № 511 «Об утверждении Корабельного устава Военно-Морского Флота».

14. Постановление Правительства РФ от 15 октября 1997 г. № 1314 «Об утверждении Правил оборота боевого ручного стрелкового и иного оружия, боеприпасов и патронов к нему, а также холодного оружия в государственных военизированных организациях» // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 42. – 1997. – Ст. 4790.

15. Постановление Правительства РФ от 8 сентября 1998 г. № 1077 «О принятии на вооружение Вооруженных Сил Российской Федерации отдельных видов вооружения и патронов». // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 37. – 1998. – Ст. 4635.

16. Постановление Правительства РФ от 21 июля 1998 г. № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 32. – 1998. – Ст. 3878.

17. Постановление Правительства Российской Федерации от 29 мая 2006 г. № 333 «О военных сборах и некоторых вопросах обеспечения исполнения воинской обязанности» // Российская газета. – 2006. – 9 июня.

18. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 1998 года // БУВС и ВК ВС РФ. 1998. № 4 (172).

19. Приказ ГТК РФ от 18 августа 1997 г. № 497 «Об утверждении Инструкций по организации учета, хранения, выдачи, транспортировки

оружия и боеприпасов, а также Правил применения оружия и спецсредств в таможенных органах Российской Федерации» // СПС «Гарант».

20. Приказ Министра обороны СССР № 56 от 1962 г. «Об утверждении Правил ношения и хранения огнестрельного оружия военнослужащими Вооруженных Сил СССР».

21. Приказ Министра обороны РФ от 28 февраля 1995 г. № 90 «Об организации учета, хранения и выдачи стрелкового оружия и боеприпасов к нему, а также инженерных боеприпасов в Вооруженных Силах РФ».

22. Приказ Министра обороны РФ от 1995 года № 393 «Об утверждении Правил содержания запасов ракет, боеприпасов, взрывчатых веществ и изделий на их основе по степени взрывопожароопасности».

23. Приказ Министра обороны РФ от 3.06.2014 № 333 «Об утверждении Руководства по войсковому (корабельному) хозяйству в Вооруженных Силах Российской Федерации.

24. Приказ Председателя Следственного комитета Российской Федерации от 13 августа 2021 года № 131 «Об установлении юрисдикции специализированных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации».

25. Боевой устав по подготовке и ведению общевойскового боя, введенный в действие приказом главнокомандующего Сухопутными войсками от 31 августа 2004 г. № 130.

26. Инструкции по организации учета, хранения и выдачи стрелкового оружия, боеприпасов к нему, а также инженерных боеприпасов в Вооруженных Силах Российской Федерации. Введено в действие приказом МО РФ 1996. № 90.

27. Наставление по стрелковому делу. Основы стрельбы из стрелкового оружия. Воениздат. – М., 1970.

28. Наставление для стрельбы из винтовок, карабинов и револьверов. Петроград. 1916.

29. Наставление по стрелковому делу. 7,62-мм автомат Калашникова. Воениздат. – М., 1967.

30. Наставление по стрельбе из танков. Воениздат. – М., 1984; Наставление по стрелковому делу. 9-мм пистолет Макарова. Воениздат. – М., 1968.

31. Наставление по стрелковому делу 7,62-мм Снайперская винтовка Драгунова (СВД). Воениздат. – М., 1984.

32. О военном имуществе : проект федерального закона № 742742-6 : внесен 12.03.2015 депутатом Государственной Думы Российской Федерации Р. И. Худяковым. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.

Диссертации, авторефераты

33. Абдуллаев З.М. Теоретические основы криминализации воинских общественно опасных деяний : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991.

34. Антоненко В.В. Хищение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств в войсках Дальневосточного военного округа: криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Владивосток, 2010.

35. Арзуманян А.Э. Конкуренция норм российского права : вопросы теории и практики : автореферат дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Арзуманян Арам Эдвардович; [Место защиты: Сарат. гос. акад. права]. Саратов, 2009.

36. Ахметшин Х.М. Основные вопросы теории советского военно-уголовного законодательства и практики его применения : дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ВПА, 1974.

37. Ашитов З.О. Уголовная ответственность военнослужащих за нарушение порядка пользования и сбережения военного имущества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Алма-Ата. КазГУ. 1960.

38. Багрова О.Л. Уголовная ответственность за хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. М., 2004.

39. Беспалов А.А. Воинская часть как юридическое лицо (понятие и признаки) : дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВПА, 1973.
40. Белый И.Ю. Специально-криминологические меры предупреждения хищений оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств в Вооруженных Силах Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. ВУ. – М., 2000.
41. Бондаренко Д.В. Юридическая ответственность в условиях военного положения (на опыте Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01. М., 2004.
42. Бражник Ф.С. Актуальные проблемы совершенствования и применения к военнослужащим норм общей части уголовного законодательства Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. 20.02.03. М.: ВУ, 1996.
43. Васецов А.П. Борьба с преступлениями, совершаемыми с применением оружия (уголовно-правовое и криминологическое исследования) : дис. ... канд. юрид. наук. ВКИ, – М., 1979.
44. Ведерникова О.Н. Теория и практика борьбы с преступностью: британская криминологическая модель: дис. ... д-ра юрид. наук: [Электронный ресурс]. РГБ. – М., 2003 (Из собрания РБД).
45. Виноградов А.Ю. Гражданская правосубъектность воинской части: дис. ... канд. юрид. наук. 20.02.03. М.: ВУ, 2000.
46. Власов В.П. Криминологическая характеристика и предупреждение незаконного оборота оружия : дис. ... канд. юрид. наук: [Электронный ресурс]. РГБ. – М., 2003 (Из собрания РБД).
47. Дубынина Т.В. Применение гражданско-правовых средств в деятельности военных организаций : дис. ... канд. юрид. наук. 20.02.03. М.: ВУ, 2012.
48. Ежов А.А. Уголовная ответственность за нарушение правил хранения оружия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007.

49. Елина Н.В. Правовой режим военного имущества : дис. ... канд. юрид. наук. 20.02.03. М.: ВУ, 2013.
50. Задоян А.А. Уголовная ответственность военнослужащих за хищение и вымогательство оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : дис. ... канд. юрид. наук. 20.02.03. М.: МВИ ФПС, 2002.
51. Зателепин О.К. Объект преступления против военной службы : дис. ... канд. юрид. наук. ВУ. – М., 1998.
52. Ильяшенко П.Ф. Развитие военного законодательства в период восстановления народного хозяйства и дальнейшего развития советского общества (1946 – 1976 гг.) : дис. ... канд. юрид. наук. 20.02.03. М.: ВКИ, 1987.
53. Калтыгин В.Н. Расследование хищений огнестрельного оружия и боеприпасов из хранилищ воинских частей (криминалистическое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. 20.02.03. М.: ВКИ, 1991.
54. Калякин Д.В. Субъект воинского преступления : дис. ... канд. юрид. наук. 20.02.03. М.: ВАЭФиП, 1994.
55. Квитко А.З. Правовые основы обеспечения сохранности государственного имущества воинской части : дис. ... канд. юрид. наук. 20.02.03. М.: ВПА, 1989.
56. Колышкин В.Ф. Уголовная ответственность за уничтожение и повреждение имущества : дис. ... канд. юрид. Наук. МГУ. – М., 1976.
57. Кожемякин Б.А. Ответственность за уклонение от несения обязанностей военной службы путем членовредительства или иными способами : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1978.
58. Лесовой В.В. Правовой режим имущества военных организаций : дис. ... канд. юрид. наук. 20.02.03. М.: ВУ, 1998.
59. Мальков С.М. Уголовная ответственность за хищение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Омск, 2000.

60. Манов В.В. Воинская часть Вооруженных Сил Российской Федерации как участник гражданских правоотношений : дис. ... канд. юрид. наук. 20.02.03. М.: ВУ, 2000.
61. Меньшагин В.Д. Преступления против обороны СССР : дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ВЮА, 1951.
62. Могилевский Г.А. Военная организация как субъект гражданского права : дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.03. СПб., 2003.
63. Молдобаев А.Т. Преступления военнослужащих против порядка оборота оружия по уголовному законодательству Кыргызской Республики : дис. ... канд. юрид. наук. 20.02.03. М.: ВУ, 2002.
64. Никитина Е.В. Уголовная ответственность за умышленное уничтожение и повреждение имущества : автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Рост. юрид. ин-т МВД РФ. – Ростов-на-Дону, 2000.
65. Ноздринов А. И. Вопросы квалификации уничтожения и повреждения военного имущества // Право в Вооруженных Силах. 2003. № 12.
66. Павлов Д.М. Воинская часть как юридическое лицо : дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.14. М., 2013.
67. Пащенко Р.В. Правовое регулирование порядка высвобождения и реализации военного имущества военных организаций : дис. ... канд. юрид. наук. 20.02.03. М.: МПИ ФСБ, 2007.
68. Самойлов А.С. Уголовная ответственность военнослужащих за нарушение правил обращения с оружием, веществами и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих : дис. ... канд. юрид. наук. ВИ. – М., 1989.
69. Самойлов А.С. Квалификация преступлений против порядка оборота оружия в Вооруженных Силах Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. ВУ. – М., 1997.
70. Сморчкова Л.Н. Участие военных учреждений в вещных отношениях: методология правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. 20.02.03. М.: МПИ ФСБ, 2016.

71. Стрекозов В.Г. Защита Отечества – конституционная обязанность граждан СССР : дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВПА, 1973.
72. Тер-Акопов А.А. Правовые основания ответственности за воинские преступления : дис. ... д-ра юрид. наук. ВКИ. – М., 1982.
73. Туркин А.А. Уголовная ответственность за нарушение правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих : дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Ростов-на-Дону., 2004.
74. Чхиквадзе В.М. Военно-уголовное право : дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ВЮА, 1946.
75. Шаньгина Ю.М. Ответственность за уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. – Харьков, 1972.
76. Шарапов С.Н. Оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, взрывные устройства и иные предметы как предметы и средства совершения преступлений против военной службы : дис. ... канд. юрид. наук. – М, 2004.
77. Шульмейстер Ю.А. Воинские должностные преступления по советскому праву : дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВЮА, 1954.
78. Шумков А.С. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния : автореферат дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Гос. ун-т - высш. шк. экономики. Москва, 20. 24 с.
79. Шупленков В.П. Проблемы уголовно-правовой борьбы с преступлениями против обороны СССР : дис. ... д-ра юрид. наук. 20.02.03. – М.: ВКИ, 1986.
80. Юдина У.С. Дифференциация уголовной ответственности за уничтожение или повреждение чужого имущества : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / Юдина Ульяна Сергеевна; [Место защиты: ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя»]. – Москва, 2022. 26 с.

Монографии, научные статьи, учебная литература:

81. Акоев К.Л., Кауфман М.А. и др. Объективная сторона преступления (факультативные признаки). – М., 1995.
82. Алексеев Н.С. Учебные записки ЛГУ. №129. – Л.: ЛГУ, 1951.
83. Аринчев С.В. Взаимодействие залпа атакующих дронов и залпа зенитных дронов // Известия высших учебных заведений. Машиностроение. 2023. №1 (754).
84. Ахметшин Х.М. Вопросы практики применения закона об уголовной ответственности за воинские преступления. Учебное пособие. – М., 1968.
85. Ахметшин Х.М. Воинские преступления. – М., 1956; Воинские преступления. – М. 1970; Уголовное право Российской Федерации. Воинские преступления. – М., 1993.
86. Ахметшин Х.М. Закон об уголовной ответственности за воинские преступления // Правоведение. №2. – 1959.
87. Ахметшин Х.М. Советское уголовное право. Воинские преступления. 1978.
88. Ахметшин Х.М. Субъект преступления по советскому уголовному праву. – М., 1958.
89. Баженов А. В. Военное имущество как предмет преступлений коррупционной направленности // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). Казань: Бук, 2016. С. 226–228.
90. Белый И.Ю. Что относится к предметам военной техники в статьях 346-348 УК РФ // Бюллетень управления военных судов №1 (173). – М., 1999.
91. Бобровский П.О. Военное право в России при Петре Великом. Часть вторая. Артикул воинский. Выпуск 2-ой. – С.-Петербург. 1986.
92. Бодаевский В.П., Оберемок К.В. Об объекте преступлений против собственности // В сборнике: Экономика, управление, право и социум. Сборник материалов IV Межрегиональной научно-практической сетевой

Интернет-конференции. Составители: С.В. Шефель, С.В. Землячев. Симферополь, 2020. С. 58-61.

93. Бодаевский В.П. Об уголовно-правовом понятии объектов преступлений против собственности // В сборнике: Преступления в сфере экономики: российский и европейский опыт. сборник материалов VIII Российско-германского круглого стола. 2018. С. 26-30.

94. Бодаевский В.П., Сафонова Д.В. О проблеме понятийного аппарата объектов преступлений против собственности // В сборнике: Уголовно-правовые и криминологические направления противодействия преступности. Материалы I региональной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. 2018. С. 278-285.

95. Бодаевский В.П. Общественная опасность деяния как критерий, детерминирующий особенности правового регулирования уголовной ответственности военнослужащих // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5. № 3. С. 88-95.

96. Бражник Ф.С. Некоторые вопросы квалификации хищения оружия. Вопросы теории военного законодательства и практики его применения. ВПА. – М., 1974.

97. Буренок В.М. О перспективах развития вооружения, военной и специальной техники на основе опыта специальной военной операции // Вооружение и экономика. 2024. № 2 (68). С. 5-9.

98. Бурлаков Д.О. Анализ методов обнаружения военных дронов и меры борьбы с ними // Современные научные исследования и инновации. 2022. №9 (137).

99. Васильев Н.В. Об уголовной ответственности военнослужащих за преступное отношение к военному имуществу // Труды ВЮА. Вып. 13. ВЮА. – М., 1951.

100. Владимир Даль Толковый словарь в четырех томах. Том четвертый. – М., 1991.
101. Волков Б.С. Ответственность за уничтожение и повреждение имущества по советскому уголовному праву. – Казань, 1961.
102. Воинский Устав о наказаниях. Огнев Д.Ф. – Петроград, 1961.
103. Герцензон А.А. Квалификация преступлений. – М., 1947.
104. Грицаева Н.Б., Левчук А.Н. Гражданко-правовой режим имущества военных организаций // Вестник Международного юридического института. 2018. № 4 (67). С. 5-15.
105. Дагель П.С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве. – Владивосток, 1970.
106. Данилов П.С. Преступления против военной службы в дореволюционном законодательстве России: историко-правовой анализ // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. № 1.
107. Демин О.А. Об ответственности военнослужащих за нарушение правил сбережения военного имущества // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. № 3. 2008. С. 32-34.
108. Живаев Д.В. Незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств в современной России: уголовно-правовой аспект // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2014. № 1.
109. Жудро И.С. Правовые проблемы распоряжения военным имуществом // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2004. № 12 (90). С. 50-52.
110. Зателепин О.К. О некоторых проблемах уголовно-правового обеспечения безопасности населения, проживающего по месту дислокации воинской части. 1998.
111. Землюков С.В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. Новосибирск, 1991.

112. Изотов Д.М., Мелешко П.Е. Предмет преступлений против порядка сбережения военного имущества в теории военно-уголовного законодательства и в судебной практике // Военное право. 2022. № 4 (74). С. 178-189.
113. Инишаков С.М. Военная криминология. Учебник. – М., ВУ. 2000.
114. Ионов М.О. Утрата военного имущества: вопросы квалификации и совершенствования уголовного закона // Бизнес. Образование. Право. 2012. № 4 (21). С. 251-253.
115. Ионов М.О. Ответственность за преступления против порядка сбережения военного имущества по законодательству зарубежных стран // Бизнес. Образование. Право. 2012. № 4 (21). С. 254-258.
116. Камаев Р.Р. Развитие отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступные посягательства на военное имущество после 1917 года // Проблемы в российском законодательстве. 2013. № 2. С. 110-112.
117. Камаев Р.Р. Военно-уголовное законодательство зарубежных стран о преступлениях, посягающих на порядок сбережения военного имущества // Право и образование. 2013. № 5. С. 164-170.
118. Камаев Р.Р. К вопросу о необходимости криминализации хищения военного имущества // Военно-юридический журнал. 2013. № 10. С. 7-9.
119. Камаев Р.Р. Преступления против порядка сбережения военного имущества как преступления против военной службы // Черные дыры в Российском законодательстве. 2013. № 2. С. 65-70.
120. Камаев Р.Р. Некоторые вопросы квалификации преступлений против порядка сбережения военного имущества // Военно-юридический журнал. 2014. № 1. С. 4-12.
121. Камаев Р.Р. Субъект преступлений против порядка сбережения военного имущества // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2015. № 2. С. 161-170.

122. Камаев Р.Р. Порядок сбережения военного имущества как составная часть воинского правопорядка // Военно-юридический журнал. 2016. № 3. С. 9-13.
123. Касторнов И.К. Особенности правового режима военного имущества в Российской Федерации // В сборнике: Правовые проблемы организации интеллектуальной деятельности в Вооруженных Силах Российской Федерации. сборник статей научно-практической конференции. Военный университет Министерства обороны РФ. Москва, 2021. С. 157-161.
124. Ковалев М.И. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления. Красноярск, 1991.
125. Ковалев М.И. Объективная сторона преступления. Красноярск, 1993.
126. Комиссаров В.С. Ответственность за незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств по новому УК РФ. «Законодательство». №2. 1997.
127. Корецкий В.М. Дигесты Юстиниана: Избранные фрагменты в переводе и с примечаниями Перетерского И.С. Наука. – М., 1984.
128. Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика. Владивосток, 1987.
129. Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика, Красноярск, 1991.
130. Косован О.А. Криминализация в системе мер социального контроля над преступностью (военно-правовые аспекты): Монография. – М.: РПА МЮ РФ, 2005.
131. Кудрявцев В.Н. О соотношении объекта и предмета преступления по советскому уголовному праву // Труды Военно-юридической академии. - М., 1951.
132. Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. Юрид. лит. – М., 1963.

133. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Причины преступности в России: криминологический анализ. Норма. – М., 2006.
134. Кудрявцев В.Н. Ответственность за причинение вредных последствий по советскому уголовному праву. – М., 1953.
135. Кузнецов А.В. Уголовное право и личность. – М., 1977.
136. Кулешов Я.В. Особенности правового режима имущества в зависимости от вида военной организации // В сборнике: Правовые проблемы организаций интеллектуальной деятельности в Вооруженных Силах Российской Федерации. Сборник статей научно-практической конференции. Военный университет Министерства обороны РФ. Москва, 2021. С. 183-186.
137. Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. МГУ. – М., 1976.
138. Курляндский В.И. Уголовная политика, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975.
139. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 2-е изд. // Под общ. ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева.
140. Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность. – Л., 1968.
141. Лиманчук А.Л. Особенностью правового режима имущества военных организаций // В сборнике: Правовые проблемы организаций интеллектуальной деятельности в Вооруженных Силах Российской Федерации. Сборник статей научно-практической конференции. Военный университет Министерства обороны РФ. Москва, 2021. С. 196-199.
142. Михлин А.С. Последствия преступления. – М., 1969.
143. Набиев Ф.Ф., Николаева Т.Н. К вопросу о предмете умышленного уничтожения или повреждения имущества (ст. 167 УК РФ) // Черные дыры в российском законодательстве. 2015. № 6. С. 14-15.
144. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В двух томах. Т.2. Особенная часть. Юрид. лит. – М., 2004.

145. Невский С.А. Предупреждение незаконного оборота оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ в дореволюционной России (вопросы законодательной регламентации и практики) // В сборнике: Актуальные проблемы уголовного права и процесса в условиях реформирования законодательства. материалы Международной научной конференции. 2014. С. 172-189.

146. Никонович С.Л. Проблемные аспекты квалификации преступлений, предусмотренных ст. ст. 346-348 УК РФ // Военное право. 2018. № 5 (51). С. 161-168.

147. Паршаков А.С. Деятельность военной прокуратуры по профилактике преступлений против порядка воинских уставных взаимоотношений // Информационный бюллетень ГВП. – 2005. №2 (167).

148. Писаревский Д.Е. Особенности правового режима имущества военных организаций // В сборнике: Проблемы правового обеспечения устойчивого развития оборонно-промышленного комплекса в современных политических и социально-экономических условиях. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Под научной редакцией А.П. Соколова. 2020. С. 253-256.

149. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. – М., 1961.

150. Преступления против военной службы (Военно-уголовное законодательство Российской Федерации). Научно-практический комментарий Уголовного кодекса Российской Федерации / Авт. коллектив: Ахметшин Х. М., Петухов Н. А., Тер-Акопов А.А., Уколов А.Т. М., 1999 г.

151. Рабаданов А.С. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 8. С. 152-158.

152. Российское уголовное право. Особенная часть. // Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. Юрист. – М., 1997.

153. Самойлов А.С. Квалификация преступлений против порядка оборота оружия в ВС РФ. ВУ. – М., 1997.
154. Сморчкова Л.Н. К вопросу о соотношении понятий «имущество военной организации», «военное имущество», «имущество военного назначения» // Военное право. 2020. № 6 (64). С. 81-87.
155. Соколова Е.В. Понятие «военный объект» в российском праве: вопросы терминологической определенности // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2017. № 10 (243). С. 93-103.
156. Соловатов И.А. Опыт боевого применения беспилотных аппаратов в конфликтах последнего времени по данным электронных СМИ // Военный сборник. 2021. №9 (2).
157. Степаненко Ф.Н. История формирования понятия «военное имущество» и его правового режима // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2020. № 7 (276). С. 67-74.
158. Тер-Акопов А.А. Безопасность человека (теоретические основы социально-правовой концепции). – М., 1998.
159. Тер-Акопов А.А. Ответственность за нарушение специальных правил поведения. Юр. Лит. – М., 1995.
160. Тер-Акопов А.А. Бездействие как форма преступного поведения. – М., 1980. Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. Ростов-на-Дону, 1977.
161. Тимофеев В.В. Дроны в стратегическом контексте // Мир перемен. 2023. № 3.
162. Толкаченко А.А., Самойлов А.С. Уголовная ответственность военнослужащих за совершение преступлений. Лекция. ВИ. – М., 1987.
163. Торкунов М.А. Общественная опасность и криминализация деяний: Монография. – Киров: ИП Жидков В.А., 2008.
164. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. – М., 1957.
165. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. Учебник // под. ред. А.С. Михлина. Юристъ. – М., 2004.

166. Турукина Н.С. Понятие и виды преступлений против военной службы // Наукосфера. 2022. № 4-1. С. 225-230.
167. Уголовное право Российской Федерации. Преступления против военной службы. Учебник // Отв. ред. Н. А. Петухов. – М., 1999.
168. Уголовное право Российской Федерации. Воинские преступления. ВАЭФиП. – М., 1993.
169. Уголовное право. Особая часть. Конспект лекций / В. Т. Батычко. Таганрог : ИТА ЮФУ, 2015.
170. Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве. – М., 1950.
171. Фролов Е.А. Стабильность закона и соотношение формальных и оценочных понятий в уголовном праве. – Свердловск, 1973.
172. Хан-Магомедов Д.О. Ответственность за воинские преступления. – М., 1959.
173. Царев Р.А. Понятие военного имущества // В сборнике: Военно-правовые инструменты обеспечения национальной безопасности. Сборник статей научно-практической конференции. Москва, 2022. С. 458-462.
174. Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. – М., 1963.
175. Шепилов С.В. Уголовно-правовая охрана порядка сбережения военного имущества // Юристъ-Правоведъ. 2015. № 6 (73). С. 52-57.
- Словари, энциклопедии:**
176. Владимир Да́ль. Толковый словарь в четырех томах. Том четвертый. – М., 1991.
177. Состав преступления. Юридическая энциклопедия. // Под общей ред. академика Топоркина Б.Н. – М., 2001.
178. Словарь военных терминов. Военное издательство. – М., 1988.
179. Советская военная энциклопедия. – Т.2. – М., 1976.
180. Словарь русского языка, под. Ред. С.И. Ожёгова. – М., 1981.
181. Военная энциклопедия / П. С. Грачёв. М. : Военное издательство, 1995. Т. 3.

Электронные ресурсы:

182. Депутаты предложили передавать конфискованное оружие на нужды СВО [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/news/1716782/> (дата обращения: 01.03.2025).

183. Крюков Н. А. О специфике управления военным имуществом. URL: <https://militaryarticle.ru/voennaya-mysl/2006-vm/9926-o-specifike-upravlenija-voennym-imushhestvom?ysclid=ldsvvwd8ft822293927> (дата обращения: 12.02.2023).

184. По итогам государственного визита в Казахстан и саммита ОДКБ Владимир Путин ответил на вопросы журналистов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75689> (дата обращения: 01.03.2025).

185. Павлов Р. А. Применение беспилотных летательных аппаратов в современных военных конфликтах / Р. А. Павлов, К. П. Савельев. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 51 (446— С. 48-50. — URL: <https://moluch.ru/archive/446/98257/>). (дата обращения: 03.03.2025).

186. Россия начала применять робота для эвакуации раненых в зоне СВО [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/09/15/rossiia-nachala-primeniat-robota-dlia-evakuacii-ranenyh-v-zone-svo.html> (дата обращения: 01.03.2025).

187. Солдат сбил штурмовик «КамАЗом». [Электронный ресурс] : <https://www.kommersant.ru/doc/7714548?ysclid=maobk6w0yq712628623> (дата обращения: 14.05.2025).

Судебная и следственная практика. Архивные материалы:

188. Информационное письмо МВД РФ от 28 марта 1994 г. № 1/1202 «О недостатках в обеспечении сохранности оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ на объектах министерств и ведомств РФ» // СПС «Гарант».

189. Информационное письмо ГВП РФ от 2 ноября 2001 г № 2/2-665/01 «О положительном опыте работы военной прокуратуры Балтийского флота в

сфере надзора за исполнением законодательства при хранении токсичных отходов».

190. Обзор судебной практики по делам о преступлениях против военной службы и некоторых должностных преступлениях, совершаемых военнослужащими // Обзоры судебной практики военных судов Российской Федерации по уголовным делам (1996 - 2001 гг.). М., 2002.

191. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 1999 года № 40 «О практике назначения судами уголовного наказания» // Российская газета. – 1999. – 7 июля.

192. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2002. – № 5.

193. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.

194. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2023. – № 7.

195. Производство по уголовному делу № 14/21/0172—99 // Архив ВП РВСН. 2002.

196. Аналитическая справка ВП РВСН за 2002 год // Архив ВП РВСН.

197. Савенков А.Н. Выступление на коллегии Минобороны России с повесткой дня: «О ходе и результатах выполнения в Вооруженных Силах Российской Федерации мероприятий антитеррористической направленности и по предотвращению террористических актов» 18.04.2003. // Информационный бюллетень ГВП. – 2003. – № 5(163).

198. ВП Камышинского гарнизона. НП – 14/23/0024-07Д.

199. Контрольное производство по уголовному делу № 12002001441000076 // Архив 315 военного следственного отдела Следственного комитета Российской Федерации.

200. Контрольное производство по уголовному делу № 12002001441000076 / Архив военного следственного отдела Следственного комитета Российской Федерации по Солнечногорскому гарнизону.

201. Приговор Астраханского гарнизонного военного суда от 2 мая 2017 г. [Электронный ресурс] : <https://astrahanskygvs.ast.sudrf.ru>.

202. Приговор Грозненского гарнизонного военного суда от 22 марта 2018 г. [Электронный ресурс] : <https://gvs.chn.sudrf.ru>.

203. Приговор Ростовского-на-Дону гарнизонного военного суда от 14 декабря 2020 г. [Электронный ресурс] : <https://gvs--ros.sudrf.ru>.

204. Приговор Махачкалинского гарнизонного военного суда от 5 августа 2021 г. [Электронный ресурс] : <https://mgvs--dag.sudrf.ru>.

205. Приговор Краснодарского гарнизонного военного суда от 7 сентября 2021 г. [Электронный ресурс] : <https://gvs--krd.sudrf.ru>.

206. Приговор Махачкалинского гарнизонного военного суда от 9 сентября 2021 г. [Электронный ресурс] : <https://mgvs--dag.sudrf.ru>.

207. Статистические данные за 2012-2021 годы по составам преступлений, предусмотренных статьями 167, 168 225, 346, 347, 348, части 1 и 1.1 статьи 293.1 УК РФ / Письмо заместителя Главного военного прокурора А.Ю. Девятко от 23.08.2023.

208. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022-2024 годы / Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

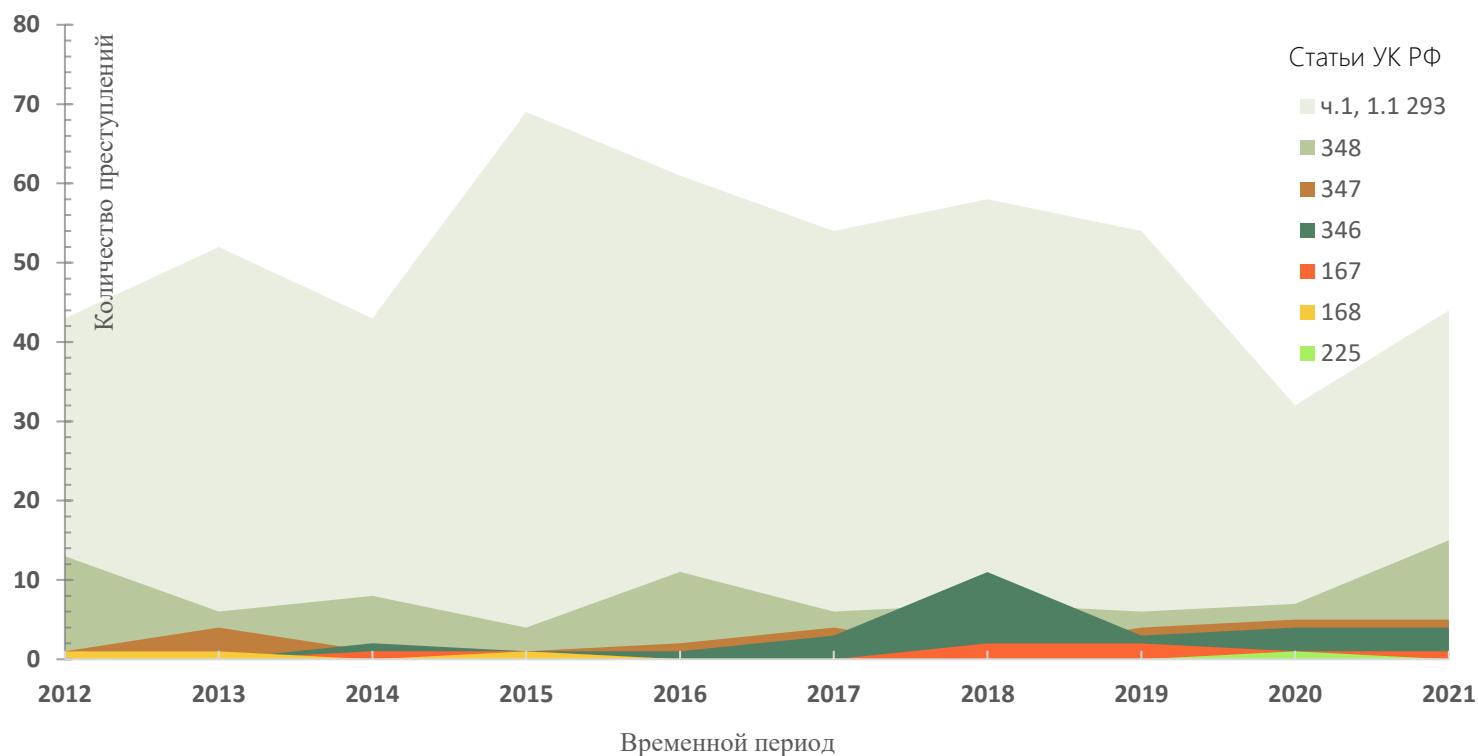
Памятники уголовного права

- 209. Алексеев Н.С. Учебные записки ЛГУ. №129. – Л. - 1951. – С. 379.
- 210. Анисимов В. Воинский устав о наказаниях. Изд. 11-е. – СПб., 1910.
- 211. Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. 2-е изд., испр. и доп. М., 1909.

212. Шенджиковский К.А. История русского военно-уголовного законодательства. - С.-Петербург: Типография Морского Министерства.
213. Военно-морской устав о наказаниях. – СПб, 1875.
214. Воинский устав о наказаниях. – СПб, 1868.
215. Воинский Устав о наказаниях. Огнев Д.Ф. Петроград, 1961.
216. Воинский устав о наказаниях (с комментариями А. Анисимова). – СПб, 1886.
217. Военное право в России при Петре Великом. Часть первая. (сост. П.О. Бобровский). – Вып.1. – С.-Петербург, 1882.
218. Военное право в России при Петре Великом. Часть вторая. (сост. П.О. Бобровский). – Вып.2. – С.-Петербург, 1886.
219. Российское законодательство X-XX вв. Законодательство периода становления абсолютизма // Отв. ред. А.Г. Маньков. Юридическая литература Т. 4. М., 1986.
220. Свод военных постановлений. Часть пятая. Устав Военно-Уголовный. – С.-Петербург, 1839.
221. Свод воинских постановлений 1869 года. – СПб, 1900.
222. СУ РСФСР . 1919. №58. – С. 549.
223. СУ РСФСР . 1922. №15. – С. 153.
224. СУ РСФСР . 1924. №21. – С. 207.
225. СУ РСФСР . 1927. №50. – С. 505.

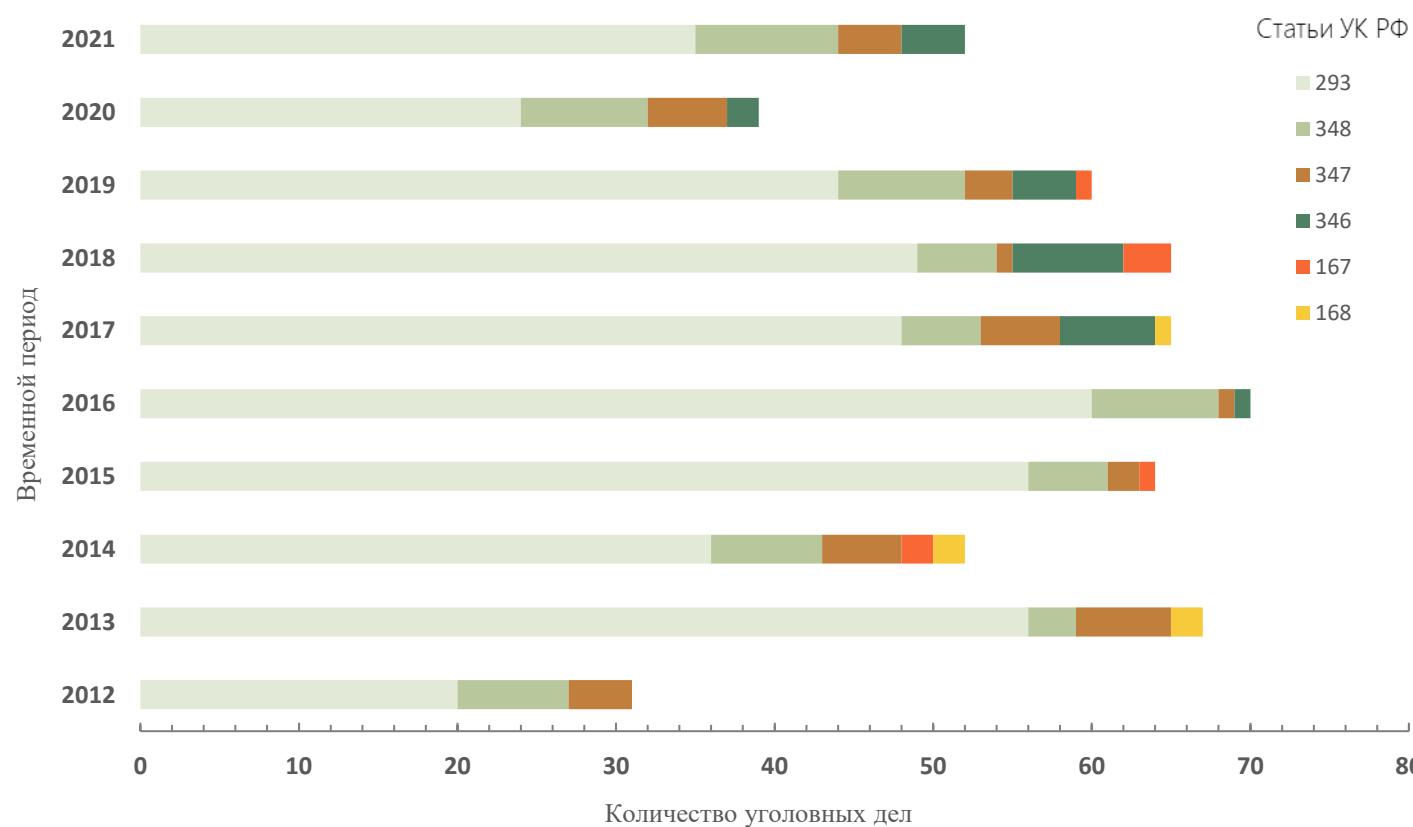
ПРИЛОЖЕНИЕ А

Сведения о преступлениях, предусмотренных статьями 167, 168, 225, ч.1, 1.1 статьи 293, 346, 347 и 348 УК РФ, учтенных в войсках в 2012-2021 гг.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

**Сведения об уголовных делах о преступлениях,
предусмотренных статьями 167, 168, 293, 346, 347 и 348 УК РФ, возбужденных в 2012-2021 гг.**

ПРИЛОЖЕНИЕ В

**Сведения о результатах расследования уголовных дел о преступлениях,
предусмотренных статьями 167, 168, 346, 347, 348 и ч.1, 1.1 статьи 293 УК РФ, за 2012 - 2021 гг.**

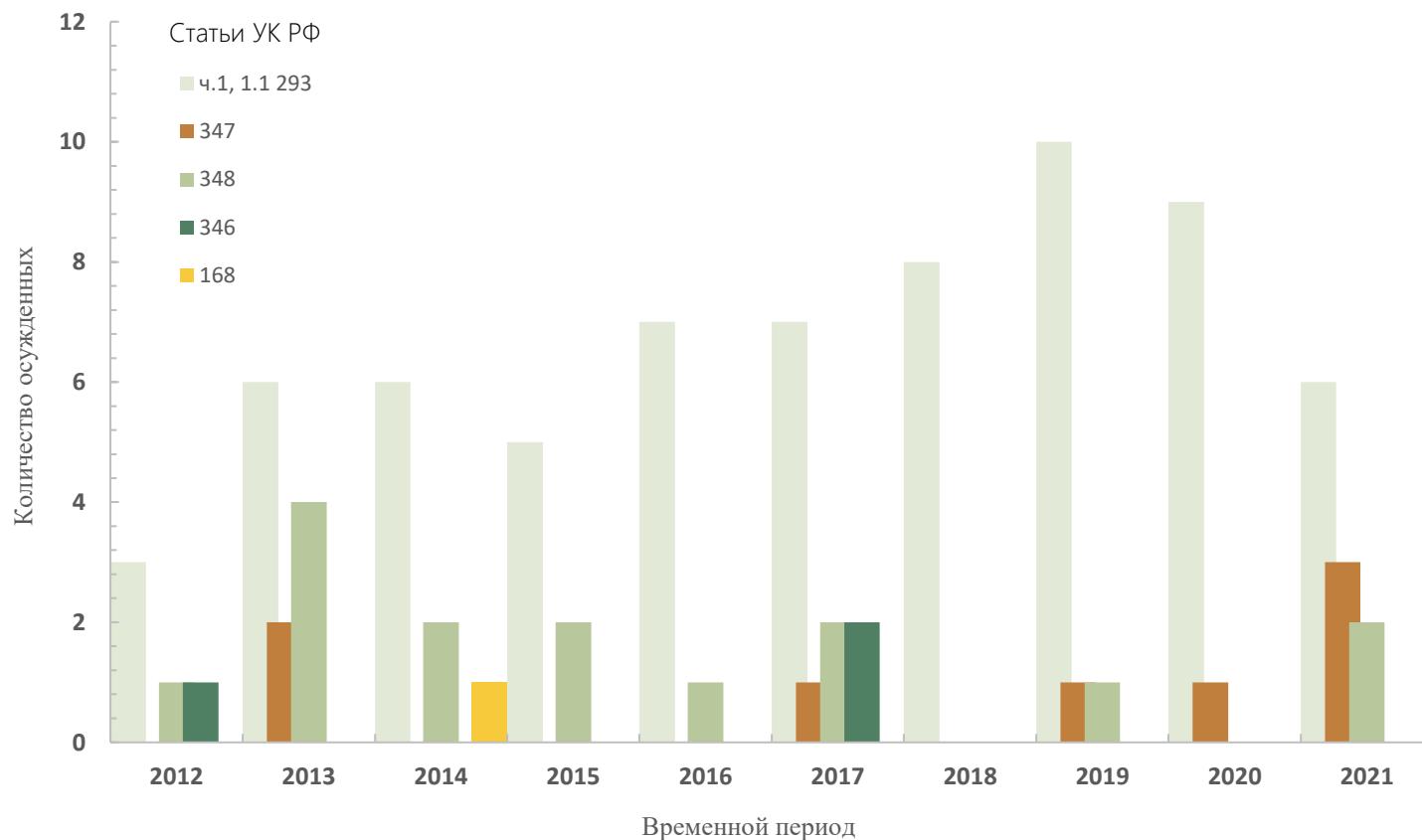
Статья УК	Результат расследования	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
167	Направлено в суд в порядке ст.222 УПК										
	Прекращено на основании ст.28 УПК								1		
	Прекращено на основании ст.25 УПК				1						
	Прекр. за давностью без лица п.3 ч.1 ст.24					1					
168	Направлено в суд в порядке ст.222 УПК			1							
	Прекращено на основании п.1 ч.1 ст.24 УПК				1		1				
	Прекращено на основании п.2 ч.1 ст.24 УПК				1						
	Прекр. за давностью без лица п.3 ч.1 ст.24								1		
293	Направлено в суд в порядке ст.222 УПК	6	10	9	11	9	14	8	14	10	16
	Прекращено на основании п.3 ч.1 ст.24 УПК	5	11	7	8	10	11	20	12	6	8

	Прекращено на основании п.3 ч.1 ст.27 УПК			3	12	9	2	2	1	1	
	Прекращено на основании п.4 ч.1 ст.24 УПК						1			1	
	Прекращено на основании ст.28 УПК	1		1	1	2		2	1	1	
	Прекращено на основании п.1 ч.1 ст.24 УПК	2	1	2	1	1	1	3	4		
	Прекращено на основании п.2 ч.1 ст.24 УПК	20	9	5	14	15	17	15	8	11	5
	Направлено в суд в порядке ст. 25.1 УПК						1	2	1	1	1
346	Направлено в суд в порядке ст.222 УПК	1					3				
	Прекращено на основании п.3 ч.1 ст.24 УПК	1							1		
	Прекращено на основании ст.28 УПК								1		
	Прекращено на основании п.2 ч.1 ст.24 УПК						1				
	Направлено в суд в порядке ст. 25.1 УПК							1			
347	Направлено в суд в порядке ст.222 УПК	1	3				1	1	1	1	4
	Прекращено на основании п.3 ч.1 ст.24 УПК									2	
	Прекращено на основании п.3 ч.1 ст.27 УПК				1						
	Прекращено на основании ст.28 УПК					1		1		1	
	Прекращено на основании п.1 ч.1 ст.24 УПК			1		1					

	Прекращено на основании п.2 ч.1 ст.24 УПК		1	1					1		
	Направлено в суд в порядке ст. 25.1 УПК						1				
348	Направлено в суд в порядке ст.222 УПК	3	5	2	2	3	3	1	2	4	3
	Прекращено на основании п.3 ч.1 ст.24 УПК	1	1	1	2					1	1
	Прекращено на основании п.3 ч.1 ст.27 УПК				2						
	Прекращено на основании ст.28 УПК	2		2					3	1	
	Прекращено на основании п.1 ч.1 ст.24 УПК		1								
	Прекращено на основании п.2 ч.1 ст.24 УПК		1		1		1				1
	Прекр.за давностью без лица п.3 ч.1 ст.24								1		
	Прекращено на основании ч.1 ст.28.1 УПК										1
	Направлено в суд в порядке ст. 25.1 УПК						1	3	1		1
ИТОГО		43	43	35	59	51	59	59	54	41	41

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

**Сведения об осужденных за преступления, предусмотренные статьями 168,
ч.1, 1.1 статьи 293, 346, 347 и 348 УК РФ, за 2012-2021 гг.**

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

Результаты экспертного опроса следователей военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации

Цель опроса:

Выявить мнение следователей военных следственных органов Следственного комитета Р о проблемах квалификации, правоприменения и законодательного регулирования ответственности за преступления, предусмотренные ст. 346–348 УК РФ.

Общее количество респондентов: 47 человек

Характеристика выборки

47 следователей военных следственных органов гарнизонного и окружного уровней Следственного комитета России.

География: Московский и Южный военные округа.

Стаж работы: от 3 лет (для обеспечения репрезентативности).

Специализация: расследование преступлений против военной службы.

Методология опроса

Инструменты: анкета (закрытые и открытые вопросы); кейс-метод (разбор реальных уголовных дел); шкала оценки (1–5 баллов) для сложных аспектов квалификации.

Основные вопросы и обобщённые результаты:

1. Считаете ли вы действующее законодательное регулирование ответственности за уничтожение, повреждение или утрату военного имущества (ст. 346–348 УК РФ) достаточным?

Да – 21 %;

Нет – 68 %;

Затрудняюсь ответить – 11 %.

Комментарий: Основная причина недовольства — отсутствие ясных критериев разграничения с общеуголовными составами (ст. 167, 168, 224 УК РФ).

2. Возникают ли у вас трудности при квалификации деяний, связанных с уничтожением или утратой военного имущества?

Да – 79 %;

Нет – 15 %;

Иногда – 6 %.

Комментарий: Проблемы чаще всего связаны с определением предмета преступления как «военного имущества» и установлением тяжких последствий.

3. По вашему мнению, нужно ли объединить статьи 346–348 УК РФ в единую норму с дифференциацией по формам вины и последствиям?

Да – 62 %;

Нет – 23 %;

Не имеет значения – 15 %.

4. Какая из статей вызывает наибольшие трудности в правоприменении?

Статья 346 УК РФ – 17 %;

Статья 347 УК РФ – 45 %;

Статья 348 УК РФ – 38 %.

5. Считаете ли вы целесообразным ввести в УК РФ отдельную статью, предусматривающую ответственность за уничтожение или утрату продукции военного назначения с последствиями для боевой готовности?

Да – 72 %;

Нет – 21 %;

Не уверен – 7 %.

6. Какие меры позволили бы повысить эффективность уголовно-правовой охраны военного имущества? (многоответный вопрос)

Уточнение предмета преступления в статьях 346–348 УК РФ – 74 %;

Введение нового состава в разделе о преступлениях против безопасности государства – 53 %;

Методические разъяснения ВС РФ – 66 %;

Повышение квалификации следователей – 28 %.

АНКЕТА ДЛЯ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА

Тема: Уголовная ответственность за нарушение порядка сбережения военного имущества (ст. 346–348 УК РФ).

Уважаемый коллега!

Просим вас ответить на вопросы анкеты, направленной на выявление проблем квалификации и расследования преступлений, связанных с утратой, повреждением или уничтожением военного имущества. Результаты опроса будут использованы для совершенствования правоприменительной практики.

I. Общая информация

Ваш стаж работы в военных следственных органах:

- 3–5 лет
- 5–10 лет
- Более 10 лет

Количество дел по ст. 346–348 УК РФ, расследованных вами за последние 3 года:

- 1–5
- 6–10
- Более 10

II. Проблемы квалификации

Как часто вы сталкиваетесь с трудностями при разграничении составов:

Ситуация 1 (редко) → 5 (постоянно)

Ст. 346 УК РФ и ст. 167 УК РФ ○ ○ ○ ○

Ст. 348 УК РФ и ст. 224 УК РФ ○ ○ ○ ○

Какие критерии военного имущества вызывают наибольшие споры? (отметьте до 3 вариантов):

- Принадлежность к вооружению/боеприпасам
- Техника двойного назначения (например, автомобили)
- Программное обеспечение и средства связи

- Иное: _____

III. Следственная практика

Какие доказательства сложнее всего собрать по таким делам?

- Заключение военно-технической экспертизы
- Документы о порядке хранения имущества
- Подтверждение вины командиров за бездействие
- Иное: _____

Оцените типичные ошибки следствия (по шкале 1–5):

Ошибка 1 (редко) → 5 (постоянно)

Неверная оценка ущерба для боеготовности ○ ○ ○ ○

Неполнота проверки доводов защиты ○ ○ ○ ○

IV. Предложения по совершенствованию

Какие изменения в законодательство необходимы? (открытый вопрос):

Какие методические пособия вам нужны? (отметьте нужное):

- Алгоритм разграничения составов
- Примеры обвинительных заключений
- Типовые схемы доказывания
- Иное: _____

V. Пример кейса для анализа

Дело № ...: Военнослужащий допустил возгорание БТР-82А из-за нарушения правил хранения ГСМ. Ущерб — 28 млн руб. Суд квалифицировал по ст. 347 УК РФ.

Согласны ли вы с квалификацией?

- Да
- Нет (укажите статью): _____

Благодарим за участие!

Результаты опроса будут анонимизированы и использованы в научных целях.